

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

14 й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Н О Я Б Р Ъ

11

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
Ф. Савинский. Парламентская тактика с.-д. в эпоху первой русской революции	3
Ф. Чучин. Империалистическая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири (1917—1919 гг.)	21
Д. Кин. Тактика большевиков в рабочих организациях в 1917 году . .	52
С. Сеф. Бакинский Октябрь	67

ВОСПОМИНАНИЯ

И. Яхновский. Из истории революционной работы в Черноморском флоте накануне 1905 года	90
Н. Жигалин. Партизанское движение в Западной Сибири	98

МАТЕРИАЛЫ

Протоколы 3-й Московской областной конференции РСДРП (б) 1917 года. (Окончание.) Подготовлены к печати К. Касаткиным	115
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки. К. Сидоров. История ВКП (б), том II, под общей редакцией Ем. Ярославского	160
Рецензии: М. Артуров. История КИМа в конгрессах.—Г. П. Записки секции по изучению проблем войны при Комкадемии, том II.—В. М. Ахун и В. Петров. Царская армия в годы империалистической войны	169
Новые книги	177

ХРОНИКА

В Институте Ленина: М. Бобрикова. О ходе работ по научной обработке ленинских документов	180
Работа местных истпартов и отделений единого партархива: Е. Попова. В нижегородском краевом отделении единого партархива	182
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ: Е. Ярославский. Каким должен быть и каков есть журнал «Каторга и ссылка».—М. Ольминский. Ответ тов. Ярославскому — От редакции	183

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

14-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Н О Я Б Р Ь

11 (106)

4 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Отпечатано в типографии Госиздата

«Красный пролетарий», Москва,

Краснопролетарская, д. 16,

в количестве 3 250 экз.,

Главлит № А—86976

Гиз П—10 № 44215

Заказ № 1822

11 п. л.

☆

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ТАКТИКА С.-Д. В ЭПОХУ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ *

ВВЕДЕНИЕ

«Вопрос о думской тактике есть лишь часть вопроса об общей тактике, подчиненного в свою очередь вопросу об оценке всего современного революционного момента»¹.

В оценке характера революций 1905 г. и большевики и меньшевики сходились в том, что революция по своему характеру является буржуазной, т. е. что те экономические и политические преобразования, которые стали для России необходимостью и неизбежностью, отнюдь не подорвут основ капитализма, а, наоборот, будут способствовать его скорейшему развитию. Но ближайшее же более конкретное рассмотрение вопроса о буржуазном характере революции приводило большевиков и меньшевиков к совершенно различным выводам.

Вывод из меньшевистской схемы развития революции, это—вывод¹ об особой роли, которая в общем ходе революции отводится меньшевиками представительному учреждению—роль центра революции и главной базы борьбы за новый строй. Отсюда вытекает необходимость подчинения всех остальных форм борьбы борьбе за созыв представительного учреждения, когда его еще нет, борьба в связи с представительным учреждением, когда оно уже создано. Иначе говоря, общие вопросы тактики подчинены у меньшевиков вопросу о парламентской тактике, парламентская тактика определит собою общую тактику.

У большевиков парламентская тактика являлась, наоборот, только частью общей тактики, и потому для понимания отношения большевиков к той или иной Думе или их поведения внутри Думы обязательно знакомство с общей тактикой большевиков в соответствующий момент. Напомним основные тактические положения большевиков в эпоху первой русской революции.

Тактика большевиков прямо вытекала из анализа положения и интересов различных классов в России. Единственным последовательно-революционным классом, заинтересованным в решительном доведении ре-

* В основу статьи положен доклад в ИКП в семинарии т. Невского.

¹ Ленин, Сочинения, т. IX, стр. 23.

волюции до конца, был, согласно этого анализа, рабочий класс. Этим определялась роль пролетариата, как гегемона в революции. Естественным союзником пролетариата в революции признавалось крестьянство, заинтересованное также в доведении революции до конца. Отсюда вытекала большевистская тактика поддержки революционных требований и революционного движения крестьянства. Очищать крестьянское движение от реакционных примесей, доводить до конца демократические требования крестьянства, укреплять союз рабочих с крестьянством на основе совместной борьбы за доведение революции до конца—вот один из основных принципов тактики большевиков на весь период буржуазно-демократической революции. В противоположность меньшевикам либеральная буржуазия оценивалась большевиками как сила неревolutionная, не способная по своему положению хотеть доведения революции до конца. Оппозиционная на первом этапе революции буржуазия станет неизбежно контрреволюционной по мере более энергичного и самостоятельного выступления крестьянства и особенно рабочих. Готовить массы к этой измене либералов, разоблачать их половинчатость, недемократичность, отвоевывать из-под влияния буржуазии крестьянство—вот второй принцип большевистской тактики в эпоху демократической революции. Но если революция сможет победить только вопреки буржуазии и при условии руководящей роли пролетариата, ведущего за собой крестьянство, то очевидно, что полная и решительная победа революции должна ознаменоваться установлением революционной демократической диктатуры рабочих и крестьян, отстаивающих от натиска реакции завоевания революции. Лозунг демократической диктатуры рабочих и крестьян являлся завершением большевистской концепции революции 1905 года. Все тактические резолюции большевиков строились, в конечном счете, с точки зрения достижения демократической диктатуры и обратно,—все тактические резолюции логически приводили к установлению диктатуры рабочих и крестьян. Демократическая диктатура рабочих и крестьян означала единственный исход победившей до конца революции, и лозунги Учредительного собрания, Врем. правительства являлись только юридической формой, популяризирующей классовое содержание победившей революции. В этом коренное отличие большевистских лозунгов от меньшевистских и кадетских. Меньшевики тоже говорили о Врем. правительстве, но о Врем. правительстве, образованном буржуазией; и меньшевики и кадеты тоже говорили об Учредительном собрании, но об Учредительном собрании, созданном инициативой какого-либо представительного учреждения, созданного по царскому указу. Центр тяжести большевистских лозунгов Врем. правительства и Учредительного собрания лежал не в самих лозунгах, а в том, *как и кто* создаст Врем. правительство, *кто* созовет Учредительное собрание.

Кто должен был созвать Учредительное собрание по мнению большевиков? Только Врем. революционное правительство, ставшее на место свергнутого самодержавия. Кто и как должен создать Врем. правительство? По-

бедивший революционный народ (пролетариат и крестьянство) на основе победоносного вооруженного восстания. Всенародное вооруженное восстание—единственный путь действительного доведения революции до конца. Вооруженное восстание—вот то звено, уцепившись за которое можно вытащить всю цепь победоносной революции.

«Третий съезд РСДРП признает,—читаем мы в резолюциях III съезда,—что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент». Революционное движение уже привело к необходимости восстания, и задача с.-д.—организовать пролетариат для непосредственной борьбы, принять самые энергичные меры к его вооружению и разъяснять в пропаганде и агитации не только политическое значение восстания, но и практически-организационную его сторону. Этой основной тактической задаче—подготовке и организации вооруженного восстания—должны быть подчинены все остальные. Решение всех практических и тактических вопросов ставилось большевиками в зависимость от развития политического движения для политической борьбы, единственной формой победоносного исхода которой являлось вооруженное восстание. Воспитание и организация рабочего класса, о чем так много кричали меньшевики, признавалась и большевиками задачей бесспорной и требующей большой работы, но *центр тяжести* воспитания и организации объявлялся не в создании профессиональных союзов и легальных обществ, как говорили меньшевики, а в подготовке вооруженного восстания, в создании революционной армии, в самом вооруженном восстании.

Если в отношении меньшевиков нам пришлось выше отметить, что основным вопросом, подчиняющим себе все остальные, являлся для них вопрос о представительном учреждении, то в отношении большевиков следует сказать, что главенствующую роль у них играл вопрос о вооруженном восстании. Эти две различные отправные точки зрения, определяя собой различный подход большевиков и меньшевиков ко всем вопросам революции, определяли различный подход и к вопросам парламентской тактики. Такая различная установка большевиков и меньшевиков проявила себя ярче всего в их отношении к Булыгинской думе.

1. БУЛЫГИНСКАЯ ДУМА

Напомним кратко историю вопроса о Булыгинской думе.

Рескриптом от 18 февраля на имя министра внутренних дел Булыгина было возведено о намерении правительства «привлекать достойнейших, доверием облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». В том же рескрипте говорилось и о «непременном сохранении неизыблемости основных законов империи». Проект положения о Думе, составленный Булыгиным, поступил в совет министров 23 мая. 6 августа,

при особом манифесте, были опубликованы—«Учреждение Государственной думы» и «Положение о выборах в Государственную думу». По манифесту создавалось «особое законо-совещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов». Из ведения Думы были исключены законодательные дела по военному и морскому ведомствам. Вне ведения Думы оставлено также направление внешней политики, объявление войны и заключение мира. Право рассмотрения государственной росписи у Думы хотя и имелось, но влияние Думы на роспись было сведено до минимума. В частности, вне компетенции Думы были так называемые чрезвычайные финансовые меры, порядок и условия совершения займа, отчеты Государственного банка и многие другие.

Самый порядок работы Думы, намеченный в положении, ясно показывал, что по замыслам авторов Дума должна была быть не чем иным, как только бюрократическим привеском к общей бюрократической системе самодержавия. Дума делилась на «отделы», которые должны были ведать специальным кругом вопросов. Вопросы, подготовленные в отделе, поступали на общее собрание Думы, которое по этим вопросам выносило свои «заключения». «Заклучения общего собрания передавались в Государственный совет и оттуда вместе с заключениями Совета шли на усмотрение верховной власти, которой и принадлежало окончательное решение вопросов. Если государь обратит внимание на медленность рассмотрения Думою внесенного в нее дела и если Дума не окончит этого дела в срок, назначенный Государственным советом, то можно было обойтись при законодательстве и без заключения Думы. Публике доступ на заседания Думы и ее отделов воспрещался. Избиралась Дума на 5 лет, но императорским указом могла быть распущена и до срока. Исключение, как и временное устранение членов Думы от заседаний было, по положению, поставлено в зависимость не от согласия Думы, а от сената. Напомним еще, что избирательной системой рабочие совершенно устранялись от выборов. Вот вкратце основные положения, которыми определялись состав, права и обязанности предполагаемого законосовещательного представительного учреждения.

Выборы в Булыгинскую думу, как известно, не производились, и самый вопрос о Булыгинской думе был снят манифестом 17 октября, возвестившим о намерении правительства созвать новую, уже законодательную Думу.

Еще задолго до опубликования положения о Булыгинской думе, в мае, на III съезде большевиков и на женеvской конференции меньшевиков, были приняты резолюции о тактике с.-д. в отношении к возможным попыткам самодержавия созвать представительное учреждение. Большевики, указывая на лицемерный характер обещаний, которые делают царское правительство в вопросе созыва представительных учреждений, отмечали безусловную невозможность для самодержавия дать удовлетвори-

ные формы и предлагали поэтому, пользуясь предвыборной агитацией, доказывать необходимость созыва Учредительного собрания революционным путем, путем вооруженного восстания. Меньшевики специальной резолюцией—«об участии в выборах в представительные учреждения», тоже ставят целью—созыв Учредительного собрания, но путь созыва намечают другой. «Требуя созыва Всенародного учредительного собрания, соц.-демократия должна в качестве самостоятельной политической партии использовать в интересах его достижения и те представительные учреждения, которые могут быть в ближайшем будущем созваны падающим самодержавием» (из резолюции меньшевиков). Если рассмотреть эту резолюцию в связи с другими, принятыми конференцией, то рекомендуемое меньшевиками использование представительного учреждения представляется уже не как одна из возможностей, содействующая развитию революции, а как единственный путь к победе революции. Путь вооруженного восстания конференцией отвергается; вооруженное восстание объявляется невозможным в силу целого ряда обстоятельств. В резолюции—«о завоевании власти и участии во временном правительстве»—победа революции рисуется меньшевиками в форме решения «того или иного представительного учреждения... организовать Всенародное учредительное собрание»... Таковы две установки большевиков и меньшевиков в отношении к еще только предполагающемуся созыву царским правительством представительного учреждения. Имея в виду эти установки, мы легко теперь сможем разобраться в той тактике, которую наметили большевики и меньшевики в отношении Булыгинской думы, когда возможность созыва ее уже перестала быть спорной.

Как оценивали большевики и меньшевики самый факт намерения правительства созвать Думу? По этому поводу мы находим подробный ответ и у большевиков и у меньшевиков еще до опубликования проекта о созыве Думы.

Меньшевистский «Социал-демократ» (№ 11) в «Политическом обозрении» посвящает этому вопросу длинную статью. Автор статьи предвидит, что представительство будет карикатурное, но *«все-таки открыто признано народное представительство»*—подчеркивает и ликует он; избирательное право будет, конечно, искажено, но *«все-таки открыто признано избирательное право»*. Предвыборная агитация будет несомненно стеснена, но *«все-таки будет открыто признана предвыборная агитация»*. Дума не получит права решающего голоса, но *«все-таки будет открыто признано право учреждения, так или иначе выборного, обсуждать общегосударственные вопросы»*. Автор обозрения, как видим, готов признать все недостатки, всю карикатурность Булыгинской думы, но... *«все-таки»*... все-таки «народное представительство», «избирательное право», «предвыборная агитация», «общегосударственные вопросы»... Автор загипнотизирован этими громкими словами и в трансе кроме них ничего не видит и не понимает. Всю эту тираду, с коленопреклонением перед священными словечками парламентского ритуала, можно объяснить только острым приступом бо-

лезни всех оппортунистов—парламентского кретинизма. Только этим можно объяснить и дальнейшие строки той же статьи, где говорится о значении Булыгинской думы. «...В судорогах самодержавия, побежденного революционным народом, и состоит главное значение созыва Думы»¹.

Совершенно иную оценку Думы мы находим у большевиков. Коренное значение Думы заключается, по мнению большевиков, «в сделке царизма с помещиками и крупными буржуа, которые посредством невинной, совершенно безвредной для самодержавия, якобы конституционной, подачи должны быть постепенно разъединены с революцией, т. е. с борющимся народом, и примирены с самодержавием»². Намерения правительства созвать Думу есть, конечно, известная уступка революции, но уступка ничтожная, «совершенно безвредная» для самодержавия. Говорить о «судорогах» самодержавия, о «побежденном» самодержавии бессмысленно. Главное значение созыва Думы следует видеть не в факте незначительной уступки самодержавия, а в том, что этой уступкой самодержавие хочет войти в сделку с буржуазией с целью подавить революцию и не дать конституции.

Таковы две различные оценки, большевиками и меньшевиками, самого факта намерения правительства созвать Думу. Уже эта различная оценка значения созыва Думы фактически определяет различие в тактике большевиков и меньшевиков по отношению к Булыгинской думе. Если созыв Думы является результатом победы революционного народа, если Дума созывается вопреки и против самодержавия, тогда Дума—орудие революции, ее использование—в интересах революции. Если же Дума должна послужить самодержавию для подавления революции, тогда в интересах революции сорвать эту Думу. Так различная оценка Думы ставила вопрос или об использовании или о срыве Думы. На практике этот вопрос сводился к вопросу об участии в выборах или в бойкоте Думы.

Вопрос о непосредственном участии или неучастии в выборах в Булыгинскую думу являлся собственно вопросом для внутрибуржуазной демократии, так как пролетариат, как мы знаем, был лишен избирательных прав. Буржуазная демократия раскололась по вопросу о Думе на два лагеря. Революционная, радикальная демократия высказалась за бойкот Думы; либеральная буржуазия склонялась к участию в выборах.

Каков был объективный смысл бойкота или участия в выборах в Булыгинскую думу? Участие в Думе означало бы ослабление агитации со стороны буржуазной демократии за развитие внепарламентского революционного движения, отказ от быстрого и решительного свержения самодержавия, обращение не к народу, а к царю, и приближение контрреволюционной сделки между царем и буржуазией. Бойкот означал протест против царского издевательства над народным представительством, протест,

¹ «Социалдемократ» № 11 от 4 августа 1905 г., ст. «Политическое обозрение».

² Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 144.

обращенный к народу, вызывающий усиление и развитие агитации, углубление политического кризиса и революционного движения. На частном вопросе о Булыгинской думе решались фактически общие вопросы о двух путях революции. «Объективно неизбежна была борьба между тем и другим путем: между путем непосредственной революционной борьбы масс и путем монархической конституции... Лозунг бойкота Булыгинской думы и был лозунгом борьбы за *путь* непосредственно-революционной борьбы против пути конституционно-монархического»¹. Такой постановкой вопроса для большевиков решался сам собою и вопрос о выборах в Думу. Пролетариат заинтересован в том, чтобы революция развивалась по первому пути, по пути непосредственной революционной борьбы масс за полное сметение всех остатков старого строя. В этом же пути заинтересована и радикальная, революционная часть буржуазной демократии, т. е. мелкая буржуазия и главным образом крестьянство. Пролетариат должен поддерживать революционные требования демократии и доводить их до конца, увлекая за собой революционную демократию и разоблачая половинчатость и неревolutionность правого крыла буржуазной демократии—либеральной буржуазии. Этим общим тактическим положением большевиков и определялась их тактика в отношении к Булыгинской думе. «Наша тактика,—писал Ленин после того, как выяснилось отношение к Думе двух крыльев буржуазной демократии,—должна состоять в настоящий момент... в поддержке идеи бойкота... Рабочий класс тут прямо не заинтересован, но он безусловно заинтересован в поддержке той части буржуазной демократии, которая революционнее, он заинтересован в расширении политической агитации и обострении ее»². Поддерживая идею бойкота, пролетариат должен приложить все усилия, чтоб бойкот явился не простым пассивным отстранением от выборов, а был бы «активным» бойкотом, т. е. чтобы бойкот принес реальную пользу в смысле расширения и углубления агитации. «...Удесятерение агитации, устройства собраний везде и всюду, утилизацию избирательных собраний хотя бы путем насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. д. и т. д.»³—вот что означал активный бойкот. Прямой и сознательной ложью являлось заявление меньшевиков, что большевики будто бы предлагают пассивно отстраниться от всякого участия в избирательных собраниях, предлагают политику «скрещенных рук». Большевики как раз наоборот стремились превратить лозунг бойкота, который мог бы стать у буржуазной демократии пассивным отстранением от выборов, в боевой, действенный лозунг, призывающий к агитации, вербовке и организации революционных сил «в увеличенном масштабе, с двойной энергией, под тройным давлением...» (Ленин).

Призыв к усилению работы «под тройным давлением» ставит вопрос о содержании этой работы, об основном лозунге работы. На этот

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 19.

² Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 145.

³ Там же.

Вопрос мы находим ответ опять-таки в общей тактике большевиков в тот момент. Большевики стояли за народное представительство, но считали, что действительное, настоящее, а не карикатурное народное представительство народ может получить не от царского правительства, а только в результате свержения этого правительства. Кто должен созвать народное представительство? Временное революционное правительство, для учреждения которого необходима победа народного вооруженного восстания. Путь монархического конституционализма, или путь непосредственной революционной борьбы масс? Эта объективная историческая дилемма читалась в 1905 г. так: Булыгинская дума, или вооруженное восстание? Именно лозунг вооруженного восстания делал реальным лозунг бойкота Булыгинской думы. Конечно, и сам лозунг вооруженного восстания был реален постольку, поскольку вытекал из правильного понимания момента и оценки классовых сил, но несомненно, что если признать вооруженное восстание возможным и необходимым, то именно лозунг вооруженного восстания должен был стать центральным лозунгом около думской кампании. Или, или: или Дума, или вооруженное восстание. Так и только так мог стоять вопрос в условиях 1905 года. Меньшевики как раз не понимали этой исторической альтернативы и в этом их основная ошибка, в этом суть разногласий между меньшевиками и большевиками по вопросу о Думе.

Подытожим. Тактику большевиков по отношению к Булыгинской думе можно выразить в пяти пунктах: «1) усиленная агитация по поводу закона о Государственной думе и по поводу выборов в нее, устройство собраний, использование выборной агитации, демонстрации и пр. и т. д.; 2) сосредоточение всей этой агитационной кампании вокруг лозунгов — вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство; распространение программы этого временного правительства; 3) присоединение для этой агитации и для вооруженной борьбы всех элементов революционной демократии и только их, т. е. только тех, кто принимает на деле вышеуказанные лозунги; 4) поддержка идеи бойкота... с тем, чтобы это был активный бойкот... Привлечение левых представителей буржуазной демократии... к деятельности, сближающей их с мелкой буржуазией и крестьянством; 5) беспощадное разоблачение и клеймение... буржуазных «соглашателей»; оглашение и разъяснение каждого предательского... шага их как до Думы, так и в Думе»¹.

Рассмотрим теперь тактику меньшевиков.

Прежде всего отметим, что все меньшевики решительно высказываются против бойкота (об особой позиции Бунда мы скажем ниже), причем, как мы уже упоминали, меньшевики старательно обходят вопрос об активном бойкоте и критикуют пассивный бойкот, который, кстати сказать, никем и не предлагался. Такая позиция меньшевиков создавала впечатление мнимой революционности их, тогда как на самом деле истин-

¹ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 174—175.

ная подкладка антибойкотистского настроения меньшевиков вытекала из глубоко оппортунистических мотивов. Эти мотивы приходится устанавливать косвенным путем, и только простодушный автор цитированного уже нами «Политического обозрения» (в 11 номере «Социальдемократа») ясно и прямо излагает, почему меньшевики отвергают бойкот. Совсем не потому—как об этом писали впоследствии все меньшевики,—что бойкот, устранив наиболее активные и революционные слои населения от участия в думской кампании, тем самым сыграет на руку реакции. Автор обозрения хорошо понимает, что бойкот невыгоден и опасен для самодержавия. Почему же все-таки нужно отвергнуть бойкот? Потому, что бойкот может заставить правительство пойти на большие уступки и полностью удовлетворить требования имущих классов. Но то, что удовлетворит имущие классы, не сможет удовлетворить рабочих, которые будут продолжать волноваться, продолжать революционную борьбу. И вот тогда-то «сочувствие либерального общества демократическим требованиям народа начнет немедленно испаряться как дым... Сегодняшние «сочувствователи» завтра выступят против рабочих. Вместе с тем, конечно, очень затруднится дальнейшая борьба рабочего класса, который будет стоять один против всех. А между тем именно к такому положению ведет прямоенько бойкот, поддержанный политической забастовкой, если только он будет иметь успех». Более откровенного изложения сущности меньшевистской тактики найти трудно. Здесь дается сущность всей концепции меньшевиков. Здесь имеется и молчаливое признание за либеральной буржуазией роли бесспорного и единственного вождя и гегемона в буржуазной революции, и открытая, откровенная боязнь запугать либералов слишком решительными действиями пролетариата. Напуганная буржуазия может изменить революции и этим погубить ее, пролетариат же, оставившись «один против всех», неизбежно потерпит поражение в своей борьбе,—так рассуждает наш противник бойкота, защищая меньшевистское стремление принять участие в выборах.

Приведем из меньшевистской печати еще несколько выдержек, показывающих, что меньшевики были против бойкота не потому, что они не хотели пассивного отстранения от думской кампании, а потому, что они хотели созыва Думы, потому, что считали Думу необходимым этапом развития революции.

Центральный теоретический орган меньшевиков «Искра» в статье Дана (передовая) от 1 июня, т. е. еще до опубликования положения о Думе, возлагает очень большие надежды на созыв Думы. «Теперь,—пишет Дан,—в случае осуществления созыва Государственной думы,—начинается новый фазис русской революции»... О бойкоте Дан, конечно, и не думает. Он не сомневается, что принять участие в выборах необходимо. Единственная цель, которую он ставит перед социал-демократией, это—объяснить рабочим массам, «какую крупную революционную роль могли бы сыграть депутаты рабочих в выборном учреждении, каковы

бы ни были намерения творцов этого учреждения». В другом номере «Искры» (№ 106), в передовице—«Оборона или наступление», мы читаем, что Булыгинская дума дала бы *«тот всероссийский пункт концентрации политического внимания народных масс, который крайне полезен для объединения и усиления политической агитации»*.

В полном согласии с Даном выступают и другие видные лидеры меньшевиков. Мартов в передовице «Искры» в № 108 (уже после опубликования положения о Думе) пишет, что «Булыгинская «конституция» является все-таки новым и очень важным этапом по пути разложения существующего порядка». В том же номере «Искры», в письме Череванина, мы читаем, что Булыгинская дума, «может быть, поворотный пункт в освободительном движении». Наконец сам Аксельрод—признанный меньшевистский авторитет по тактике, думает только о том, чтобы Булыгинскую думу «превратить в орудие и рычаг для революции»¹. Меньшевистские местные организации высказывались еще яснее и откровеннее. В «Искре» (№ 109) помещено мнение «Мариупольской группы Донецкого Союза». Группа прямо высказывается за созыв Думы: «Отсутствие такого мощного орудия агитации и революционного возбуждения, каким при умелом использовании окажутся заседания Думы, отозвалось бы прямым ущербом для нашей революционной работы... Очевидно, что в настоящее время помешать созыву Думы никоим образом не может быть нашей целью».

Все приведенные цитаты показывают, что в лагере меньшевиков существовало полное единодушие в признании особой важности созыва Булыгинской думы для дальнейшего развития революции. Большевистский путь к победе революции через вооруженное восстание решительно отвергался и ему противопоставлялся принципиально другой путь—через Думу, через парламентскую борьбу.

Перейдем теперь к обзору меньшевистских планов использования Думы и думской кампании. Таких планов намечалось несколько.

Самым первым, по времени составления планов (хотя опубликован он позже других), является план Аксельрода—меньшевистского специалиста по тактике. Как мы уже отметили, Аксельрод не допускает и мысли о бойкоте Думы. Его установка превратить Думу «в орудие и рычаг для революции». Такое чудесное превращение царской Думы в очаг революции достигается организацией общественного давления на Думу, причем это давление оказывается по существу организацией чистоморального порядка. Аксельрод дает лозунг: «немедленный приступ к организации повсеместно свободных выборов народных представителей в другую «Народную думу», на обязанности которой будет лежать «предъявить Государственной думе требование сознательных слоев народа о созыве Учредительного собрания». Итак, созыв Государственной думы совершенно не ставится под сомнение. Вся задача социал-демократии сво-

¹ П. Б. Аксельрод, «Народная дума и рабочий съезд», издание «Искра», Женева, 1905 г.

дится к организации общественного давления на Думу в форме предъявления требования—созвать Учредительное собрание. Посмотрим, как Аксельрод представлял себе организацию «Народной думы» и ее возможный характер. Аксельрод считает необходимым,—в согласии с общим взглядом меньшевиков на роль различных классов в буржуазной революции,—подчеркнуть, что «дело организации Народной думы, дело не классовое, а общенародное». «Существо дела и характер проектируемого собрания («Народной думы».—Ф. С.), как представительства не классового, а общенародного, требует соглашения, сговора и совместного действия нашей партии с центральными организациями либеральной демократии»¹.

Оставляя без критики старую меньшевистскую теорию соглашения с либералами, обращаем внимание на то, что в толковании Аксельрода это соглашение принимает характер политиканства в форме сговора верхушечных организаций за спиной пролетариата. Говоря об общенародном характере «Народной думы», Аксельрод признается далее, что демократические выборы могут дать такое собрание, которое будет недостаточно активно и решительно отстаивать интересы демократии и пролетариата в частности. Но Аксельрод находит выход и из такого положения. Нужно—рекомендует Аксельрод—путем созыва рабочего съезда создать особую политическую организацию рабочего класса, через которую можно давить на «Народную думу» и отстаивать рабочие интересы. Вопрос о рабочем съезде имеет особый, вполне самостоятельный интерес для уяснения меньшевистского воззрения на отношение партии к рабочему классу, но мы оставляем этот вопрос в стороне и говорим о рабочем съезде только в той мере, в какой он (съезд) входит в план думской тактики.

Итак, план Аксельрода в целом представляется в следующем виде: созыву Булыгинской думы не мешать, а стараться использовать ее в интересах революции, для развития революции. Это использование Думы осуществляется через организацию давления на Думу, для чего приступить, на основе соглашения центральных организаций партии с либеральной демократией, к общенародным демократическим выборам в «Народную думу», через которую и предъявить требование народа о созыве Учредительного собрания. Но сама «Народная дума» может быть также недостаточно демократична. Чтоб «Народная дума» действительно решительно отстаивала требования демократии и пролетариата, следует организовать давление и на нее через рабочий съезд, через создание особой политической организации рабочего класса. Рабочий съезд давит на «Народную думу», «Народная дума» давит на Государственную думу, Государственная дума давит на царское правительство. А царское правительство? Оно своими репрессиями может не допустить созыва «Народной думы». Такой исход Аксельрод находит возможным. Что же тогда остается от всего его плана? Как будто ничего. Но Аксельрод—не пессимист.

¹ «Народная дума и рабочий съезд», стр. 7.

4 Если не удастся целиком весь план, то можно помириться и на меньшем. Возможно, что «Народную думу» не удастся собрать, но зато работа, проделанная в связи с подготовкой выборов, будет иметь большое значение для политического просвещения рабочих масс. «И если бы создание предполагаемой Думы не удалось, то цель все-таки в значительной мере была бы достигнута, если бы в процессе агитации и т. д. создалось то общественное давление на Государственную думу, которое необходимо для того, чтобы она явилась опорным базисом и для революции»¹. Мы полагаем, что заключительные строки плана Аксельрода, как и весь план, не требуют комментариев.

Перейдем к изложению плана думской кампании другого меньшевистского лидера—Мартова. Думская кампания должна начаться по плану Мартова с создания, по инициативе рабочих организаций, народных агитационных комитетов, которые избираются всеми элементами населения, не удовлетворенными царской реформой. Эти комитеты должны повести агитацию за действительное народное представительство. Комитеты активно вмешиваются в ход выборов, приглашая граждан, лишенных прямого участия в выборах, организованно сообщать свои мнения и требования более узкому кругу привилегированных избирателей. Кроме того «комитеты оказывают давление на коллегии избирателей в том смысле, чтобы в Думу выбирались *только решительные сторонники демократического и свободного представительства*». Помимо законного «легального» представительства, комитеты стремятся создать нелегальное представительство—будущий «временный орган народной воли». Комитеты призывают население выбирать своих представителей посредством всеобщей подачи голосов; эти представители должны, съехавшись, провозгласить себя Учредительным собранием. «Такова идеальная цель кампании», заключает Мартов. Быть может осуществить эту «идеальную цель» и не удастся, но само движение по этому пути создаст организацию революционного самоуправления, которое приведет в будущем к ликвидации самодержавия и к победе революции².

План Мартова замечателен тем, что он дает рецепты «на все случаи жизни». Планом предусматривается и «идеальная цель» кампании—образование Учредительного собрания, выбранного всем населением посредством всеобщей подачи голосов. (Правда, говоря об этой цели, совершенно не упоминается, куда же денется царское правительство и что оно будет делать). Если образование Учредительного собрания не удастся и всеобщие выборы не будут проведены, то ведь будут производиться законные, «легальные» выборы и потому, на всякий случай, следует добиваться, чтоб в Булыгинскую думу выбирались только «решительные» сторонники демократического и свободного представительства. Заботясь

¹ «Народная дума и рабочий съезд», стр. 15.

² Перевод статьи Мартова с изложением плана Думской кампании из Венской «Рабочей газеты» дан у Ленина в статье «Самое ясное изложение самого путанного плана» Сочинения, т. VIII, стр. 176. См. также «Ленинский сборник» V, стр. 343—359.

о выборе наиболее решительных сторонников демократии в Государственную думу, комитеты «при этом стремятся создать» нелегальное представительство, которое могло бы стать «временным органом народной воли», т. е., очевидно, временным правительством. Если и это не удастся, то движение по этому пути может привести к революционному самоуправлению. Поистине—«Что хотите, то купите». Напрасно, однако, мы стали бы искать в этом плане хоть намека на вооруженное восстание, как условие созыва действительного народного представительства. Несмотря на большую путанность плана, все же ясно, что основная-то цель плана—избежать во что бы то ни стало народного восстания и обеспечить буржуазии мирный легальный приход к власти. В этом суть и плана Мартова и, как увидим, всех других меньшевистских планов.

Приведенные планы Аксельрода и Мартова в основном охватывают все остальные разновидности меньшевистских планов. Все же, чтобы дать наиболее полное представление о путанности меньшевистской тактики, приведем еще несколько более или менее оригинальных планов, фигурировавших в меньшевистской печати наряду с планами Аксельрода и Мартова.

В № 11 «Социальдемократа» предлагается,—вместо мартовских народных агитационных комитетов,—«немедленно же приступить... к выбору *рабочих агитационных комитетов*». Далее рекомендуется пролетариату «выбирать самим и звать крестьян выбирать своих собственных народных депутатов, которые, если их не пустят в царскую Думу, составят свою собственную, революционную, народную Думу». Здесь мы видим, несомненно, нечто иное сравнительно с общенародной Думой Аксельрода и выборами всех граждан посредством всеобщей подачи голосов по Мартову. Перед комитетами ставится задача—стать организующими центрами, способствующими сплочению пролетариата в самостоятельную политическую силу. Это уже нечто вроде подготовки к организации Аксельродовского рабочего съезда. Конец плана почти списан у Аксельрода. Созыв царской Думы не исключается и предполагается, что при наличии «Народной думы» можно будет «давить» на царскую Думу и «добиться того, чтобы, и войдя в Думу либералы ограничились заявлением требования о созыве Всенародного учредительного собрания и затем сложили свои полномочия». Если же либералы паче чаяния будут бойкотировать Думу, то пусть входят в «Народную думу», которая заменит Думу царскую. Что делать, если либералы, войдя в Думу, не захотят отказаться от своих полномочий и не будут требовать Учредительного собрания,—об этом в плане ни слова. Не говорится также и о возможных действиях царского правительства, хотя по смыслу плана требование созыва Учредительного собрания будет обращено конечно к существующему царскому правительству.

Особое место среди меньшевистских планов занял план, изложенный в № 12 «Социальдемократа». Изложению этого плана предшествует оценка текущего момента. Созыв Думы объясняется как уступка иму—

Ащим классам, но уступка, которая удовлетворить имущие классы не может. Отсюда делается вывод о неизбежном столкновении между будущей Думой и самодержавием. «Борясь против самодержавия, Дума будет нуждаться в поддержке народа». Вот тут-то пролетариат и должен, по старому рецепту меньшевиков, поддержать Думу, но на известных условиях:—«Если она (Дума.—Ф. С.) не только не будет препятствовать созыву Всенародного учредительного собрания, но еще и окажет содействие такому созыву против воли самодержавия». «Социал-демократ» ничуть не сомневается, что Дума имущих классов примет эти условия, так как они (условия) совпадают с намерениями самих имущих классов. «Необходимо коренным образом переделать некоторые порядки в России, и Дума, без сомнения, выскажет такое намерение». Но чтобы бить наверняка, «Социалдемократ» предлагает рабочим убеждать буржуазию выбирать только тех депутатов, которые будут безусловно стоять за созыв Учредительного собрания. «Уже в ближайшее время, когда будут производиться выборы в Государственную думу, сознательные рабочие должны агитировать за то, чтобы буржуазия и крестьяне, пользующиеся правом голоса, выбирали только таких депутатов, которые обязуются добиваться созыва Всенародного учредительного собрания». Но может ли Дума сама по себе против воли самодержавия добиться созыва Учредительного собрания? На этот вопрос статья отвечает отрицательно. Но на помощь теории соглашения выступает теория давления и затруднение ликвидируется. Созыв Учредительного собрания может осуществиться под нажимом, под давлением. Что нужно для такого давления?—Создание политической организованности. А политическую организованность даст создание «революционного самоуправления граждан». «Революционное самоуправление народа—вот путь, на который должны встать рабочие, на который они должны звать всех граждан. Вот путь, который приведет нас к достижению нашего требования—к созыву Всенародного учредительного собрания».

Лозунг революционного самоуправления народа стал центральным лозунгом меньшевиков. Мы не имеем возможности, не отвлекаясь от темы, остановиться на критике этого лозунга, напомним только, что главную ошибку меньшевистского лозунга Ленин видел в том, что революционное самоуправление является эпилогом, а не прологом революции, почему лозунг меньшевиков дезориентировал рабочий класс и отвлекал от центральной задачи пролетариата—от вооруженного восстания. Несколько слов о том, как создается —по плану «Социалдемократа»—«революционное самоуправление граждан». Рабочие выбирают повсюду своих уполномоченных. «Эти уполномоченные, образовав городские рабочие комитеты, обратятся от лица всех рабочих к «законным избирателям», чтобы попытаться с ними столковаться о том, что должна делать Дума». Кроме того «эти комитеты должны добиваться созыва всенародных собраний из всех граждан»... «Уездные и губернские съезды таких представителей городского и сельского населения, опирающиеся на выбравшую

их народную массу и составят организацию народного самоуправления»... Кончается план знакомой уже нам картиной: Общий съезд представителей даст «Народную думу». «Народная дума» будет давить на царскую думу, царская дума будет требовать Учредительного собрания... Возможно, что «Народная дума» заменит царскую думу и сама провозгласит созыв Учредительного собрания... Но возможно, что до собрания «Народной думы» и не дойдет, потому что победа над самодержавием может быть будет одержана и раньше... Такими возможностями кончается этот, ставший почти официальным для меньшевиков, план «Социалдемократа».

Другая центральная теоретическая газета меньшевиков—«Искра» в № 101 изложила свой план думской кампании в передовице Дана «К современному положению». План Дана таков: 1) немедленное образование полуполигальных рабочих и агитационных комитетов; 2) рабочие агитационные комитеты требуют от групп, имеющих избирательные права, императивного мандата для их представителей в Думе,—созыва Учредительного собрания; 3) одновременно с «законными выборами» производить выборы всенародные; 4) уездные и губернские собрания народных представителей создают органы революционного самоуправления с всероссийским представительным собранием во главе; 5) через этих народных представителей давить на Государственную думу, требуя созыва Учредительного собрания; 6) если Дума окажется реакционной, то добиваться Учредительного собрания помимо Думы. Все элементы этого плана уже развиты подробно в приведенных нами выше планах. Как и во всех других меньшевистских планах, в данном плане замалчивается вопрос о возможных действиях царского правительства, которое несомненно не допустило бы выполнения самого же первого пункта плана. Что делать в этом «непредвиденном» случае, план не говорит и этим самым ставит под серьезное сомнение выполнение и всех остальных пунктов плана.

Упомянем еще о двух планах—Череванина и Парвуса.

Череванин, соглашаясь с «Искрой» по вопросу о плане создания полуполигальных агитационных комитетов, отвергает организацию всенародных выборов и революционного самоуправления. Вместо этого он рекомендует вести работу по трем направлениям: 1) указывать на невозможность удовлетвориться Думой, агитировать за необходимость Учредительного собрания; 2) «активно вмешиваться в выборы и оказывать давление на другие слои, чтобы депутаты в Государственную думу были посланы с императивными мандатами добиваться превращения Государственной думы в революционное собрание, созывающее Учредительное собрание»; 3) организовать митинги и собрания для обсуждения вопросов давления на Думу («Искра» № 108). Мы видим, что Череванин помимо Думы не ищет никаких других путей развития революции. Его план откровенно отвергает революцию и стоит за мирный эволюционный путь развития через парламент и парламентскую борьбу. Он принимает Булыгинскую думу без всяких оговорок и ставит целью добиваться легальным путем более оппозиционного состава Думы, агитируя за более ли-

беральных депутатов и поддерживая их против более правых. Дальнейшие завоевания революции он связывает с деятельностью Думы, надеясь получить Учредительное собрание через Думу. Парламентский кретинизм у Череванина выявлен вполне ясно, в самом неприкрытом виде. В этом отношении крайне правый меньшевик Череванин может уступить только крайне левому меньшевику Парвусу.

Парвус, договариваясь в своих статьях до диктатуры пролетариата в революции 1905 года, вместе с тем в статье о Государственной думе в № 110 «Искры» совершенно забывает о революции и рассуждает так, как будто революционная эпоха давно миновала и в России имеется давно уже мирная, лишенная революционных возможностей, парламентская эпоха. План Парвуса сводится к следующим пунктам: 1) нужно, чтобы выборы происходили от имени политических партий; 2) каждая партия организует избирательный комитет для проведения выборов. Избирательные комитеты входят между собою в соглашение о порядке выборов и расширения свободы выборов; 3) «нужно употребить все усилия, чтобы выставить собственные кандидатуры»; 4) добиться увеличения оппозиционных депутатов в Думе. Для этого поддерживать кандидатов оппозиции на условиях принятия ими определенных политических требований. «Для нас важно, чтобы в Думе была возможно более сильная и крайняя оппозиция. Это тактика «наименьшего зла», которой с успехом пользуется немецкая соц.-демократия». Этой ссылкой на немецкую соц.-демократию оппортунизм плана Парвуса выявляется ярче всего. В эпоху революционного подъема, в эпоху революции перенимать целиком тактику мирного, неревolutionного времени—в этом суть не только плана Парвуса, но и всей тактики меньшевиков. Не случайно меньшевистские лидеры—Мартов, Дан и др., хотя впоследствии и отрекались от плана Парвуса, но поместили его статью в своем центральном органе без всяких оговорок и примечаний редакции.

На этом мы заканчиваем обзор меньшевистских планов думской кампании, ибо планы, выработанные на местах в России меньшевистскими организациями, ничего нового и существенного кроме дополнительной путаницы в планы центра не внесли. Попытаемся теперь, подытожив все меньшевистские планы думской кампании, свести тактику меньшевиков к нескольким пунктам. За основу возьмем те же пять вопросов, к которым Ленин сводит тактику большевиков по отношению к Булыгинской думе, и посмотрим, как отвечают меньшевики по существу этих вопросов. 1) Об агитации по поводу закона о выборах в Думу. Так же как и большевики, меньшевики за усиление агитации, устройство собраний, использование выборной агитации и т. д. 2) О бойкоте Думы. Все меньшевики против бойкота Думы. Если большевики за агитацию против Думы, против выборов в нее, то меньшевики за агитацию не столько против Думы, сколько за выборы «более решительных представителей в ней». 3) О центральном лозунге агитации. Здесь у меньшевиков имеются некоторые разногласия, но большинство стоит за лозунг—революционное самоуправление. Наряду

с этим лозунгом предлагаются лозунги—Учредительное собрание, народные (иногда рабочие) агитационные комитеты и нелегальное представительство. Все меньшевики против лозунга—вооруженное восстание. 4) Об обращении к революционной демократии. Осуждение позиции революционной демократии и отказ от поддержки ее лозунгов. 5) Об отношении к либеральной буржуазии. Заключать соглашение с либеральной буржуазией о поддержке ее при выборах на определенных условиях. Агитировать за более левых представителей буржуазии против более правых.

Если сопоставить ответ большевиков и меньшевиков по 5 приведенным пунктам, то ясно видно, что разногласия большевиков и меньшевиков в думской тактике носят характер разногласий не по частному определенному вопросу о Думе, а коренятся в совершенно различной оценке классов и их роли в революции 1905 г., в совершенно различном представлении о ходе и развитии революции.

Выделим теперь из 5 пунктов те, которые наиболее характерны для разногласий большевиков и меньшевиков по вопросу о Булыгинской думе. Такими пунктами являются, несомненно, пункты о бойкоте Булыгинской думы и о центральном лозунге агитации. Большевики стоят за бойкот, все меньшевики против. Большевики центральным лозунгом агитации считают вооруженное восстание, все меньшевики отвергают этот лозунг. Если принять, что вопрос о центральном лозунге агитации пред-решает вопрос и о бойкоте Думы, то прав Ленин, когда пишет, что «суть разногласий свелась к тому, что «Искра» не принимает нашего лозунга агитации, который мы считаем центральным (вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство), «Пролетарий» же считает безусловно недопустимым заслонять или хотя бы отодвигать лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления»¹

То, что сказано Лениным в отношении разногласий «Искры» и «Пролетария», относится целиком ко всем меньшевистским планам, поскольку все они не принимают лозунга вооруженного восстания и предлагают лозунги, заслоняющие или отодвигающие лозунг восстания.

Мы до сих пор не говорили о плане Бунда. Его план сводится к двум пунктам: 1) бойкотировать Булыгинскую думу; 2) агитировать за Учредительное собрание. Бунд к моменту революции 1905 г. имел уже прочную и заслуженную репутацию право-меньшевистской, оппортунистической организации и потому особенно интересно, как оценивал Бунд тактику большевиков и меньшевиков. Бунд, говоря о недостатках и преимуществах той или другой тактики, как раз касается тех же вопросов, в которых Ленин видел суть разногласий большевиков и меньшевиков. Конечно, Бунд дает совершенно иную оценку этим вопросам, и там, где Ленин видит недостаток, Бунд усматривает преимущество. Так, говоря о плане «Искры», центральный орган Бунда «Последние

¹ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 167.

известия» (№ 247) пишет: план «Искры имеет одно несомненное достоинство: «Искра» показала, что Учредительное собрание может образоваться путем самопроизвольного зарождения, без содействия какого бы то ни было правительства, стало быть и временного». Суть меньшевистской тактики схвачена удивительно метко. Именно стремление притти к Учредительному собранию без вооруженного восстания, создающего временное революционное правительство, отличает и обобщает все меньшевистские планы, в том числе и Бундовский план, который хотя и стоит за бойкот Думы, но так же, как и все меньшевистские планы, отвергает вооруженное восстание и агитирует за «самопроизвольное зарождение Учредительного собрания»¹. Оценивая позицию «Пролетария», та же статья в «Последних известиях» считает, что позиция «Пролетария» страдает одним существенным недостатком: она связывает агитацию против Думы с «дружинами», «временным правительством» и т. п. вещами, взятыми из Впередовского арсенала. Вооруженное восстание необходимо, к нему надо готовиться... но пока что мы не в силах его вызвать, поэтому и не для чего связывать его с Думой,—так оппортунистический Бунд сразу же почуял революционную суть большевистской тактики. Отвергнув лозунг вооруженного восстания, Бунд мог принять бойкот, не греша против своей оппортунистической совести и не теряя близости к меньшевикам...

На этом мы заканчиваем вопрос о тактике социал-демократии в отношении к Булыгинской думе с тем, чтобы коснуться еще раз этого вопроса при рассмотрении взаимоотношений общей парламентской тактики большевиков с их тактикой бойкота Булыгинской и 1-й Государственной думы. История подтвердила целиком большевистскую тактику бойкота Булыгинской думы. Развитие революционного движения в сентябре, приведшее в октябре к всеобщей политической стачке, заставило царское правительство пойти на дальнейшие уступки и вызвало к жизни манифест 17 октября. На очередь дня встал новый вопрос о новой, уже законодательной, государственной думе.

(Окончание следует.)

Ф. Савинский

¹ На конференции соц.-демократических организаций в России (сентябрь 1905 г.), где обсуждался вопрос о выработке общей тактики по отношению к Государственной думе, Бунд присоединился к большевистской резолюции. Что такое присоединение Бунда носило чисто случайный характер и основано скорее на недоразумении, показывает тот факт, что на первой Всероссийской конференции РСДРП в ноябре 1906 г. Бунд голосовал уже вместе с меньшевиками за избирательные блоки с либералами при выборах в Государственную думу (2-ую).

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В СИБИРИ (1917—1919 гг.)

Вопрос об иностранной интервенции в России был принципиально решен империалистами в положительном смысле вскоре после победы пролетариата в Октябрьской революции. Уже в начале ноября 1917 г. в Рапалло (Италия) состоялась конференция союзников, на которой они решили: для объединения командования создать верховный военный совет, состоявший из премьер-министров стран Антанты. Министры-заговорщики собирались в Париже и на закрытых заседаниях разрабатывали план действий.

Диверсия в Россию была решена ими на парижском совете под видом единственного средства ослабить производимое Германией давление на французский фронт, а также предупредить возможность прорыва немцев к Ламаншу, что при наличии дальнобойной артиллерии у германцев якобы связывалось с прямой опасностью для Англии. На самом деле англичан и французов толкали в этом направлении империалистические круги, сильно заинтересованные в русских делах, так как они основательно боялись за вложенные в России капиталы, подвергавшиеся опасности со стороны победившего в Октябре пролетариата.

Агенты французского правительства—Буржуа, Гине и Пишон—в качестве разведчиков наиболее заинтересованного в русских делах французского капитала давно уже рыскали по России и Сибири, внимательно присматриваясь ко всему происходившему. Они с тревогой следили за перерастанием буржуазно-демократической Февральской революции в пролетарско-социалистическую Октябрьскую революцию. Они заранее выискивали себе союзников среди сибирской и российской контрреволюции, привлекая их на свою сторону обещанием помощи, высматривали место и выбирали момент для высадки десанта и начала действий.

Англичане, заинтересованные положением в Сибири и на Дальнем Востоке не менее французов, также внимательно следили за развитием русской революции и готовились к действиям, не желая уступить в вопросе о вмешательстве в русские дела пальму первенства французам. Учитывая неизбежность борьбы на Черном море и Кавказе за бакинскую и грозненскую нефть, они заранее старались завербовать к себе на службу лучшего знатока этого поля борьбы—вице-адмирала А. В. Колчака, находившегося в Америке по поручению правительства Керенского

и ставшего безработным после пролетарского переворота в Октябре 1917 года. Они пригласили его к себе на службу в морское ведомство и предложили прибыть к началу ноября 1917 г. в Японию в распоряжение английского консула ¹.

Одновременно с этим они дают приказ своим войскам в Гонконге (Китай) приготовиться к следованию в неизвестном направлении в полосу с очень холодным климатом,—как потом оказалось во Владивосток и Сибирь,—для участия в предположенной интервенции. Для усиления своей позиции среди всех интервентов англичане решили направить поступившего к ним на службу Колчака в Пекин и Харбин в качестве члена правления Восточно-китайской ж.-д., поручив ему организацию контрреволюционных сил на Дальнем Востоке и наметив его кандидатуру в диктаторы ².

Помимо англичан и французов в Сибири и на Дальнем Востоке были заинтересованы также японские и американские капиталисты, соперничавшие друг с другом из-за господства на Тихом океане, за рынки Китая, Кореи и Манчжурии, а также из-за обладания сахалинской нефтью и приморским каменным углем. Последний нужен был и тем и другим для будущей империалистической войны, к которой они давно старательно готовились.

Первые подозрения Японии против американских капиталистов появились еще во время правительства Керенского. Последний заигрывал с американской «демократией» и вел переговоры с американскими капиталистами, предлагавшими свои услуги насчет приведения в порядок путей сообщения в Сибири и на Дальнем Востоке. С целью приведения в порядок этих путей сообщения выехала из Америки в Россию специальная миссия во главе с инженером Стивенсом.

По этому поводу русский посол в Токио уже 7 июля 1917 г. направил в Петроград Керенскому секретный телеграфный запрос следующего содержания: «Японский министр иностранных дел просил меня осведомиться, насколько справедлив слух о предоставлении русским правительством американцам прав на горнопромышленные предприятия в Приморской области и Сахалине. Виконт Мотоно прибавил, что если бы сказанное известие соответствовало действительности, то это произвело бы в Японии самое тяжелое впечатление. Признавая, конечно, наше право распоряжаться по нашему усмотрению нашими горными богатствами, министр отметил, однако, что японские капиталисты давно стремились к участию в их эксплуатации. Ныне они готовы образовать с этой целью смешанные русско-японские общества. Еще в бытность свою в Петрограде виконт Мотоно поднимал этот вопрос, но ему тогда было сказано, что русский закон исключает участие иностранцев в горнопромышленных предприятиях указанных местностей. Если ныне наме-

¹ «Допрос Колчака», Центрархив, Гиз, 1925 г., стр. 103 и сл.

² Там же, стр. 107 и сл.

чается отступление от этого закона, то японцы в качестве ближайших соседей, давних соискателей, имели бы преимущественное право получения соответствующих концессий. Министр добавил, что если подобные переговоры с американцами начались, то японское правительство весьма ценило бы оставление их нами без последствий»¹. Далее посол предупредил, что в будущем подобные притязания японцев могут, если обстоятельства сложатся для нас неблагоприятно, привести к весьма опасным последствиям. Подобная внешняя политика России рассматривается ими как сознательное стремление создавать препятствия японской сфере влияния в наших пределах, поэтому он и рекомендовал опровергнуть циркулировавший слух о переговорах с американцами.

Японская дипломатическая газета «Кокумин» уже весной 1917 г., вскоре после Февральской революции, напечатала статью, в которой, приветствуя переворот, выдвинула идею снятия всех русских сил с Дальнего Востока и переброски их на фронт с Германией и Австрией. Защита границ и охрана порядка на русском Дальнем Востоке была бы, таким образом, поручена войскам самой Японии. Это было своего рода пробным шаром, выпущенным японскими империалистами в связи с революцией в России для ориентации в настроении как самой России, так равно и ее союзников.

Союзники России—Англия и Франция,—которым непосредственно угрожало усиление центральных держав на западном фронте вследствие ослабления давления на них с русской стороны из-за совершившейся революции в России, не прочь были воспользоваться услугами Японии в указанном смысле. Однако, Соединенные штаты, опасавшиеся усиления Японии на берегах Великого океана в Азии, были против такой комбинации и предлагали Японии вместе с ними послать на помощь союзникам свои войска в Европу. Японцы на это сначала согласились и приступили к формированию экспедиционных войск.

Новую страницу во взаимоотношениях русской буржуазии и западных империалистов открывает Октябрьская революция. Победа пролетариата в союзе с крестьянством вынуждает буржуазию искать себе временных союзников в рядах социал-соглашателей. Она старается перетянуть на свою сторону и использовать в своих интересах обанкротившиеся партии меньшевиков и эсеров, чтобы с их помощью привести Россию к военной диктатуре. Выбитые из колеи Октябрьской революцией, эти мелкобуржуазные партии в свою очередь ищут сотрудничества с империалистической иностранной буржуазией, надеясь с ее помощью поправить свое пошатнувшееся положение—вернуть вспять колесо истории и установить через Учредительное собрание буржуазно-демократическую власть. Когда эта затея буржуазии и социал-предателей не удалась, они решили совместно готовить необходимую вооруженную силу с целью свержения власти Советов.

¹ Газета «Власть труда» от 12 апреля 1918 г., № 65.

Согласно доклада народного социалиста Патушинского всесибирскому кооперативному съезду в январе 1918 г., временный сибирский совет областников завязал связи с иностранными державами через посредство своего эмиссара на Дальнем Востоке, причем эти державы относились к областническому правительству и сибирской автономии самым доброжелательным образом. «Идея появления в Сибири иностранных войск,— пишет он,—и открытие уральского фронта (выражение тогдашних японских газет) была популяризуема в среде сибирских общественных деятелей (т. е. буржуазии и их союзников—областников и эсеров.—Ф. Ч.) различными иностранными консулами, по преимуществу в Сибири. То были консулы Англии и Франции; во Владивостоке же к ним присоединились и японские консульские учреждения. Идеи фронта и вооруженной иностранной интервенции обсуждались всюду в Сибири более или менее конспиративно, но во Владивостоке и Харбине задачи и планы интервенции обсуждались в печати. Социалистическая газета «Далекая окраина», явно сочувствуя идее интервенции, выдвигала план провозглашения Сибири независимым государством. Русская краевая печать (читай: меньшевистско-эсеровская областническая.—Ф. Ч.) не задавалась вопросом, к каким тяжелым последствиям для народа могут привести идеи вооруженного иностранного вмешательства. И лишь в виде исключения из общего правила против интервенции высказывался на русском Дальнем Востоке один печатный орган «Голос Приморья», идейный предшественник газеты «Голос родины», в то время существовавшей во Владивостоке. Заявления этой газеты, однако же, не могли поколебать сложившегося здесь в антибольшевистских кругах впечатления о «спасительности для России интервенции», и выступление держав весной 1918 г. было встречено этими (т. е. меньшевистско-эсеровскими кругами.—Ф. Ч.) кругами сочувственно»¹.

Так и запишем. Все, кроме большевиков и «демократов»-кадетов, приветствовали на Дальнем Востоке иностранных интервентов. Напрасно только кадетские авторы предисловия пытаются из всей этой продажной контрреволюционной массы выделить себя и свою партию, утверждая, будто они все же не хотели иностранной интервенции и высказывались против нее. Об отношении кадетской партии к иностранной интервенции послушаем другого свидетеля,—члена ЦК партии и Учредительного собрания, сотрудника упомянутых газет, печатавшего в них свои воспоминания. «Допустима ли,—спрашивает он,—помощь иностранцев и какая именно? Этот вопрос,—говорит он,—вызывал самые страстные споры в среде ЦК (кадетской партии.—Ф. Ч.) и отнял не одно заседание. Были принципиальные противники, считавшие какую бы то ни было помощь иностранцев в какой бы то ни было форме недопустимой. Были защитники допустимости помощи до интервенции включительно, оправдывая ее исключительно

¹ Предисловие редакции газеты «Голос родины» к сборнику официальных документов, относящихся к интервенции держав в пределах Приамурья под заглавием «Действия Японии в Приамурском крае», Владивосток, 1921 г. Изд. т-ва «Свободная Россия», стр. 3—4.

соображениями о воссоздании фронта с Германией и допуская пребывание иностранных войск на тех же основаниях, что английские и американские войска, находившиеся на территории Франции. Были вполне допускавшие это, но возражавшие... по моральным основаниям. Так, весьма серьезно изучая вопрос, подходил ЦК к интервенции... ЦК задался целью объединить всю антибольшевистскую общественность на основе общенациональной задачи установления национальной (т. е. чисто буржуазной.—Ф. Ч.) власти и возобновления войны с Германией»¹.

Где же тут отрицание кадетами и их прессой иностранной интервенции? На чем основано «благородное» негодование против усвоенной всеми соглашателями мысли о «спасительности для России интервенции»? Пожалуй верно как раз обратное: ЦК кадетской партии выпала честь «объединить всю антибольшевистскую общественность на основе общенациональной задачи—установления национальной власти и возобновления войны с Германией».—Отказываться, по их мнению, от такой «чести» не следует.

Октябрьская революция в России вырвала власть из рук русской и иностранной буржуазии. Начатые советским правительством переговоры о немедленном перемирии, а затем и сепаратном мире с Германией не оставляли для союзников никакой надежды на активную помощь России в войне с центральными державами, если у власти останется советское правительство. Вот почему англичане и французы, которые не могли пока послать в вышедшую из их повиновения советскую Россию своих экспедиционных войск, торопят свою союзницу Японию перебросить в Россию экспедиционные войска, приготовленные ею в целях оказания помощи союзникам в Европе. Япония в ответ на это желание союзников снова начинает думать о десанте на близком от нее и плохо защищенном русском Дальнем Востоке.

13 ноября 1917 г. в «Таймсе» была напечатана следующая информационная телеграмма из Токио: «Тревожные вести из России создали повышенное настроение, вызвавшее падение бумаг на бирже. Господствует всеобщее ожидание правительственных действий в согласии с желаниями союзников». Через шесть дней, 19 ноября, в той же газете появляется для успокоения союзников уже следующая телеграмма из Токио: «Министр финансов, сделав заявление по вопросу о военных действиях Японии в Европе, сказал, что посылка японского экспедиционного отряда невозможна, и указал, что союзные правительства осведомлены о тех затруднениях, которые мешают посылке экспедиционного отряда».

Английское и французское правительства после октябрьского переворота устами лорда Сесилия и Пишона немедленно сделали более или менее официальные заявления о своем нежелании признавать правительство Совета народных комиссаров в России. Американское правительство в лице президента Вильсона и его военного представителя в России воз-

¹ Л. А. Кроль, «За три года», Владивосток, 1922, стр. 27—28.

держивалось от такого заявления и стремилось соблюсти нейтралитет. Однако оно не сделало и обратного заявления, предпочитая молчание.

Союзники не желали вступать ни в какие деловые отношения с большевистским правительством и на все предложения его не отвечали, продолжая, с одной стороны, подстрекать Японию к выступлению против Советов в России и, с другой стороны,—пытаясь самостоятельно готовить интервенцию.

Но Японию продолжали сдерживать Соединенные штаты. 28 декабря 1917 г. американский консул во Владивостоке, желая сделать очередное предостережение Японии, готовившейся оккупировать русский Дальний Восток, опубликовал на имя правительственного комиссара Приморской области письмо, в котором опровергал появившиеся в газетах известия о том, будто от него исходит просьба о присылке во Владивосток американских войск. Он категорически отрицает что-либо подобное с его стороны и в свою очередь пытается уверить и предупредить кого следует, что он от всей души надеется, что положение во Владивостоке и впредь останется таковым, что не будет нужды в присутствии каких-либо иностранных войск ¹.

Подстрекаемой союзниками, Япония становилась все смелее и смелее и не желала уже в прежней степени считаться с мнением американского правительства. 12 января 1918 г. в Томске должна была собраться Сибирская областная дума, чтобы «восстановить порядок на своей территории и действовать по программе, не расходящейся с основными заданиями союзников». Японский генеральный консул Киккучи, устами своего агента—есаула Семенова поздравив сибирский «парламент», прислал на имя Владивостокского городского самоуправления ноту. В этой ноте он извещал, что «императорское японское правительство, имея ввиду то, что при обстоятельствах настоящего времени японцы, проживающие в г. Владивостоке и окрестностях его, чрезвычайно тревожатся, решил отправить военные суда во Владивостокский порт» с тем, чтобы «справедливые интересы Японии и других союзных стран полностью уважались в пределах России» ².

В полосе отчуждения Восточно-китайской ж.-д., в Манчжурии, при поддержке союзников объявил себя «диктатором» генерал Хорват. В то время он пользовался поддержкой бежавших сюда после Октябрьского переворота представителей отечественной буржуазии, а также оставшихся не у дел дипломатических представителей свергнутого правительства Керенского в Китае и Японии. В кафешантанах Харбина вокруг золотого мешка Русско-азиатского банка, которым заведывал Путилов, пригревший около себя различных авантюристов, начиная с Дербера, Устругова, Востротина, Олигера и кончая Таскиным и Колчаком, смешались в одну кучу все отбросы русской и сибирской контрреволюции. Все они, сидя

¹ Письмо американского консула во Владивостоке в вышеуказанном сборнике «Действия Японии в Приамурском крае», стр. 7.

² Нота японского генерального консула во Владивостоке в том же сборнике, стр. 7—8.

здесь в безопасности, ждали для себя лучших времен. Здесь же скрывался после каждого очередного налета на сибирскую территорию разбитый советскими войсками есаул Семенов, которого снабжали оружием и обмундированием японцы и которого поддерживала и отогревала у себя в кабаках прожигавшая здесь свою жизнь русская буржуазия.

Народный комиссариат иностранных дел предупреждал китайское и японское правительства об отрешении от должностей всех дипломатических представителей Временного правительства за границей, рекомендуя больше с ними не сноситься ввиду объявления их преступниками и изменниками. Одновременно он предлагал не поддерживать находившихся на их территории русских контрреволюционеров, расценивая это как вмешательство данных правительств во внутренние русские дела.

Однако Япония торопилась использовать удобный момент, пока Советы в качестве новой власти в Сибири и на Дальнем Востоке не успели еще укрепиться, а руки других союзников на Западе все еще оставались связанными. 4 апреля во Владивостоке неизвестно кем было совершено вооруженное нападение на японскую контору Исидо, причем двое японцев были убиты, а один — ранен. В обычных условиях на это никто не обратил бы внимания. Но сейчас японский консул, придравшись к этому случаю, потребовал у командующего японской эскадрой в море Хирохару Като высадки десанта во Владивостоке. Контрадмирал Като на другой же день удовлетворил просьбу и желание консула, высадив на берег десант из японских моряков. Разумеется, как обычно делается в таких случаях, последовали заверения в абсолютнейшей лояльности японцев по отношению к России и полном отсутствии у высадившихся войск каких-либо намерений вмешиваться во внутреннюю борьбу. Но все это были лишь пустые лицемерные слова.

5 апреля Дальневосточный краевой комитет Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов по поводу высадки десанта послал на имя японского генерального консула во Владивостоке следующий протест:

«Сегодня утром войска вашей империи высадились на территории Российской республики. Они заняли часть города Владивостока и вмешались в наши внутренние дела. Таким образом, международное право и неприкосновенность нашей родины грубо нарушены военной силой. Против такого акта насилия со стороны ваших войск горячо протестуем. Как представители власти Российской советской республики на Дальнем Востоке заявляем вам, господин консул, что подобный поступок ваших войск вызывает негодование и глубокое возмущение широких масс нашей родины.

Неслыханное издевательство, которое позволило ваше правительство по отношению к Республике российской, еще усугубляется воззванием командующего вашей эскадрой к населению г. Владивостока, которое говорит о том, что интересы японских подданных не защищаются, что их жизнь и имущество находятся в опасности и что поэтому понадобилось ввести войска, что далеко не соответствует действительности. Вам,

как генеральному консулу Японской империи, более чем кому-либо известно, что это не только неправоподобно, но что японские граждане с оружием в руках боролись в г. Благовещенске против законной власти Российской советской республики и проливали кровь наших рабочих и крестьян

Вам также должно быть ясно, что убийство двух японцев днем и поранение одного 4 апреля с. г. в г. Владивостоке носит явно провокационный характер и не может быть поставлено в вину законным властям этого города—Советам, которые вы все время игнорировали. Если все-таки в официальном воззвании вашего контрадмирала имеется заверение, что высадка вашего десанта не противоречит развитию революции и что он питает глубокую дружбу и сочувствие к русским властям и русскому народу, то позвольте вам заметить, что ни один честный русский гражданин искренности этого заявления не верит. Для нас еще слишком свежо в памяти, как вы вмешались в наши внутренние дела. Также нам известно, как вы, господин консул, приняли от саботажников почтовых чиновников народные деньги и не передали их законной власти. И, наконец, всячески потворствовали самочинным организациям в их борьбе с законной советской властью.

Все это заставляет нас думать, что высадка японских войск в г. Владивостоке носит явно реакционный характер и только внесет излишнее озлобление и ожесточение между русским и японским народом. Питая глубокую дружбу к трудящимся всего мира, мы надеемся, что рабочие и крестьяне Японии и других держав возвысят свой голос и заставят ваше правительство отозвать войска с нашей территории. Это наша надежда на всемирный пролетариат. Это—наше требование к вам, господин консул Японской империи»¹.

В тот же день Центральный исполнительный комитет советов Сибири в Иркутске обсуждал этот вопрос и одобрил позицию, занятую в нем Дальневосточным краевым комитетом советов. В своем решении он подчекнул империалистические намерения Японии по отношению к нашим дальневосточным владениям, объявив всю Сибирь на военном положении и призвав трудовое население ее быть готовым к самой беспощадной и жестокой войне с иностранными империалистами и заключившей с ними соглашение внутренней контрреволюцией. От имени Центральной Сибири было выпущено специальное воззвание ко всей рабочей и крестьянской Сибири по поводу японского десанта, в котором говорилось:

«...В то время, когда Российская рабоче-крестьянская республика только что была вынуждена пойти на тяжелый несчастный мир с одним из мировых хищников—германским капиталистическим правительством, чтобы получить хоть малую передышку для сплочения всех народных сил, в то время, когда все противники рабоче-крестьянской власти внутри страны потерпели поражение, другой международный хищник—капи-

¹ Газ. «Власть труда» № 65 от 12 апреля 1918 г.

талистическая Япония, подавляя сопротивление своих рабочих и крестьянских масс, арестуя японских социалистов, приходит на помощь русскому капиталу, русским помещикам и кулакам в их последней борьбе, в их последней схватке с рабочими и крестьянами...

Выйдите на улицу и вы увидите радостные улыбки на лицах кулаков и капиталистов: они надеются, что им при помощи японского десанта удастся вырвать из рук рабоче-крестьянской власти свои барыши, свои фабрики и заводы, свои капиталы, свое право высасывать из разоренного народа оставшиеся соки. Они радуются японцам,—значит мы будем бороться против них и против японцев. Сибирь меньше всех других областей России пострадала от войны, на нее возложены надежды российских рабочих и крестьян, она лакомый кусок для капиталистов. Мы не отдадим ее им. Товарищи рабочие и крестьяне! Под руководством ваших Советов собирайте отряды красной рабоче-крестьянской армии. Не допускайте никого вызвать себя на выступления, не организованные Советами. Ни шагу без Советов. Агенты капиталистов попытаются и в других городах устроить покушения на иностранных подданных, чтобы вызвать продвижение иностранных войск по всей Сибири. Будьте осторожны, не слушайте предателей революции—правых эсеров и меньшевиков. Рабоче-крестьянская власть завоевана потоками крови рабочих и крестьян и они не отдадут ее, каковых бы новых потоков крови это ни стоило»¹.

Таким образом советская власть в Сибири вполне отчетливо представляла себе опасность, которую сигнализировал собою японский десант во Владивостоке, и совершенно правильно оценивала его значение для революции. Почти все главные положения, легшие в основу решения принятого Центросибирью в связи с японским десантом, анализ текущего момента и конкретные мысли, выраженные в воззвании, полностью оправдались в ближайшем же будущем последующими событиями. Было ясно, что союзники—англичане и французы—развязали Японии руки, предоставив ей полную свободу действий. Америка в вопросе об интервенции в Россию, повидимому, колебалась. Надо было ждать вслед за японским десантом повторения того же самого и остальными «союзниками».

По случаю японского десанта Наркоминдел вызвал к себе представителей Англии, Франции и Америки, которым был заявлен протест против японского десанта во Владивостоке, так как без согласия их правительств подобное выступление Японии не могло бы иметь места. Представитель Франции заявил, что он не придает японскому десанту серьезного значения и объясняет его необходимостью по чисто местным условиям охраны японских граждан, их преимуществ и интересов. Англичанин и американец выразили удивление по поводу случившегося, причем англичанин заявил, что он не верит в возможность английского выступления. Разумеется, никто неосведомленности их не поверил.

¹ Отдельный оттиск в типографии советских организаций «Свободный печатник»—приведен в «Хронике гражданской войны в Сибири», стр. 156—158.

7 апреля за подписью т. В. И. Ленина через Центросибирь Владивостокскому совету была послана следующая телеграмма: «Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей: не делайте себе иллюзий; японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил. Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и железнодорожных материалов. Не задавайтесь неосуществимыми целями»¹.

Получив эту телеграмму за подписью Ленина, Владивостокский совет долго ломал головы над последней фразой, так как в толковании ее не было единодушия. Во всяком случае подготовку к интервенции союзников начали. Запросили разрешение и наряды на отправку из Владивостока в глубь Сибири и в Россию артиллерийского снаряжения и запасов, подвижного состава и т. д. Имелось в виду успеть вывезти их из пределов Приморья и Приамурья, так как оккупация края ожидалась в пунктах, отрезающих Дальний Восток от России по Амуру или даже включая в оккупируемую зону Забайкалье.

Было известно, что японские войска концентрируются на Квантунском полуострове. Оттуда они в любой момент могли быть переброшены через Харбин к станции Манчжурия. Другие войска Японии концентрировались в северной Корее на границе России, в четырех часах паромного сообщения от Владивостока. Владивостокский совет считал положение серьезным, но не безнадежным. Учитывая наличие разногласий в среде союзников, он полагал, что союзного десанта может поэтому и не быть, а все ограничится высадкой одного небольшого японского десанта, который будет иметь чисто местное значение, и что до оккупации дело может быть не дойдет. На это, по его мнению, указывали такие признаки, как приход японских судов во Владивостокский порт и высадка японского десанта в гор. Владивостоке первоначально без согласия местных консулов союзников и по чисто случайному поводу.

Приход во Владивостокский порт вслед за высадкой в г. Владивостоке японского десанта английских и других союзников судов, а также высадку пока одного английского десанта Владивостокский совет объяснил тактическим маневром союзного командования, дававшего будто бы японцам почетный выход из положения и не желавшего открытого конфликта между державами из-за сепаратного выступления Японии. Вот почему В. И. Ленин в своей телеграмме предупреждал Владивостокский совет не делать себе иллюзий насчет миролюбивых намерений союзников и не доверять искренности их заявлений. Он лучше знал, чего хотят и к чему действительно стремятся мировые империалистические хищники.

30 мая 1918 г. в Москве было опубликовано сообщение ВЧК о рас-

¹ В. Максаков и А. Турунов, «Хроника гражданской войны в Сибири», Гиз, 1926 г., стр. 160.

крытии обширного контрреволюционного заговора «Союза защиты родины и свободы», инспирированного Антантой. Заговорщики в лице партии правых социалистов-революционеров, монархических офицерских организаций и союзных миссий в России под руководством французского посла Нуланса и итальянского посла Делла Торрета разработали обширный план одновременного нападения на Советскую республику со всех сторон. Имелось в виду захватить Сибирскую ж.-д. магистраль с помощью чехословаков, охватить Москву кольцом восстаний контрреволюционеров в Рыбинске, Ярославле, Муроме, Владимире и Калуге и повсеместные вооруженные выступления боевых дружин контрреволюционных партий совместно с чехословаками.

Вопрос об интервенции союзников в Россию принципиально был решен в положительном смысле давно.

25 апреля 1918 г. советское правительство потребовало от Англии, Франции и Америки отозвания их консулов во Владивостоке в связи с тем, что последние провоцировали и допустили выступление Японии, фактически уже поддержанное Англией. Одновременно мы требовали расследования их деятельности и выяснения отношения держав к уже начавшейся интервенции и контрреволюционным выступлениям их отдельных агентов и представителей в России и Сибири. Так, еще 20 апреля Нуланс в газетном интервью откровенно приветствовал японский десант во Владивостоке и называл его целью свержения власти большевиков и Советов, недвусмысленно высказавшись за общесоюзную интервенцию в России для поддержки русской контрреволюции.

Совет народных комиссаров потребовал у французского правительства отозвания Нуланса и замены его другим лицом, более сдержанным и нейтральным по отношению к внутренним делам России. На это из Парижа не было получено согласия, и Нуланс был объявлен советским правительством лишенным прав и преимуществ дипломата. После этого он переехал в Вологду, чтобы обезопасить свою персону, иметь больше свободы для своих контрреволюционных действий и в случае чего скрыться под охрану ожидавшегося уже в то время десанта союзников в Архангельске.

В это время эсеровский «Союз возрождения» вошел в правильные и частные сношения с представителями союзных миссий в России. Происходило это главным образом при посредстве Нуланса. 14 апреля на совещании в Москве ими совместно был разработан и принят предварительно посланный за границу и одобренный всеми союзными правительствами план общего выступления с целью свержения Советского правительства. С этой целью было решено использовать чехословацкие эшелоны, вытянувшиеся к этому времени вдоль Сибирской железной дороги от Пензы до Владивостока и имевшие при себе достаточно оружия.

В окончательном виде соглашение об этом между Масариком и союзниками состоялось в последних числах февраля или в начале марта 1918 г. (это видно из сообщения чехословацкой газеты «Прукопник свободы» от

27 июня 1918 г.). Содержание чехословацких войск приняло на себя главным образом французское правительство.

С этой целью им было передано разным представителям чехословацкого Национального совета: 7 марта—3 млн. руб., 3 марта—2 млн. руб., 25 марта—1 млн. руб., 26 марта—1 млн. руб., 3 апреля—1 млн. руб. и кроме того в неизвестные сроки—3 188 000 руб. и от английского консула—80 000 фунтов стерлингов, а всего до выступления чехословацких эшелонов в Сибирь—около 15 млн. рублей.

В июне 1918 г. Нуланс полуофициальным путем прислал в Москву ноту на имя «Союза возрождения России», в которой излагались взгляды союзников на их задачи по отношению к России. В этой ноте подтверждалось решение союзников предоставить в помощь контрреволюционерам вооруженные силы союзников для общей борьбы с «немецко-большевистской армией». Силы эти должны были быть предоставлены в достаточном количестве, чтобы с первых же шагов выдержать борьбу и облегчить возможность немногочисленным антибольшевистским кадрам развернуться в значительную регулярную армию. В качестве таких сил и выступили чехословаки.

Чехословацкое восстание началось в конце мая. К этому времени в рядах союзных миссий уже не было разногласий по вопросу о характере интервенции: союзники решили ее произвести в союзе с русскими контрреволюционными силами. Придуманым для оправдания интервенции мотивам (желание якобы восстановить русско-германский фронт, освободить чехословаков от вооруженных германских военнопленных в Сибирь, захвативших в свои руки железную дорогу и т. п.) не верили даже и сами союзники.

4 июня 1918 г. союзные представители (без Японии) заявили Наркоминделу, что их правительства рассматривают чехословацкие отряды как союзные войска, находящиеся под покровительством и защитой Антанты, и что разоружение их будет считаться недружелюбным актом по отношению к союзникам. Это заявление было равносильно открытому выступлению союзников на стороне поднявшей голову контрреволюции и сыграло большую роль в широком распространении чехословацкого восстания, так как контрреволюции обещана была солидная помощь со стороны союзников.

«Никакой случайности не было,—пишет с.-р. Б. Солодовников,—в самом факте вмешательства чехословаков в наши русские дела. Еще в начале мая 1918 г. в Москве, на квартире адвоката Виленкина, при полковнике генерального штаба Пораделове, я встретился однажды с известным эсером—подполковником В. И. Лебедевым, и понял, что, готовя восстание, эсеры возлагали надежды на чехословаков. Я не сомневаюсь и в том, что восставший чехословацкий корпус имел возможность пробиться во Владивосток, откуда волей-неволей был бы несомненно эвакуирован союзниками дальше. Ни для кого не секрет, что добровольное вмешательство чехословацкого корпуса в русские споры положило осно-

вание русскому антибольшевистскому движению на Волге и в Сибири, вылившемуся во всесибирскую грандиозную авантюру с сотнями тысяч человеческих жертв и страшными разрушениями народного достояния, в течение многих лет добытого потом и кровью русских граждан»¹.

29 июня 1918 г. в «Нашем слове» появилось интервью с некоторыми антантовскими дипломатами, развивавшими план интервенции. В тот же день в курганской газете «Свободная мысль» и в омской газете «Дело Сибири» было напечатано официальное заявление начальника французской военной миссии при чехословацких войсках Альфонса Гинэ, поздравлявшего чехословаков за их выступление против советского правительства и за восстановление восточного фронта против Германии.

Таким образом не может быть сомнения в том, что антисоветский переворот в Сибири был совершен под диктовку и на средства иностранного капитала—раньше всего английского и французского, а затем японского и американского юспаривавших друг у друга гегемонию на русском Дальнем Востоке. В целях империалистического нападения на советскую Россию они купили помощь чехословаков у Массарика, пообещав ему признание самостоятельности Чехословакии, и использовали русских эсеров, обещав им буржуазную демократию. «Благодаря чехословацким штыкам,—говорит Б. Савинков,—партия с.-р. снова оказалась у власти... Чехословаки оказали летом 1918 г. неоценимую услугу России: благодаря чехословакам была очищена от большевиков Сибирь»².

«Сибирская секция чехословацкого Национального совета,—пишут чехи в прокламации от 9 сентября 1918 г.,—уведомляет всех соотечественников на фронте, что она только что получила телеграмму, дающую текст переговоров, происходивших между командиром владивостокских сил генералом Дитерихсом и командиром чехословаков полковником Гайдой. Профессор Массарик санкционировал нашу деятельность в Сибири и России и союзники ныне согласились признать чехословацкий Национальный совет законным правительством Чехословацкой республики»³.

28 июля на заседании Комитета Учредительного собрания в Самаре эсеровский полковник Галкин сделал следующее внеочередное заявление: «Сегодня прибыл в г. Самару капитан французской службы Бард, явился в главный штаб и от имени французского посла Нуланса и генерала Лаверна просил меня передать Комитету следующее: французский посол Нуланс и генерал Лаверн благодарят Комитет Учредительного собрания за ту громадную работу, которую сделал и делает Комитет в интересах общесоюзнического дела, и выражают уверенность, что союзники не замедлят оказать Комитету самую существенную финансовую и материальную помощь»⁴.

¹ «Сибирские авантюры и генерал Гайца», Прага, стр. 3.

² М. Павлович, «Советская Россия и капиталистическая Франция», стр. 40—41.

³ М. Левидов, «К истории союзной интервенции в России», Л., 1925, стр. 131—132.

⁴ Цитата приведена М. Н. Покровским в его речи на процессе партии с.-р. «Речи государств. обвинителей». Изд. «Красная новь», М. 1922, стр. 104.

Заслушав это заявление, учредилловцы постановили: принять его к сведению. Таким образом, чтобы спасти свои миллионы, союзники пригласили к себе в союзники эсеров, которые после роспуска учредилки остались не у дел. За это эсерам обещано было помочь вернуться к власти. Эсеры приняли предложение союзников, признались в своей слабости и предложили союзникам использовать для оказания им помощи чехословаков. Эсеры при этом обещали восстановить нарушенные большевиками нормальные отношения с союзниками и признать за ними право священной собственности на занятие у нас их уплывшие от иностранных капиталистов миллионы. Союзники предложили Массарику купить у него на время находившиеся в России чехословацкие войска, чтобы вернуть к власти эсеров и восстановить свое прежнее положение в России. Массарику обещано было за это признать Чехословацкую республику. В результате—новое море крови и страданий миллионов трудящихся.

Но даже опираясь на 40 000-ную дисциплинированную и хорошо вооруженную армию чехословаков в Сибири, эсеры и меньшевики чувствовали себя у власти недостаточно уверенно. Член ЦК партии эсеров Ведыняпин пишет русскому посланнику в Стокгольме Гулевичу, умоляя его во что бы то ни стало настаивать перед союзниками на объединенной интервенции их в России и приравнивая всякое с их стороны промедление в снабжении чехо-эсеров деньгами, продовольствием и военной силой к измене. В ответ он получает заверение французского правительства (в лице Пишона), что союзники готовы помогать им всеми силами. Действительно вслед за японцами и англичанами в начале июля прибыли и начали высадку во Владивостоке новые союзные войска.

6 июля 1918 г. была опубликована прокламация представителей союзного командования во Владивостоке ¹. Подписавшие прокламацию союзников представители чехословацкой армии и китайского флота исполняли этим лишь волю своих хозяев-союзников. Присоединившееся же позднее к этому выступлению союзников (3 октября того же года) итальянское правительство помимо этого грозило Австрии участием в судьбе чехословацкой армии и заблаговременно развязывало себе руки на побережья Балского полуострова и в Адриатическом море.

«Ввиду опасности, угрожающей Владивостоку и союзным силам, здесь находящимся, от открытой и тайной работы австро-германских военнопленных, шпионов и эмиссаров,—говорилось в прокламации союзников,—город и его окрестности берутся под временную охрану союзных держав и будут приняты все необходимые меры для его защиты, как от внешней,

¹ Прокламация была подписана адмиралом Найтом—главнокомандующим азиатским флотом САСШ; вицеадмиралом Хирохару Като—командиром специального дивизиона императорского японского флота; капитаном Пэйном—старшим офицером Британского флота; полковником Парисом—начальником французской военной миссии при чехословацкой армии; капитаном китайского флота Х-лю, командиром крейсера «Хай-Юн»; капитаном чехословацкой армии Бадюром—комендантом Владивостока, уже к этому времени взятого чехами».

так и внутренней опасности. Все приказы, изданные до сего времени чехо- словацким командованием, остаются в силе.

Власть земства и городского самоуправления признается в пределах местных дел, но военные силы и полиция будут усилены таким количеством союзных сил, какое будет найдено необходимым для предотвращения опасности со стороны австро-германских агентов и их влияния, которые, по имеющимся сведениям, работают в городе.

Настоящий акт делается в духе дружбы и симпатии к русскому народу а не какой-либо политической фракции или партии и в надежде, что период спокойствия, имеющий быть в результате, даст возможность вновь объединиться всем фракциям в их совместной работе, согласованными и патриотическими усилиями восстановить твердое и долговременное правительство и сбросить иго тиранической диктатуры австро-германских держав, спешащих навязать это иго русскому народу на долгое время.

Все сознательные граждане должны объединиться для совместной работы по поддержанию порядка и законности»¹.

Этот лицемерно-ханженский документ империалистов-интервентов, несмотря на весь свой туманный и нарочно запутанный язык, все же довольно ясно говорил об истинных намерениях и целях союзников, решивших вмешаться во внутренние дела русского народа и задушить революцию.

30 июля 1918 г. был опубликован манифест английской независимой рабочей партии по поводу союзнической интервенции в России и Сибири. В этом манифесте говорилось, что истинными целями интервенции являются—удушение социалистической революции в России и восстановление в ней власти свергнутого капитала.

Больше других держав была заинтересована в интервенции находящаяся по соседству с советской Россией империалистическая Япония, не считая того, что к ней легко могла переброситься «большевистская зараза». Японский капитал давно уже ждал случая стать твердой ногой на материке Азии и завладеть побережьем Великого океана, опередив своих соперников и в первую очередь Америку. Кроме того, военные силы Японии были пока еще свободны и скорее других союзных сил могли быть в большем количестве переброшены в Россию. Подстрекаемая союзниками—англичанами и французами—империалистическая Япония лихорадочно готовилась к интервенции на русском Дальнем Востоке и в Забайкалье, но старательно избегала при этом возможного конфликта с Америкой.

Когда президент САСШ Вильсон, наконец, согласился на интервенцию в России, поставив условием категорический отказ со стороны интервентов—и в первую очередь Японии—от всякого территориального приобретения за счет России, у Японии были развязаны руки, и она поторопилась скорее всех прочих союзников занять наиболее выгодные для

¹ Прокламация представителей союзного командования во Владивостоке в выше-указанном сборнике «Действия Японии в Приамурском крае», стр. 11—11.

себя позиции на русском Дальнем Востоке, а позднее и в Забайкальи. Другие союзники шли вслед за ней.

2 августа 1918 г. была опубликована декларация Японского правительства. В духе общих заявлений коллективной прокламации союзников, декларация Японского правительства указывает на «захват Сибири немцами», на «угрозы со стороны австро-германских военнопленных», по отношению к пробирающимся на родину доблестным «чехословацким войскам» и уж, конечно, на «чувства искренней дружбы к русскому народу». Этими обстоятельствами японское правительство объясняло необходимость послать во Владивосток «некоторое количество своих войск». Принимая свое решение,—говорится в декларации,—японское правительство остается непоколебимым в своем постоянном желании «поддерживать и развивать прочные дружественные отношения с Россией и русским народом». Оно вновь подтверждает свою неизменную политику «уважения территориальной целостности России» и «воздержания от всякого вмешательства в ее внутреннюю политику», обещая по осуществлении вышеуказанных целей немедленно «отозвать все японские войска с российской территории» и оставить «неприкосновенным суверинитет России во всех его проявлениях, как в политическом, так и в военном». Далее в декларации японского правительства содержится прямое указание на предварительное соглашение Японии с Соединенными штатами и подчеркивается, что инициатива интервенции на этот раз исходит от Америки. Правительство Соединенных штатов, указывает декларация, «недавно обратилось к японскому правительству с предложением скорейшей посылки войск, дабы облегчить давление, оказываемое на чехов»¹.

Торопливость японского правительства и провокационная ссылка в его декларации на соглашение с САСШ заставляют и это последнее государство опубликовать 7 августа декларацию с целью одернуть сорвавшуюся с цепи Японию и предупредить о недопустимости занятия ею решающего положения. В своей чрезвычайно длинной и витиевато написанной декларации правительство САСШ весьма любезно и почтительно расшаркивается перед анонимной и абстрактной в то время Россией, особенно старательно и упорно подчеркивая «мирный» характер союзной интервенции. Лучшая организованность, материальное и техническое превосходство американского капитала по сравнению с своим японским конкурентом подсказывали ему более «мирную» так сказать—культуртрегерскую политику.

Вот почему Америка, не отрицая своей инициативы по части посылки в тыл чехословакам военных отрядов союзников (в том числе и Японии, которая условилась действовать солидарно с Америкой), в своей декларации выражает намерение в первую очередь использовать «возможность для посылки в Сибирь комиссии, состоящей из коммерсантов, экспертов по земледелию, советчиков по рабочему вопросу, представителей крас-

¹ Декларация японского правительства, там же, стр. 12—13.

ного креста и агентов христианского союза молодых людей, хорошо знакомых с организацией лучших способов распространения полезных сведений и для дачи просветительной помощи скромного рода, чтобы каким-либо систематическим путем подать помощь в насущных экономических надобностях народа там, всеми путями, возможность которых представится». Такова «положительная» программа САСШ.

Учитывая в то же время возможность более агрессивных намерений со стороны других держав—и прежде всего со стороны своего соперника Японии—декларация правительства САСШ подчеркивает «мирный» характер интервенции союзников. Одновременно она указывает на опасность придания интервенции «не мирного» характера, так как военная интервенция «может легко оказаться способом использования России» и «больше всего может повести к усугублению настоящих печальных расстройств в стране, чем излечить ее; скорее повредит России, чем поможет ей в ее бедствии». К этому решению, по словам декларации, правительство САСШ пришло «после повторных и очень осмотрительных обсуждений всего положения»¹.

Весьма возможно, что выступление Америки в качестве застрельщика интервенции на русском Дальнем Востоке на этот раз действительно было до некоторой степени вынужденным и имело своей целью положить предел дальнейшему распространению на азиатском материке японского влияния. Последнее лучше достигалось равномерной и открытой общесоюзнической интервенцией, нежели дальнейшим соблюдением давно уже ставшего призрачным формального нейтралитета.

Наиболее заинтересованные в осуществлении союзной интервенции в России Франция и Англия уже давно интриговали против революции, последовательно поддерживая одни за другими различные контрреволюционные силы, сменявшие друг друга на территории революционной страны. Интриги Франции и Англии особенно усилились после того, как рабочие и крестьяне России совершили победоносную Октябрьскую революцию и установили власть Советов. Не имея физической возможности выступить в России самостоятельно, они все время подстрекали Японию взять на себя выполнение охранительных и карательных функций.

Япония сама не прочь была воспользоваться удобным моментом, чтобы реализовать за счет России в свою пользу предложения Англии и Франции, но первое время этому мешали империалистические Соединенные штаты, которые не без оснований боялись чрезмерного усиления Японии как в водах Тихого океана, так и на восточной части азиатского материка. Тогда уже все союзники принялись уговаривать Америку не препятствовать Японии вмешаться в русские дела на Дальнем Востоке. Некоторое время президент Соединенных штатов Вильсон категорически отклонял подобные предложения, не желая добровольно расстаться с за-

¹ Декларация правительства САСШ, там же, стр. 13—15.

воеванным им монопольным положением поставщика на мировую империалистическую войну, которую торопились скорее закончить союзники.

Последние поэтому должны были найти себе воинскую силу где-то на стороне. Эта сила должна была быть достаточной по крайней мере для того, чтобы произвести контрреволюционный переворот хотя бы в части России и тем самым вынудить Америку дать согласие на общую союзническую интервенцию. Такой воинской силой оказались чехословаки, которые находились в самой России и могли произвести переворот изнутри. За известную плату со стороны англичан и французов они это выполнили. Но вследствие бессилия внутренней контрреволюции чехословаки в России застряли, и союзникам приходилось их выручать, организуя общую совместную экспедицию.

Любопытно, как представители различных «дружественных» России держав мотивировали необходимость интервенции. Прежде всего заслуживает внимания обращение великобританского правительства. «Ваши союзники не забыли вас»,—писал в этом обращении к народам России лорд Бальфур в августе 1918 г. «Объединяйтесь вокруг поднятого нами, остающимися попрежнему вашими союзниками, знамени свободы и независимости, чтобы обеспечить победу этих двух великих лозунгов, без которых не может быть прочной и действительной свободы для мира. Мы хотим не только удержать германское наступление, но также принести экономическое облегчение вашей разрушенной и страдающей стране. Мы уже отправили вам некоторое снабжение и в будущем будем делать то же самое. Мы стремимся помочь развитию вашей промышленности и естественных богатств вашей страны, но отнюдь не с целью эксплуатации их в наших интересах; мы хотим возобновить товарообмен с вашей страной, способствовать развитию вашего земледелия и предоставить вам возможность занять принадлежащее вам по праву место среди свободных наций мира»¹.

Должно быть сотни миллионов, вложенные англичанами-империалистами в промышленные предприятия России и захваченные ими неисчерпаемые горные богатства Сибири, вдохновили Бальфура на столь выспренний слог и сентиментальное выражение обуреваемых ими чувств горячей симпатии к русскому... золоту.

Республиканская «прекрасная Франция», усердно «сужавшая (за хорошие проценты) русский царизм на дело удушения трудящихся, разумеется, также «не могла не ответить на призыв здоровых элементов русского народа, оставшихся верными союзным обязательствам и стремящихся положить конец большевистской дезорганизации». От этой «дезорганизации» уже весьма чувствительно пострадали интересы французских банкиров. Устами своего высокого комиссара в Сибири М. Реньо она известила в особой декларации от 19 сентября 1918 г. народы России о своем выступлении в Сибири и на Дальнем Востоке в защиту обижаемых боль-

¹ Обращение британского правительства к народам России, там же, стр. 15—16.

шевиками чехословаков, армии которых «находятся под предводительством французского генерала» и содержатся на средства французского народа. Заверив, как это полагается, о невмешательстве во внутренние дела России и гарантировав самым категорическим образом совершенное уважение к «независимости, свободе и суверенитету русского народа и территориальной неприкосновенности его»,—французское правительство с своей стороны обещало России «совершенно бескорыстную помощь». «Наше выступление,—говорится в декларации французского правительства,—будет направлено прежде всего и исключительно в интересах России». Как понимает эти интересы России правительство французских банкиров очевидно каждому. Французское правительство,—говорится далее в декларации,—обещает решительно отбросить мысль «навязать русскому народу правительство определенной партии или группы», и будет лишь стремиться наравне со всеми остальными союзниками «способствовать соглашению между различными политическими группировками, дабы дать русскому народу возможность свободно и правильно выразить свою волю»¹.

Очевидно, с этой целью при участии французского правительства были организованы по всей России (в Рыбинске, Ярославле, Муроме и т. д.), а равно по всей Сибирской ж.-д. магистрали от Пензы до Владивостока вооруженные восстания против миллионов трудящихся, свободно выразивших свою волю бороться за власть Советов. Эта «бескорыстная помощь», так дорого обошедшаяся русскому народу, делает «особенно счастливым представителя французского правительства», который «лишний раз подчеркивает верность Французской республики своей русской союзнице и абсолютное бескорыстие ее вмешательства».

Королевская Италия, особенно усердно ведущая агрессивную империалистическую политику в бассейне Адриатического и Средиземного морей и стремящаяся изо всех сил дотянуться и попасть в великие державы, также решила послать на Дальний Восток своих жандармов. Этим она стремилась угодить более сильным европейским союзникам, а затем при предстоящем дележе распадавшейся лоскутной империи Франца Иосифа урвать себе кусочек побольше.

Повторив вслед за другими союзниками обычные аргументы насчет «угрозы со стороны военнопленных центральных держав войскам союзников в лице чехословаков, против которых выступили также банды возбужденных немцами местных жителей» (т. е. большевиков), и подчеркнув свою незаинтересованность и нежелание вмешиваться в русские дела, итальянский министр иностранных дел Соннино через два месяца после начала интервенции 3 октября 1918 г., «повинуясь голосу справедливости и гуманности», в свою очередь решил присоединиться к выступлению союзников. «Италия,—писал он в своей декларации,—уже с давних пор сочувствует и содействует стремлениям чехословацких народностей, признавая их право на самостоятельное национальное бытие. На берегах Пиавы

¹ Декларация французского правительства, там же, стр. 16—17.

она была свидетельницей удивительной храбрости их войск, сражавшихся бок о бок с итальянской армией. Поэтому она не могла не поспешить на помощь и защиту чехословаков в России, будучи в то же время бескорыстным другом ее»¹.

Китайское правительство, как попугай, повторило в своей декларации от 30 августа 1918 г. слова и аргументы своих иностранных хозяев. При этом оно даже хорошенько не справилось, что в это время проделывалось союзниками в полосе отчуждения Восточно-китайской ж. д. и по обе стороны границы «соприкасающихся на значительном расстоянии территорий двух дружественных соседних государств». По изложенным всеми союзниками соображениям, китайское правительство «с радостью последовало примеру правительства Соединенных штатов Северной Америки и послало свои войска в Россию для соединения с союзниками и для совместных действий»².

В ответ на все эти излияния в горячих симпатиях и дружбе союзников к буржуазной России в качестве «единственно законной власти области» отозвалась Приморская областная земская управа, которая за подписью своего председателя А. Медведева обратилась 5 августа 1918 г. за № 1093 к консульскому корпусу во Владивостоке специальным письмом. Расшаркавшись перед союзниками и засвидетельствовав им свое уважение, земская управа признает, что «указанные в декларации военно-стратегические задачи Японии и других союзников в пределах Приморской области совпадают с таковыми же задачами земской управы, изложенными ею в особом сообщении, посланном местному консульскому корпусу. Также вполне отвечают законным пожеланиям и требованиям местной власти и заверения японского правительства в отношении гарантий неприкосновенности территории Российской республики, суверенности ее прав и невмешательства во внутренние ее дела»³. Если социал-согласатели искренности интервентов не верят, то они по крайней мере делают здесь вид, что они им верят.

Так началась союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Не считая чехословаков в течение ближайшего времени в Приморьи, Приамурьи и в Забайкалье высадилось свыше 100 000 союзных войск, из которых до 75 000 было японцев. Против этой 150 000 регулярной армии в распоряжении Советов Сибири и Дальнего Востока в общей сложности было не более 20 000 плохо обученных военному строю, слабо организованных в военные части, разорванных между собою красногвардейских рабочих дружин и первых формирований новой рабоче-крестьянской Красной армии. На помощь союзникам также повылезали из своих нор и берлог скрывавшиеся на китайской территории белогвардейские банды и авантюристы Семеновы, Дерберы и им подобные. Все они сразу предъ-

¹ Декларация итальянского правительства, там же, стр. 17—18.

² Декларация китайского правительства, там же, стр. 18—19.

³ Обращение Приморской областной земской управы к консульскому корпусу во Владивостоке, там же, стр. 19—21.

явили свои права и полномочия на «демократическое» устройство освобожденной от большевиков чехословаками Сибири.

15 июля 1918 г. министр иностранных дел (П. Я. Дербер) опереточного правительства автономной Сибири разослал «ноту» всем союзным министрам. В этой ноте он доводил до сведения союзных правительств о желании Временного правительства автономной Сибири подтвердить дружественные отношения, существующие между Англией, Францией, Японией, Китаем, САСШ и Россией, несмотря на осуществляемую последними интервенцию, скорейшим сплочением русских белогвардейских сил и сил союзников перед угрозой общего врага.

Когда союзные десанты во Владивостоке стали уже совершившимся фактом, чехословаки произвели переворот в самом Владивостоке. При одобрении консульского корпуса и высадившихся союзников они вместо немогущей власти Дербера начали оказывать поддержку ставленнику крупной буржуазии генералу Хорвату, имевшему за собой хоть какую-нибудь физическую силу. Обескураженный этим П. Я. Дербер «нотой» от 25 июля 1918 г. снова льстиво и униженно напрашивается от имени своего правительства в компаньоны к союзникам. Он учтиво напоминает о своей дружбе, предшествовавшей интервенции, подхалимски предваряет о «полной возможности осуществить в пределах Сибири и России все стратегические задачи союзников по борьбе с общим врагом» совместно с ним и предупреждает союзников против возможных сепаратных соглашений с его конкурентами заранее. Такое соглашение он объявляет недействительным и незаконным. Но в международных отношениях принято уважать прежде всего силу. У Дербера ее не было и в его дальнейших услугах союзники не нуждались. Звезда Дербера и его опереточного правительства таким образом закатилась.

В связи с вооруженным выступлением чехословаков между Уралом и Волгой разыгрываются аналогичные события. Бежавшие в Самару и в Уфу члены Учредительного собрания эсеры Брушвит, Вольский, Климушкин, Нестеров и Фортунатов в союзе с чешским командованием (ген. Каппель, Чечек, Шве́ц и др.) устраивают в Самаре и в Уфе антисоветский переворот. Власть переходит там к образованному ими Комитету членов Учредительного собрания. Они завязывают связь с союзниками и другими белогвардейскими правительствами.

На другой же день после переворота к ним съезжаются другие члены бывшего Учредительного собрания—кадеты (Кроль и др.), которых они также приглашают на правах коалиции в свое «демократическое» правительство. Но те, не желая больше рисковать и не веря в успех новой авантюры в европейской России, решительно отказываются от сотрудничества с эсерами в новом правительстве и едут на восток, ближе к ожидаемому десанту союзнических войск.

Прибывший вскоре после переворота из Омска в Самару для установления связи между учредилцами и сибирским белогвардейским правительством представитель французской военщины—майор Гинэ, по сви-

детельству Кроля, информирует учредителей о программе нового сибирского правительства, которую он находит приемлемой для союзников. В свою очередь он просит информировать его о программе Комитета членов Учредительного собрания, их взглядах и намерениях. Он рекомендует объединиться с сибирским правительством и заменить их старый красный флаг, по примеру сибиряков, белозеленым¹. Далее Гинэ выясняет эсерам роль в перевороте чехословацких эшелонов и участие во всей проводимой операции союзников. Он посвящает их в дальнейшие планы и намерения союзников в связи с интервенцией и в заключение призывает к совместным действиям по объединению всех русских противосоветских сил для создания всероссийского «демократического» правительства.

В этом сватовстве французам энергично помогают чехословаки, которые предлагают учредителям-эсерам взять на себя инициативу в созыве предварительного совещания в Челябинске, а позднее и государственного совещания в г. Уфе для составления всероссийского коалиционного правительства. На эти совещания они рекомендуют пригласить представителей военного командования всех образовавшихся после свержения чехословаками белогвардейских правительств, независимо от их политических взглядов и убеждений.

Учредители поддаются убеждениям Гинэ и чехословаков, так как представители последних высказывают намерение в противном случае уехать из России и Сибири через Дальний Восток, предоставив эсерам одним вести дальнейшую борьбу с большевиками. В случае согласия эсеров пойти на компромисс и создать коалицию с сибиряками, чехословаки и французы обещают остаться и оказывать помощь со стороны всех союзников.

15 июля 1918 г. на совещание в Челябинске явились: от Комитета членов Учредительного собрания Брушвит, Веденяпин и начальник штаба Галкин, а от сибиряков Головачев, Иван Михайлов и военный министр Гришин-Алмазов. Так как последние заявили, что ввиду отсутствия достаточных полномочий от Временного сибирского правительства, они не могут принимать обязывающие его решения, совещание носило чисто информационный характер. Совещание происходило под председательством члена Комуча Брушвита.

В Сибири в это время продолжалась борьба между различными контрреволюционными группировками. Дальневосточная группа министров Сибирской областной думы (Дербер, Краковецкий, Колобов, Тибер-Петров, Новоселов, Жернаков, Захаров, Неометулов, Кудрявцев) оказалась более многочисленной, чем западно-сибирская группа министров (Вологодский, Крутовский, Патушинский, Михайлов Иван, Шатилов). Но последняя группа была сильнее первой, имея на своей стороне председателя

¹ Кроль, «За три года», стр. 59.

областной думы Якушева и обладая поддержкой более солидных групп буржуазии, казачества, чехословаков, эсеров и офицерства.

Поэтому, когда первая группа 29 июня 1918 г. прокламировала себя единственно законной всесибирской властью и довела об этом до сведения союзных правительств, объявив все остальные власти самозванными и незаконными, западно-сибирские коллеги Дербера обиделись. На другой же день, 30 июня, за подписью Якушева была опубликована от имени Сибирской областной думы грамота об упразднении западно-сибирского комиссариата Временного сибирского правительства и о формировании в Омске Временного правительства Сибирской областной думы из состава приехавших к этому времени в Омск «министров, избранных Думой», которому и передавалась «вся полнота государственной власти на всей территории Сибири». Таким образом в Сибири появились два правительства, намеревавшихся править от имени одной и той же Сибирской областной думы.

Позднее вместе с образованием директории и упразднением всех автономных областных и национальных правительств произошло также деловое объединение и всех оттенков буржуазной контрреволюции от меньшевиков и эсеров до монархистов и кадетов включительно. Центром для такого объединения всероссийского буржуазного правительства и сгруппировавшихся вокруг него контрреволюционных групп всех цветов и оттенков был г. Омск.

Так как русская буржуазия в это время у себя дома не была вполне самостоятельна и во многом зависела от более сильной буржуазии союзных стран, то и образованная в Омске всероссийская государственная буржуазная власть тоже во многом зависела от так называемых союзников России. Именно в Омске были в это время сконцентрированы интересы международной и российской буржуазии и завязывался узел отечественных интриг, развязать который стремились русские контрреволюционеры и заграничные интервенты. 23 сентября в Омске было получено известие, что на Дальнем Востоке в свою очередь образовался совет иностранных представителей.

Послушаем английского полковника Уорда, как происходила в дальнейшем смышка между интервентами и русской контрреволюцией и каким образом союзники претворяли в жизнь свои торжественные заверения, которые были ими сделаны в начале интервенции: «Вскоре после очищения уссурийского фронта от большевиков,—пишет Уорд,—я получил предписание от генерала Отани взять на себя управление железной дорогой и округами по обе стороны ее на 50 верст в глубину между Спасском и Уссури включительно. Моей обязанностью было оберегать путь и управлять округом. Я постарался завязать сношения со старыми русскими властями, военными и гражданскими, где таковые еще оставались, и с новыми там, где они оказывались. Я совершил немало поездок по окрест-

¹ Дж. Уорд, «Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 гг.», Гиз, 1923, стр. 44—45.

ным деревням и замкам в сопровождении небольшого личного конвоя, ставил посреди улицы стол и с помощью приходского священника и старосты местного общества выслушивал и разбирал общественные и частные препирательства, начиная с угроз и оскорблений личности до прав на владение и занятие хутора. Апеллировать было не к кому—бравые Томми, стоявшие за мною со штыками, ставили мои приговоры вне всяких сомнений. Я так увлекся этой работой, что с величайшим сожалением должен был оставить ее для более важной и значительной деятельности»¹. Так интервенты соблюдали свои обещания о невмешательстве в наши внутренние дела и проводили в жизнь принципы гуманизма и цивилизации.

Далее полковник Уорд описывает свое путешествие в Омск. Он сообщает о разнузданном поведении союзнических—японских и белогвардейских—войск как в полосе отчуждения Восточно-китайской ж. д., так и на русской территории от самой границы Манчжурии вплоть до Иркутска. Чинившиеся «оккупационными» войсками насилия над беззащитным русским населением глубоко волновали даже его полковничью душу.

«В Иркутске,—продолжает свой рассказ полковник Уорд,—был устроен публичный банкет, повидимому для встречи Вологодского, социалиста-революционера, председателя Сибирского административного совета, но на самом деле для чествования первого Британского полка, который когда-либо находился и сражался в Сибири. Оркестр заиграл: «Руле Британия» вместо «Боже, спаси короля» по той простой причине, что публика—в большинстве социалисты-революционеры—не решалась заиграть роялистский гимн, не узнав чувств своей аудитории. Я смеялся над их опасениями и объявил им, что наш национальный гимн, представляющий в настоящее время единство нашего народа, будет завтра же сыгран на параде, что бы там ни случилось, и что все большевики в России бессильны помешать этому. После этого я перешел к флагу, другой великой эмблеме единства нации. Я обратил внимание на полное отсутствие русского флага от Владивостока до Иркутска и спросил: «Неужели эти пространства принадлежали некогда великой и мощной России, пространства, проезжая по которым теперь, путешественник даже не знает, что это за страна»¹.

«Мы,—повествует дальше полковник Уорд,—остановились на станции вблизи каменноугольных копей (Черемховских.—Ф. Ч.), густо населенной китайскими рабочими-переселенцами. Сняв большевистское знамя, мы настояли, чтобы был повешен русский флаг. Одна русская женщина стала уговаривать нас вернуться домой, говоря: «Хорошего ничего не выйдет; придется сложить здесь вам свои косточки». На станции Зима английский отряд застал большевиков, которые скрылись в лес при его приближении. Была устроена облава и обыски с отнятием оружия у рабочих, которое впоследствии было передано по приезду в Омск Сибирскому правительству для вооружения вновь формирующейся русской армии. В

¹ Дж. Уорд, назв. сочинение, стр. 54—56.

Красноярске в честь английского отряда местными властями был также устроен банкет, на котором пьяные казачьи офицеры заставили оркестр играть гимн «Боже, царя храни», что вызвало резкий протест со стороны эсеров. Для охраны железнодорожного моста через реку Енисей была оставлена одна рота, а остальные спешно выехали в Омск по требованию верховного уполномоченного, сэра Чарльза Элиота и главы британской военной миссии ген. Нокса, ввиду происходивших в это время там чрезвычайно важных событий»¹.

Оставим на время благодушного английского полковника Уорда с его отрядом на путях к Омску и послушаем другого не менее «благонадежного» свидетеля, царского ген. Сахарова, последнего главнокомандующего сибирской армией при Колчаке. Сахаров рассказывает в своей книге о том, что в это время происходило в самом Омске и почему английские власти требовали скорейшего прибытия туда английских войск под командой полковника Уорда. «В те дни,—пишет Сахаров,—часто произносилось незнакомое для меня имя ген. Нокса, причем многие говорили: «Вот подождите, приедет Нокс... увидите...» Вскоре он действительно приехал, и с ним вместе полковник великобританского генерального штаба Нильсон и русский полковник П. Родзянко, принятый на службу англичанами. От Нокса я узнал, что «Англия готова помогать антибольшевистским русским армиям оружием, патронами, всяким военным снабжением и обмундированием на 200 тыс. человек; кроме того посылает в Сибирь несколько сот своих офицеров в качестве инструкторов на помощь нашим русским офицерам. Для активной помощи направляются два батальона английских войск, Мидльсекский и Хэмпширский, и целая дивизия в полном составе из Канады»².

К этому времени в Омске уже более двух недель существовала директория. Но она все еще не могла сговориться об образовании общероссийского аппарата власти. Она оказалась настолько несостоятельной, что почти никто с нею не считался. Делами продолжал управлять сибирский кабинет, причем один из самых энергичных членов его—сибирский военный министр ген. Иванов-Ринов поехал на Дальний Восток, чтобы там на месте наладить формирование и снабжение армии. В конце сентября в Омск из Харбина приехал в качестве частного лица адмирал Колчак. Он рисовал положение на Дальнем Востоке в мрачных красках и не доверял союзникам, говоря, что они преследуют какие-то свои скрытые цели. Полковник Лебедев, объехав в это время фронт, побывал у генералов—Дитерихса, Ханжина, Голицина и Гайды. Все они говорили о необходимости скорейшей замены директории единоличной военной властью. Но кем?.. В Омске образовался политический центр, в который вошли все общественные и политические деятели от народных социалистов и правее. Этот политический центр пришел также к выводу, «что

¹ Дж. Уорд, назв. сочинение, стр. 63—64.

² К. Сахаров, «Белая Сибирь», Мюнхен 1923, стр. 18—19.

директория неспособна сдвинуть воз и довести его до места, что необходимо ее заменить единоличной военной властью»¹.

Даже самая «крайняя левая» партия того времени—меньшевики—хотя и высказывалась против военной диктатуры, но все же жаждала сильной власти. В своей декларации, которую огласил от их имени на всероссийском совещании 13 сентября И. Майский, они говорят: «Задача борьбы против германского империализма и большевистской диктатуры, задача возрождения России из развалин глубокого экономического и политического распада повелительно диктуют безотлагательное создание авторитетной власти, способной твердо и искусно руководить судьбами страны в годину великих испытаний. Эта власть должна быть едина, ибо только единая власть, при условии признания местной автономии, может погасить в себе противоречивые стремления отдельных областей и народностей, в сумме составляющих Российскую державу. Эта власть должна быть сильна, ибо только сильная власть окажется в состоянии справиться с беспрецедентными трудностями нынешнего положения. Из этих соображений мы решительно отвергаем всякие попытки насаждения военной диктатуры, усиленно выдвинутой в последнее время с разных сторон, в том числе и влиятельными торгово-промышленными кругами»².

Но логика жизни и соотношение борющихся сил внутри самой контрреволюции сильнее и последовательнее логики меньшевистских начетчиков. Председатель директории Авксентьев дал своей партии в Уфе обязательство обеспечить портфель министра юстиции для члена Учредительного собрания эсера Роговского. В Омске на это никто не соглашался, так как отдать столь важный пост эсерам правые круги и иностранцы не хотели. По словам приехавшего в Омск и торжественно встреченного русской буржуазией английского полковника Уорда, британский и французский представители были озабочены тем, чтобы между обоими группами был заключен деловой компромисс и «образован кабинет с преобладанием умеренного течения русской общественности»³. По свидетельству члена директории ген. Болдырева, кандидатуру адмирала Колчака, привезенного с Дальнего Востока в Омск в вагоне английского ген. Нокса, была предложена последним на пост военного министра директории в ультимативной форме⁴, на что имеется указание и в мемуарах полк. Уорда⁵. В случае отклонения этой кандидатуры эсерами ген. Нокс будто бы грозил, что союзники откажут им в какой бы то ни было помощи. Это на них подействовало, и адмирал Колчак получил пост военного министра директории, а Авксентьев отказался от кандидатуры своего товарища по партии Роговского. Формирование кабинета министров директории, та-

¹ Там же стр. 16—20.

² И. Майский, «Демократическая контрреволюция», Гиз, М., 1923 г., стр. 220—223.

³ Дж. Уорд. «Союзная интервенция в Сибири», стр. 66.

⁴ В. Болдырев, «Из пережитого», стр. 120, в журн. «Сибирские огни» № 5—6 за 1922—1923 гг.

⁵ Дж. Уорд, назв. сочинение, стр. 70.

ким образом, происходило с большими затруднениями и закончилось победой правых.

«На радостях,—ядовито пишет ген. Сахаров,—директория устроила пышный банкет; достали даже вина. Говорилось много речей на всех языках, раздавались призывы к дружной энергичной работе, трещали фразы о демократиях всего мира; директория и общественность на карачках ползали перед высокими иностранцами»¹. «С величайшим интересом,—сообщает об этом же банкете Уорд,—я наблюдал за этой особенно торжественно настроенной толпой, и, исключая одной фигуры,—что-то мрачное и угрюмое, среднее между методистским священником или плимутским монахом,—я был поражен глубоким безличием собравшейся публики. Персона со священнической наружностью оказалась социалистом-революционером Вологодским, главой сибирского административного совета, перенесшего теперь свои симпатии с Сибири на всю Россию. Мне удалось на этом торжественном банкете сделать важное открытие, что Россия еще обладает одним человеком, который способен спасти ее от анархии»². Этим человеком английский полковник разумеется считал военного министра директории—адмирала Колчака.

Между тем сибирское правительство согласилось самоупраздниться, но настояло, чтобы его совет министров целиком был включен в организуемый совет министров директории. Эсеры особенно долго не хотели примириться с весьма юдиозной фигурой бывшего члена своей партии—министра финансов Ивана Михайлова, получившего прозвище «Ваньки Каина», но им все же пришлось уступить. Омчане в свою очередь с трудом помирились с кандидатурой эсера Роговского. Военные организации типа анненковцев, чувствуя за собой силу и скрытые симпатии союзников, значительно подняли свои головы. Участились ночные убийства. Бесследно исчез 24 октября видный член эсеровской партии Борис Моисеенко. Его схватили и увезли на конспиративную квартиру офицеры, которые при помощи пытки пытались узнать, где находятся доверенные ему 3 млн. руб., оставшиеся от съезда учредителей (он был секретарем этого съезда). Ничего не добившись, они задушили его и труп бросили в Иртыш. Появились в городе политические салоны, куда тайком собиралось высшее офицерство и влиятельные люди правого течения³.

4 ноября адмирал Колчак в сопровождении английского отряда во главе с полк. Уордом отправился в командировку на фронт. В Екатеринбурге была торжественно отпразднована встреча ген. Гайды и адмирала Колчака. На устроенном по этому поводу пышном банкете сопровождавший Колчака английский полковник Уорд будто бы заявил,—как сообщали екатеринбургские газеты того времени,—что «при наличии таких людей, как Колчак, Россия никогда не погибнет»⁴. Такое беззастенчивое афиши-

¹ К. Сахаров, назв. сочинение, стр. 20.

² Дж. Уорд, назв. сочинение, стр. 68.

³ В. Болдырев, назв. статья, стр. 121.

⁴ Там же.

рование англичанами Колчака и полное игнорирование ими созданной эсерами директории вывело последних из себя. Они выпустили в Уфе за подписью нескольких членов ЦК их партии во главе с В. Черновым манифест, нападавший на директорию слева и вызвавший взрыв бешеной злобы со стороны всесильного в то время офицерства. Было принято решение арестовать Чернова. Этот арест временно был отсрочен по просьбе Авксентьева впредь до самороспуска Сибирской областной думы. Между тем, объехав весь фронт и заручившись поддержкой высшего командного состава, Колчак с Уордом вернулись в Омск, где к этому времени организовался так наз. «национальный блок» во главе с известным в Сибири кадетом Жардецким.

Представители этого блока иногда в сопровождении Колчака приходили к генералу Болдыреву, недвусмысленно намекая на желательность замены директории единоличной военной диктатурой и искоренения «всяких социалистов»¹. Было оказано даже давление с фронта в этом смысле на главное командование: ген. Гайда грозил походом на Омск, отдавая в этом направлении секретные распоряжения чешским военным частям. Дело дошло до того, что по его приказу к Омску были двинуты эшелоны 8 полка и «наступление» удалось ликвидировать только при помощи высшего командования чехословаков и иностранцев, не желавших, повидимому, грубого открытого скандала. Чтобы проверить настроение армии, главнокомандующий директории ген. Болдырев в середине ноября выехал в Уфу навстречу возвращавшемуся с фронта в Омск адмиралу Колчаку. Поезда их встретились 16 ноября на ст. Петропавловск. Колчак нервничал в ожидании встречи с Болдыревым, а охранявший его эскорт английских войск по приказу полк. Уорда зарядил ружья и приготовился к действиям.

«У меня были подозрения,—пишет в своих воспоминаниях Уорд,—что обе правительственные группы схватились друг с другом и что одна решила покончить с другой; что адмирал Колчак должен будет определить свои отношения к этим группам и что, быть может, его жизнь, а также жизнь его британского эскорта будет зависеть от его ответа. Болдырев и Омск не знали ничего о наличии британского эскорта или об его численности: если им было известно наше совместное появление на торжествах в Екатеринбурге, то не существовало никакого предварительного решения о том, что мы будем сопровождать адмирала Колчака в Челябинск. Это было решено только накануне. Когда Колчак вошел в вагон Болдырева, я попросил моего слугу Мурмана зафиксировать два поезда, так как чувствовал, что это свидание полно крупных событий для России»².

По возвращении после 5-часового разговора с главнокомандующим Колчак спросил у Уорда,—является ли в Англии военный министр ответственным за снабжение армии одеждой, экипировкой и за общее положе-

¹ В. Болдырев, назв. статья, стр. 122.

² Дж. Уорд, назв. сочинение, стр. 76.

ние Британской армии?—Полковник Уорд ответил утвердительно. Что сказали бы в Англии, если бы главнокомандующий сказал военному министру, что это его не касается?—снова спросил его Колчак. Тот ответил, что, будучи в его положении, он настоял бы на своем, или вышел бы в отставку. «Я так и сделал»,—заметил на это Колчак ¹. На городскую станцию в Омск они прибыли в 5½ час. веч. 17 ноября. А в ночь на 18 ноября под руководством начальника гарнизона г. Омска полк. Волкова казачьи офицеры Красильников и Катанаев со своими людьми арестовали членов директории Авксентьева, Зензинова, а также Роговского. Вологодский и Виноградов добровольно отказались от звания членов директории. А совет министров еще вечером 17 ноября,—как сообщает несомненно хорошо осведомленный ген. Сахаров ²,—пришел к решению передать всю полноту власти адмиралу Колчаку, как верховному правителю и верховному главнокомандующему. Корреспондент «Таймс» в своей депеше указывал, что Колчак уже накануне знал, что должно произойти в эту ночь.

«Ни совет министров, ни сам Колчак не могли принять окончательного решения, пока у него не было полного представления о позиции Британии в этом вопросе» ³, хвастливо заявляет Уорд.—«Позиция чешских войск в Омске сделала невозможным для них приближение к месту, где заседали министры, без того, чтобы не наткнуться на британцев, а мои пулеметы командовали над каждой улицей, которая вела к помещению русской главной квартиры. Дела были в таком состоянии напряжения, что я для безопасности своей команды уведомил как русские, так и чешские власти, что не позволю группам войск или каким-либо гражданам приближаться или собираться вблизи моего расположения; что всякое такое сборище или попытка приблизиться будут сочтены враждебным актом и на него будет отвечено соответствующим образом. А что все эти распоряжения дали министрам больше уверенности продолжать их политику,—в этом не может быть никакого сомнения» ⁴, самодовольно заключает полк. Уорд.

«Арестованные Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский провели тревожную, полную беспокойства ночь,—читаем мы у ген. Сахарова.—Когда их наутро посетили прокурор и следователь, чтобы начать дело против офицеров, арестовавших их, то бывшие директоры предстали бледные и дрожащие, прося спасти им жизнь. На вопрос прокурора,—чего хотели бы они, директоры заявили: «Отправьте нас поскорее в безопасное место». А пока не отправят, просили держать их под арестом и под стражей, так как иначе их может убить толпа. Вот как верили эти правители в народ, во главе которого имели наглость встать. Всем им выдали деньги в иностранной валюте для поездки за границу и на жизнь там

¹ Уорд, назв. сочинение, стр. 77.

² К. Сахаров, назв. сочинение, стр. 34.

³ Дж. Уорд, назв. сочинение, стр. 82 и 86—87.

⁴ Там же, стр. 82.

и отправили. Все они дали честное слово в политику России больше не вмешиваться. Но это слово оказалось клочком бумаги»¹.

Полковник Уорд несколько дополняет эти показания ген. Сахарова. Заранее сговорившись с Колчаком, чтобы арестованные члены директории не были убиты, иначе в Англии плохо оценят такой переворот, он 19 ноября пишет еще раз Колчаку о том же: «Я уже говорил вам о моей уверенности, что моя страна почувствует серьезное огорчение, если указанные арестованные подвергнутся какому-нибудь оскорблению без соответствующего суда над ними; я сочту осрбой любезностью с вашей стороны, если вы уведомите меня на этот счет».—«Как потом мне сообщили, адмирал поместил заключенных под свою собственную строгую охрану и посадил под арест трех офицеров, пытавшихся расправиться с арестованными. Он далее пообещал мне, что заключенным не будет причинено никакого ущерба и, при первой возможности, он предполагает выслать их из пределов страны. Услышав далее, что 20 ноября вспомогательный отряд моего батальона возвращается во Владивосток, адмирал Колчак попросил меня, не позволю ли я прицепить к моему поезду вагон, везущий государственных заключенных в некоторый неизвестный пункт на китайской границе в целях тайны и большей безопасности. Я согласился и для этой цели усилил отряд»².

От 2 декабря полковником Уордом было получено донесение от сопровождавшего арестованных в поезде подпоручика английской службы Корниш-Боудена следующего содержания:

«Сэр. Имею честь сообщить вам для передачи командующему:

1. Поезд с четырьмя русскими политическими изгнанниками (господами Авксентьевым, Аргуновым, Роговским и Зензиновым) и русской охраной, вместе с отрядом британских войск под моей командой, оставил Омск 21 ноября в 2 часа ночи и прибыл в Харбин 27 ноября. Проезд был спокоен. Почти все большие города, где предполагались волнения, мы проехали ночью.

2. Уже здесь офицер, командовавший русской охраной, уведомил меня, что все движение на перегоне Иркутск—Чита приостановлено по приказанию ген. Семенова, и что поезда тщательно обыскивались с целью обнаружения высылаемых, после того как мы уже проследовали. Впрочем, никаких данных для подтверждения этого у меня не имеется.

3. Высылаемые выразили самую живейшую признательность за присутствие британских войск и говорили, что они не доверяют своей русской охране. Впрочем во все время пути я ничего не заметил такого, что подтверждало бы их опасения.

4. По прибытии в Харбин высылаемые стали настойчиво просить меня, чтобы я сопровождал их до Чанг-Чуна, и так как офицеры русской охраны были вполне с этим согласны, я решил сопровождать поезд до

¹ К. Сахаров, назв. сочинение, стр. 35—36.

² Дж. Уорд, назв. сочинение, стр. 87—88.

китайско-маньчжурской границы. Мы достигли Чанг-Чуна 28 ноября около 2 часов утра, и изгнанники выехали отсюда вечером в тот же день.

5. Мы вернулись в Харбин 29-го того же месяца, откуда я отправился далее вместе с русской охраной. Во Владивосток мы прибыли утром 2 декабря. Я непосредственно сообщил обо всем отделу центрального управления и устно доложил о вышеупомянутых фактах ген. Ноксу¹.

Приглашенные эсерами в Сибирь союзники исполнили в точности свои заверения и отплатили эсерам тем, что деликатно выпроводили их, когда они больше стали не нужны иностранному капиталу. Трагикомедия со «спасением свободы и независимости России при помощи союзников» закончилась полнейшим фарсом. Эсеры, мнящие себя продолжателями когда-то «славной» партии «Народной воли», променяли заслуженные их предшественниками по партии мученические венцы на шутовские колпаки балаганных паяцов сытых английских буржуа, ввергнув свою страну на целые годы в гражданскую войну, хозяйственную разруху, эпидемии и голод.

Ф. Чучин

¹ Дж. Уорд, назв. сочинение, стр. 87—88.

ТАКТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В 1917 г. *

В области изучения деятельности партии в рабочих организациях в 1917 году сделано чрезвычайно мало, причем зачастую на том, что сделано в этой области, как и на значительной части литературы по истории рабочего профессионального движения лежит довольно плотная печать тред-юнионизма. Тот факт, что в наших истпрофах зачастую сидели меньшевики и беспартийные, что историей рабочего и в частности профессионального движения коммунисты вообще занимались недостаточно, не мог пройти бесследно. Правооппортунистические тенденции старого руководства ВЦСПС сказались и в теории и истории профессионального движения. Взять хотя бы работу В. Яроцкого «Ленин и профдвижение». В этой работе В. Яроцкий утверждает, что стройного и разработанного ленинского учения о профессиональном движении нет. Только либерально-профессорский подход к теории, при котором люди измеряют научную работу количеством пухлых книг, может привести к подобной точке зрения. В. Яроцкий ничего не понял в учении Ленина о профдвижении и проповедует ревизионистские взгляды. К сожалению, и «Очерки профессионального движения в России» т. Томского, служившие исходной установкой для историков профессионального движения, грешат во многом. Совершенно правильно критикуется основной взгляд т. Томского на большевизм и меньшевизм не как на выразителей различных и враждебных классовых течений в рабочем движении, а как на левое и правое крыло его. Эта тред-юнионистская точка зрения пронизывает всю книжку т. Томского. Здесь нужна большая критическая работа.

Одна чрезвычайно существенная историческая черта, отличавшая наше профессиональное движение и обусловившая огромную роль нашей партии в профдвижении, заключается в том, что у нас партия пролетариата, политическая партия исторически создавалась раньше профессиональных союзов. В период предвоенного подъема большевикам удалось овладеть профессиональными союзами, рабочим представительством в страховых

* Помещая статью т. Кина, редакция отмечает, что статья эта затрагивает ряд интересных вопросов, но не исчерпывает их во всей полноте. Редакция просит товарищей, работающих по вопросам, затронутым в настоящей статье, высказаться на страницах «Пролетарской революции». Редакция.

органах и больничных кассах. В революции 1917 г. этот факт сыграл огромную роль в деле завоевания большевиками рабочих организаций и руководства рабочим движением в целом. С первых же дней революции большевики, накопившие большой опыт профработы в прошлом, немедленно явочным порядком приступили к формированию профессиональных союзов, понимая их огромное значение в революции. Но все же на первый план они ставили вопросы оформления парторганизации, партийное строительство и затем уже приступали к созданию широких беспартийных организаций.

Можно¹ привести в этом отношении следующий довольно показательный пример. В хронике событий 1917 г., изданной Иваново-вознесенским истпартом, читаем следующие две выдержки из протоколов Иваново-вознесенского губкома. На первом же нелегальном собрании «социал-демократов, где присутствовало 25 представителей от фабрик и заводов, 8 (21) марта по докладу «о профсоюзах в других государствах, об их значении и необходимости организации профсоюзов» вынесена резолюция о необходимости организации профсоюзов, но «ввиду того, что Комитет партии с.-д. окончательно не организован, временно к организации союзов не приступать». Но уже 27 марта (9 апреля) принимается следующее решение: «Ввиду того, что Совет рабочих и солдатских депутатов уже организовал 2 профессиональных союза и переходит к организации третьего, решено принять со стороны партии деятельное участие в организации профессиональных союзов, проводя в члены правления членов партии, и войти в соглашение с Советом рабочих и солдатских депутатов о совместной организации бюро союзов»¹.

В 1917 г. борьбу за большевизацию рабочих организаций партии пришлось вести в условиях буржуазно-демократической революции, перераставшей в революцию пролетарскую, в условиях превращения империалистической войны в войну гражданскую, в условиях кризиса мирового капитализма, цепь которого прорвалась в наиболее слабом его звене — в России. Развитие рабочего, солдатского и крестьянского движения шло к гражданской войне, к борьбе за власть, и это обуславливало направление всей революционной борьбы пролетариата и тактику партии. Для 1917 г. характерно необычайное богатство форм организаций пролетариата и форм рабочего движения.

Одна буржуазная организация на Урале в 1917 г. ставила перед Временным правительством вопрос о необходимости сокращения количества рабочих организаций, создавшихся к тому времени. Она насчитала их до полутора десятка: фабрично-заводские комитеты и советы, институт фабричных старост, уполномоченные в различных комиссиях и органах правительственных, советских, общественных и т. д. Эти многочисленные формы организации рабочего класса ставили перед партией задачу овла-

¹ «1917 г. в Иваново-вознесенском районе», 1927, стр. 50.

дения ими для укрепления своего влияния, вытеснения соглашателей и превращения их в укрепленные позиции борьбы против буржуазии.

Каковы формы и методы движения в условиях нарастающей пролетарской революции? Митинги, забастовки экономические и политические, политические демонстрации, вооруженные демонстрации совместно с солдатами и вооруженное восстание. Эти формы движения переплетались, перерастали одна в другую в соответствии с восходящей, но зигзагообразной линией развития революции. Задача нашей партии в этих условиях заключалась в том, чтобы объединить под своим руководством все виды организаций, сконцентрировать все эти разнообразные формы движения и повести рабочих под руководством партии как высшей политической организации пролетариата на штурм капиталистических твердынь. Таким образом, изучить деятельность партии в рабочих организациях — значит показать, как партия в революции 1917 г. создавала и использовала всю систему приводных ремней для подготовки пролетариата к захвату власти, к организации пролетарской революции.

По известному выражению Ленина, профсоюзы — школа коммунизма, на этом же этапе развития они являлись непосредственно школой пролетарской революции, школой, подготовляющей к диктатуре пролетариата. С этой точки зрения чрезвычайно велико было и значение фабрично-заводских комитетов. Зачастую мы ставим вопрос о перерастании чрезвычайно общее. Кто хочет серьезно поставить этот вопрос, тот должен подойти к изучению профсоюзов и фабрично-заводских комитетов именно с этой точки зрения. В чем конкретно исторически выражалось это перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую? С одной стороны, происходит изменение социальной ткани советов, в которых первоначально преобладали солдаты и господствовал блок мелкобуржуазных партий, а с другой стороны, изменение состава выборных органов профессиональных организаций, поскольку в них частично сидели мелкобуржуазные демократы, и перестройка форм и методов всего содержания работы фабрично-заводских комитетов. Фабрично-заводские организации являлись школой, подготовлявшей рабочий класс через систему рабочего контроля к управлению производством. Учителем, руководителем в этой школе являлась наша партия. В советах рабочие и передовые представители беднейшего крестьянства и солдатской массы учились управлять государством; в профсоюзах они учились делу экономической и политической борьбы класса против класса, подходя к проблеме вооруженного восстания; в фабзавкомах они учились управлять производством; но они учились не только этому, но и борьбе за власть. Это был необходимый подготовительный этап на пути к Октябрю.

Своеобразие тактики большевиков заключалось в том, чтобы от борьбы за программу-минимум перейти к пролетарской революции, к диктатуре пролетариата, к требованиям *переходного периода*, к социализму. Меньшевики и эсеры не понимали своеобразия эпохи нарастающей пролетарской революции. Любопытно проанализировать с этой точки зре-

ния взгляды меньшевиков в период 1917 г. Взять хотя бы доклад Колокольникова на 3-й конференции профсоюзов. Он говорил, что революция ничего принципиально нового не внесла. Особенности обстановки надвигающейся пролетарской революции и переходного периода меньшевики не понимают. На этом построена вся тактика меньшевиков. Непонимание путей перерастания революции и сущности переходного периода у меньшевиков и эсеров смыкается с непониманием переходного периода правыми, Рыковым и Каменевым и др. Оно объясняет каменевскую ошибку, свойственную не только персонально т. Каменеву, но и ряду других большевиков, в том числе и работавших в области профессионального движения.

Меньшевики проповедывали идею нейтрализма в отношении партии к профсоюзам и другим массовым рабочим организациям. Разумеется, из нейтральности они никакого принципа не делали, им приходилось варьировать в отношении этого принципа и иногда даже от него отказываться. В самом деле, в эпоху реакции ликвидаторы в известной степени проповедывали либерально-ликвидаторскую «партийность» в профессиональном движении, что было отмечено Лениным. Они говорили, что профессиональное движение должно порвать со всякими иллюзиями подполья, должно идти под руководством легалистов. Что это, как не своеобразная проповедь либеральной «партийности» в профессиональном движении? Если впоследствии в эпоху подъема выдвигается точка зрения нейтрализма, то,—говорил Ленин,—это был нейтрализм их слабости, нейтрализм поневоле, нейтрализм, направленный против господства большевиков в профсоюзах. Поскольку гегемоном в профессиональном рабочем движении выступает партия большевиков, постольку меньшевики будут проповедывать нейтрализм, независимость.

Известный, правда очень ограниченный, нейтрализм, наблюдавшийся иногда в профессиональном движении в России, имел своим социальным источником настроения отсталых мелкобуржуазно-крестьянских и мещанских слоев рабочих и отчасти очень узкого у нас слоя «рабочей аристократии», как, например, печатники. Совершенно нельзя в этом отношении согласиться с т. Томским, который в своих «Очерках профессионального движения» объясняет настроения беспартийности и нейтрализма в профдвижении тем «простым фактом, что неумелая, а порой и бестактная полемика представителей этих партий и фракций, не считавшаяся с насущными экономическими интересами масс, часто мелочная и почти всегда отвлеченная, мешала деловым союзным собраниям вести необходимую работу и поэтому внушала массам отрицательное отношение к этим политическим диспутам»¹. Так может рассуждать только скрытый сторонник тред-юнионистского либерализма. И как мы увидим далее, это утверждение т. Томского совершенно не случайно.

В 1917 г. в течение первого периода революции, когда в Советах

¹ «Очерки профессионального движения в России», М. 1927, стр. 45 (6-е изд.).

рабочих, крестьянских и солдатских депутатов преобладали меньшевики и эсеры, они не особенно кричат о нейтральности. Нередко они говорили даже, что по вопросу о политической деятельности союзов у них существенных разногласий с большевиками нет. Дальше, на втором перевале революции и после Октябрьской революции картина совершенно меняется. Они здесь выступают не только за нейтральность, но за полную независимость профессионального движения и рабочих организаций от... большевиков, разумеется.

Настроения нейтрализма, цеховая точка зрения, захватили в 1917 г. даже часть большевиков. Ей были целиком подвержены интернационалисты типа т. Рязанова (впоследствии вошедшего в ряды большевиков). Этот нейтрализм Центральным комитетом партии неоднократно самым решительным образом осуждался.

Очень заметно проявился полунейтрализм т. Томского (редактировавшего в 1917 г. журнал «Металлист») во время Октябрьского восстания в Москве. На заседании представителей 17 профессиональных союзов обсуждался вопрос о платформе профсоюзов в связи со свержением Временного правительства. Тов. Козловский выступил с предложением поддержать Военно-революционный комитет путем исполнения всех его приказаний, пока не будет завоевана власть. Что же касается т. Томского, то по его предложению помощь ВРК должна была заключаться в том, чтобы «средства передвижения не представлять противникам ВРК». Больше всего Томский заботился о том, чтобы выступление «прошло стройно и мирно». Томский вместо призыва оказать помощь Революционному комитету подчеркивал наличие конфликта с ним. Недаром некоторые товарищи выступали против Томского, заявляя, что полунейтралитета не должно быть: «Мы должны или подчиняться ВРК или выступать самостоятельно»¹.

Известная отсталость, цеховщина, присущая профессиональному движению, сказывалась на взглядах ряда большевиков, работавших в союзах. Недаром часть большевиков была здесь настроена довольно примиренчески и нейтралистски и нередко стояла за объединение с меньшевиками.

Завоевание профессионального движения и вытеснение меньшевиков и эсеров из рабочих организаций было обусловлено борьбой против оппортунистических шатаний среди самих большевиков.

В соответствии с периодизацией развития партийной работы и движения масс в 1917 г., данной т. Сталиным, мы различаем следующие основные отрезки ее. Первый период—новая ориентировка партии в условиях нарастающей пролетарской революции (март—май), затем период революционной мобилизации масс (май—август) и подготовка и проведение штурма (август—октябрь). Мы наблюдаем в 1917 г. развертывание экономического стачечного движения в политическое, во всеобщую стачку,

¹ «Московский совет профессиональных союзов в 1917 г.» (протоколы). Истпроф МГСПС, М. 1927, стр. 121.

подводящую к вооруженному восстанию и захвату власти. Первый тур развития—это экономические стачки, возникшие во время войны, они подходят к воротам Февральской революции и переходят в политические стачки и в восстание против царизма. Второй тур—стачечное движение перед июльскими днями, перешедшее в вооруженные демонстрации, и, наконец, третий тур—всеобщие стачки перед Октябрем и переход их в высшую форму—вооруженное восстание.

Некоторые товарищи отмечают, что в 1917 году в стачечном движении проявлялся известный «экономизм». Однако Ленин подчеркивал, что экономические интересы, борьба за удовлетворение нужд рабочего класса придают стачечному движению силу и устойчивость. С другой стороны, кажущийся «экономизм» объяснялся наличием таких организаций, как советы, которые давали возможность непосредственно давить на буржуазию, на Временное правительство и предъявлять им целый ряд экономических требований, не говоря уже о политических. «Экономизма» в смысле отказа от политической революционной борьбы не было и в помине, но были мирные иллюзии, наблюдавшиеся лишь в первый период революции.

На первоначальном этапе Февральской революции предприниматели идут на ряд уступок рабочим в области 8-часового рабочего дня, в области удовлетворения требований, в смысле создания различных фабрично-заводских организаций, фабзавкомов и т. д. Кстати нужно сказать, что буржуазия на первых порах не встретила фабзавкомы в штыки в такой мере, как впоследствии. Если присмотреться к соглашению, которое заключило Петроградское общество фабрикантов и заводчиков, то они там говорят о фабзавкомах как о факте, с которым нужно хотя бы на время примириться, надеясь на «осторожный выбор лиц, который может установить хорошие отношения между сторонами»¹.

Видя, что в советах засели меньшевики и эсеры, сдавшие власть буржуазии, считая большевиков слабыми, фабриканты решили попытаться действовать через систему фабкомов, объединивших рабочих по отдельным предприятиям. Буржуазия не предполагала вначале, что движение фабкомов станет централизованным, общемассовым и будет идти в ногу с профессиональными союзами и другими рабочими организациями. Недаром меньшевики были против централизма фабзавкомов. В первый период, почти вплоть до мая, господствуют революционное оборончество, мирные иллюзии среди рабочих и в особенности среди солдат. Эти мирные иллюзии выражаются и в том, что, особенно на первых порах, получают довольно большое распространение примирительные камеры. Однако они далеко не сыграли той положительной роли, как это изображают меньшевики. Работа камер соответствовала первому этапу революции, когда еще господствовали мирные иллюзии, когда еще не было

¹ См. об этом ст. Шатиловой «Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г.», стр. 106.

открытого насилия над рабочей массой. И только постепенно вопросы, не находившие разрешения в примирительных камерах, выносились за стены их. Мирные иллюзии усугублялись правыми шатаниями у определенного крыла большевиков в вопросе о 8-часовом рабочем дне, в вопросе о контроле над производством и т. д.

Работа партии в первоначальный период, наряду с разъяснением основных задач партии в революции, была направлена к разоблачению мирных иллюзий и развертыванию классовой борьбы вокруг экономических требований. Партия провела энергичную кампанию за осуществление 8-часового рабочего дня. В Петербурге, например, ПК вынес постановление о проведении 8-часового рабочего дня декретом¹. В то время как в крупных союзах, как союз металлистов, укреплялись большевики, меньшевики держались главным образом в мелких союзах или таких больших, как печатников, химиков, где крепко держались элементы рабочей аристократии.

Работа партии на основе растущего подъема экономического движения пролетариата привела к тому, что удалось начать сплочение вокруг партии авангарда пролетариата. В апреле—мае начинается период проведения в жизнь новой ориентировки в партии, изменяется и тактика в рабочих организациях. В этот период происходит усиленное организационное строительство самой партии, профсоюзов, фабкомов. В течение мая—июля экономические и политические иллюзии рабочего класса начинают быстро проходить. В первую очередь это отрезвление начинается в таких центрах, как Питер и Москва. Это проявляется в работе примирительных камер. На соединенном заседании 24 мая Московского ЦБ и правлений профессиональных союзов представитель булочников т. Дерешев по докладу меньшевика Гриневича о работе профессиональных союзов и деятельности примирительных камер заявил, характеризуя деятельность Центральной московской примирительной камеры. «Это—болтовня за чашкой чая. О коалиционном министерстве я прямо скажу, что оно не в интересах рабочего класса. Разве можно объединить волка и овцу... У нас создалась примирительная камера. Что же получилось? На другой же день нарушаются решения. Необходима активная борьба»². К сожалению представитель МК большевиков в ЦБ т. Бахутов не дал такой резкой критики докладов Гриневича и Колокольниковца³.

Любопытнейший процесс в области партийного строительства в 1917 г. заключается в том, что на массовой низовой работе в завкомах, союзах, районах, заводских коллективах растет большой слой рабочих-лидеров, учившихся искусству партийного и политического руководства

¹ «Первый легальный ПК большевиков в 1917 г.». Ленинград. Истпарт, Гиз, 1927, стр. 26.

² «Московский совет профессиональных союзов в 1917 г.» (протоколы), стр. 31.

³ Нечеткость в выступлениях т. Бахутова сказалась и в ряде других случаев. См. например его выступление 7(20) июля по вопросу о муниципальных выборах. Там же, стр. 41.

в школе непосредственной революционной борьбы. Эти рабочие-вожаки выдвинулись еще в период подъема 1912—1914 гг. Они поднимались в больших масштабах в 1917 г., и эти рабочие-вожаки проводили подлинно-большевистскую линию в работе.

Июльские дни вызвали временное отступление пролетариата и переход предпринимателей в наступление. Заключение коллективных договоров тормозится. Выполнение условий по заключенным уже колдоговорам саботируется. Однако буржуазии и мелкобуржуазным демократам не удалось разгромить партию. Большевики к этому времени успели довольно сильно укрепиться в профессиональных союзах и фабзавкомках, и благодаря этому пролетариату и его партии удалось скоро перейти в контрнаступление и добиться решающего перевеса, а затем и полной победы. Экономические конфликты в послепиюльский период быстро растут. Партия организует экономическое движение, легко и быстро переводит его на политические рельсы. Революция спланирует контрреволюцию. Провал корниловщины знаменует резкий поворот событий. Партия добивается вооружения рабочих. Классовая борьба обостряется. Интересно, что только в конце августа—в начале октября ставится в ЦК вопрос о создании группы для объединения всей работы в профессиональных союзах. Создавшееся в сентябре—октябре положение было блестяще охарактеризовано одним из работников московского профессионального движения, заявившим, что налицо не конфликт кожевников, металлистов, текстильщиков с предпринимателями, а налицо *всероссийский конфликт труда с капиталом*. В сентябре—октябре довольно заметно усиливаются анархические настроения среди части рабочих. Революционная линия большевиков в рабочих организациях парализовала эти настроения. Стачечное движение разворачивается по всей стране и далее непосредственно переходит в вооруженное восстание. Профсоюзы сплошь выносят постановления о переходе власти к Советам. Эту резолюцию выносит и конференция фабзавкомов в Питере. Партия сумела создать себе мощную опору в широких рабочих организациях, перевести их на боевую ногу и добиться октябрьской победы.

Если проследить все намеченные этапы, то мы видим, что по всем пунктам рабочего движения, по вопросу о контроле, о роли фабзавкомов и т. д., дается бой меньшевикам и эсерам.

Большевики провели через профсоюзы и фабзавкомы ряд крупнейших политических кампаний, не забрасывая вместе с тем повседневной экономической работы в профсоюзах. Это огромная заслуга большевиков, давшая серьезные положительные результаты. На третьей всероссийской конференции профессиональных союзов в июне был создан партийный орган в виде Всероссийского совета профессиональных союзов. Увидев, что укрепляются большевики в союзах, меньшевики начали саботировать работу в ВСПС, надеясь, что большевики на практической работе провалятся. На деле однако оказалось иное. Политический крети-

низм меньшевиков привел к тому, что они на этом окончательно сломали себе голову.

Необходимо далее перейти к вопросу о тактике единого фронта в области рабочего движения в рабочих организациях. Иные думают, что в отношении революции 1917 г. такой вопрос и не мог стоять. Иные утверждают, что большевики в прошлом вообще никогда тактики единого пролетарского фронта не проводили, и термина, мол, такого не было. Это уже совершенно не довод. Как правильно отмечает резолюция IV конгресса Коминтерна, большевизму в прошлом, до 1917 г., неоднократно приходилось проводить тактику единого революционного фронта и блоков с меньшевиками, но через все эти соглашения большевики твердо проводили четкую классовую линию, понимая цель, смысл и *границы* всякого компромисса. «Единство снизу, единство на практической работе, в борьбе, под взаимным контролем»,—таков был лозунг нашей партии во время предвоенного подъема рабочего движения.

Как стоял вопрос в 1917 г.? Лозунг «вся власть советам» был направлен к тому, чтобы завоевать шедшие за меньшевиками и эсерами массы и изолировать мелкобуржуазный соглашательский блок, представлявший собой главный тормоз развития революции. Та же линия проводилась и в профсоюзах. Нередко профессионально и советски организованные рабочие, формально состоявшие в рядах меньшевиков, выступали с большевистскими речами и делами. Этот единый фронт осуществлялся в массовых революционных выступлениях рабочих и солдат.

«Сила большевиков,—писал Ленин,—только в численности пролетариев, в их сознательности, в симпатиях эсеровских и меньшевистских «низов» (т. е. рабочих и беднейших крестьян) к большевистским лозунгам. Что именно фактически эти лозунги увлекали за собой *большинство* активных революционных масс в Питере 20—21 апреля и 18 июня и 3—4 июля, это факт»¹.

Ленин был решительно и непоколебимо *против тактики единого фронта только сверху* и не допускал ее никогда. В условиях революционного подъема допустим был, как правило, единый фронт только снизу и как более редкое явление единый фронт *снизу и сверху* одновременно. Главное поле применения тактики единого фронта было на предприятии. Так было во время корниловского выступления, но единый фронт рабочих против Корнилова не означал поддержки Керенского, он был этапом борьбы против него и против соглашателей вообще. «И поддерживать правительство Керенского,—писал Ленин,—мы *даже теперь* не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да! Но это не одно и то же, тут есть грань; ее переходят *иные* большевики, впадая в «соглашательство», давая *увлечь* себя потоку со-

¹ Ленин, «Сочинения», т. XXI, стр. 203. Статья «Русская революция и гражданская война». Курсив мой.

битий. Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, но мы не поддерживаем Керенского, а разбиваем его слабость. Это разница. Эта разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя»¹. Организационно-технический боевой контакт с меньшевиками и эсерами в советах и ревкомах против Корнилова не означал политического соглашения с ними. Наоборот, он был связан с разоблачением контрреволюционной роли и причастности соглашателей к корниловщине.

Как пример удачного и целесообразного применения тактики единого фронта снизу и сверху в профессиональных союзах можно привести постановление Петроградского совета профсоюзов о протесте против травли Ленина и большевиков и энергичной борьбе против реакционной прессы². Удачным было то, что большевикам удалось под воздействием ЦК РСДРП о демонстрации 10 июля добиться подписи Исполнительной комиссии Центрального бюро профсоюзов, хотя впоследствии этот шаг был признан Центральным бюро неправильным и сделанным без его ведома³. Тактика единого фронта проводилась по вопросам, связанным с теми или иными экономическими требованиями.

Но вместе с тем можно отметить ряд примеров такого проведения тактики единого фронта, когда центр тяжести переносился на единый фронт сверху и проводилась она на основе компромиссной линии. Это не была, разумеется, ленинская тактика. В виде примера можно взять третью конференцию профсоюзов, состоявшуюся 20—28 июня. Третья конференция сыграла большую роль в истории профессионального движения, но на ней возобладала компромиссная линия. И меньшевики это отмечали. «Рабочая газета» в № 94 об итогах III конференции писала: «...на решениях ее (конференции.—Д. К.) лежит печать компромисса. Но линия компромисса волею большинства прошла не в сторону анархо-синдикалистских течений, а в сторону завещанного союзным прошлым революционного анархизма. Синдикалистский уклон мысли... не нашел себе отражения ни в одной из принятых на конференции резолюций. Но надо признать, что, как показали прения, в среде действительных практиков союзного движения из лагеря большевиков начинается, повидимому, некоторое отрезвление». Об «общем языке» с меньшевиками говорил т. Рязанов, выступавший все время от имени блока интернационалистов. Таким образом компромиссная линия в проведении здесь тактики единого фронта несомненно была налицо. По поводу меньшевистских похвал приходится вспомнить слова Бебеля, говорившего: «если враги меня хвалят, значит я сделал ошибку».

И еще один пример неправильного проведения тактики единого фронта сверху. После июльских дней происходит заседание ЦБ профсоюзов, совета фабзавкомов и ряда правлений профсоюзов. Ряд большеви-

¹ Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 116.

² «Протоколы Петроградского совета профсоюзов за 1917 г.». Л. 1927 г., стр. 14.

³ Там же, стр. 28.

ков—т. Анцелович, Скрыпник, Шмидт, Рязанов (тогда еще не большевик) совместно с меньшевиком-интернационалистом Астровым и др.—предлагают компромиссную резолюцию. В этой резолюции обходится вопрос о власти советов. Но хуже всего то, что в косвенной форме резолюция осуждала июльское выступление большевиков: «В обстановке, создаваемой несогласованными выступлениями революционной демократии, контрреволюции легче всего подготовить свой удар»¹. Подобная тактика единого фронта сверху была неправильна, ибо она не соответствовала настроениям рабочих низов.

Несмотря на отдельные ошибки в профдвижении, большевики завоевывали эти рабочие организации, преодолевая правые шатания в своих собственных рядах. Нередко дело представляло таким образом, что большевики легко и просто завоевывали профсоюзы на свою сторону. Но это далеко не соответствует действительности. Не нужно забывать, что вплоть до III конференции профессиональных союзов последние нередко шли под идейным влиянием меньшевиков.

Переходя к вопросу о тактике партии в движении фабзавкомов, приходится прежде всего отметить огромную роль фабрично-заводских комитетов в революции 1917 г., как опоры партии в рабочих массах. Большевикам удалось через них добиться непосредственной связи с массами, установить единый фронт с рядовыми рабочими—членами партии меньшевиков и эсеров и завоевать их на свою сторону, оторвать от соглашателей.

Деятельность фабзавкомов ярко свидетельствовала о том, что пролетариат на много голов перерос буржуазию, не способную спасти производство от распада и вывести его из тупика, созданного империалистической войной. В чем же заключалась сила фабрично-заводских комитетов? Они, во-первых, являлись непосредственными организациями, наиболее доступными, понятными и близкими для рабочих масс. Во-вторых, это были организации, охватывающие массы рабочего класса шире, чем профсоюзы в 1917 году. В-третьих, они являлись организациями, которые в будущем должны были подготовить рабочих к участию в управлении производством.

Как оценивали фабзавкомы меньшевики, можно судить по следующим словам Далина. В октябре в связи с IV конференцией фабзавкомов Д. Далин писал в «Рабочей газете»: «Организация рабочего класса через заводские комитеты—в этом сила и слабость нашей революции... Организация через заводские комитеты—это путь наименьшего сопротивления для русского пролетариата эпохи революции». Непонимание роли и значения фабзавкомов, к сожалению, наблюдалось и у правых большевиков.

Еще в первые дни революции на конференции представителей рабочих артиллерийских заводов в Петрограде, объединявших 100 тысяч рабочих, был поставлен вопрос о вмешательстве рабочих в производство

¹ «Протоколы Петроградского совета профсоюзов», стр. 38. Курсив мой.

и принято решение об организации контроля над производством. От взятия в свои руки полного управления производством конференция отказалась, считая, что это должно быть сделано в момент «полной социализации всего общественного хозяйства, государственного и частного». Это в основном правильное решение было истолковано Каменевым в совершенно оппортунистическом духе. «Рабочие,—писал т. Каменев,—использовали великий социально-политический переворот для того, чтобы создать «конституционную фабрику»... взяли под контроль всю деятельность администрации в ее отношениях к рабочим, но сознательно отклонили «решительные шаги к социализму по частям»¹. Рабочий контроль над производством был не борьбой за «конституционную фабрику», а именно за решительные шаги к социализму, чего не понимали Каменев и ему подобные.

В фабзавкомах пришлось вести борьбу главным образом против соглашателей, но этим дело не ограничилось. Борьбу пришлось вести на два фронта: против правой опасности, как главной, и против «левых» анархо-синдикалистских тенденций, нередко проявлявшихся в фабзавкомах. В лице фабзавкомов большевики приобрели могущественное орудие пролетарского переворота. И, нужно отдать справедливость меньшевикам, они с полной ясностью сознавали, чем грозит им укрепление большевиков на этих позициях.

Ленинская линия победила в фабзавкомах. От лозунга контроля советов над производством большевики перешли к более точной формулировке—к лозунгу «рабочего контроля», что предполагалось и первым лозунгом, но было уточнено Лениным впоследствии, когда оборончески-соглашательская линия совета полностью определилась.

Значение фабзавкомов очень сильно выросло после июльских дней. «Рабочий контроль,—говорит т. Яковлев в предисловии к сборнику «Архив Октябрьской революции»—«Рабочее движение в 1917 г.»,—после корниловских дней превращается в массовое активное вмешательство рабочих в производство и распределение продуктов. Это был путь к большевизму, к идее советской власти—от борьбы против попыток саботажа, попыток локаута, попыток сокращения производства на том или ином предприятии»². Когда Ленин поставил вопрос о том, что в связи с превращением советов в привески генеральской контрреволюции лозунг «вся власть советам» нужно пересмотреть на данном этапе, некоторые товарищи, не разобравшись в существе ленинской постановки вопроса, выдвигали даже план захвата власти центром фабзавкомов.

В фабзавкомах, как и в профсоюзах, большевики боролись за партийную линию в вопросе о власти против анархистов и меньшевиков. «Правда» № 69, от 31 мая, в статье, посвященной еще открытию первой конференции фабзавкомов, в упор поставила вопрос о власти: «Эту связь

¹ «Правда» № 30, статья «О тезисах Ленина».

² «Рабочее движение в 1917 г.», Архив Октябрьской революции, Гиз, 1926, стр. 9.

«экономики» с «политикой» товарищи делегаты конференции должны уяснить себе прежде всего. Все важнейшие вопросы нашей жизни упираются в один вопрос всех вопросов: «кому должна принадлежать власть в нашей стране». Но провести четкую линию в движении фабзавкомов по вопросу о власти было далеко не так просто, тем более, что иногда в этом вопросе проявляла колебания и часть большевиков. Первая конференция фабзавкомов дала по этому вопросу ясный ответ. На второй конференции, открывшейся в Смольном 7 (20) августа, по постановлению ЦК доклад «О текущем моменте и рабочем контроле» делал т. Милютин, выставивший требование перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Против него выступил ликвидатор Череванин, грозивший изоляцией пролетариата от крестьянства. «Диктатура пролетариата невозможна, это гибель»¹, — говорил Череванин. Резолюция Милютина была принята огромным большинством голосов, но среди части большевиков обнаружились шатания, которые особенно сильно сказались под влиянием ряда с.-д. интернационалистов. Тов. Еремеев предлагал пункт о «переходе власти к пролетариату» заменить словами «революционная демократия», однако поправка была отвергнута. На заседании 11 (24) августа по докладу т. Ларина о безработице была принята резолюция, где говорилось о «переходе государственной власти в руки представителей союза революционных классов, т. е. пролетариата и крестьянства». Поправки большевиков и указания на то, что эта формула противоречит первой, принятой в резолюции по докладу Милютина, не действовали. Тов. Ларин заявил, что осуществление гегемонии пролетариата может повести к гибели революции. Тов. Луначарский, поддерживавший Ларина, подчеркнул, что вообще неправильно разграничивать понятия беднейшее и не беднейшее крестьянство, и настаивал на формулировке т. Ларина: «союз пролетариата и крестьянства», что и было принято. Получился скандал. Конференция проявила неустойчивость в вопросе о власти. Была созвана большевистская фракция, и только впоследствии удалось решить вопрос².

С большими трудностями, а иногда и частичными отступлениями, линия партии все же неуклонно проводилась в рабочих организациях. Анархисты вроде Волина, редактировавшего «Голос труда» (впоследствии Волин оказался видным сподвижником батьки Махно), пытались на всех этих разногласиях нагреть руки и сорвать какое бы то ни было решение по вопросу о власти. Однако это им не удалось. Не удалась и попытка дискредитировать профсоюзы и сделать фабзавкомы основой синдикалистских экспериментов.

В этом вопросе о взаимоотношениях профсоюзов и фабзавкомов пришлось также отклонить и попытку т. Рязанова и др. умалить значение фабзавкомов, предлагая им «не путаться в ногах партии и профсоюзов».

¹ «Октябрьская революция и фабзавкомы», ч. 1, стр. 204.

² К сожалению, об этом составители сборника «Октябрьская революция и фабзавкомы» не упоминают.

~~В~~ правильно указывал, что разграничение между основными организациями пролетариата идет по такой линии: партия руководит политическими выступлениями пролетариата, профсоюзы—экономической борьбой, фабзавкомы—вопросами контроля над производством. Благодаря этой линии большевики сумели направить рабочие организации на верный путь.

Неравномерность в политическом развитии различных организаций рабочего класса давала возможность партии, опираясь на более передовые из них, подтягивать более отстающие. Достаточно составить простую хронику деятельности партии и рабочих организаций, чтобы сразу подметить это.

Меньшевики очень много кричали о синдикализме фабзавкомов и требовали их полного подчинения и поглощения профсоюзами. Но большевики на это не шли, хотя и проводили тактику теснейшего сотрудничества профсоюзов и фабзавкомов. Правда нередко союзные организации и фабзавкомы занимали более революционную позицию, чем руководящие верхушки советов, и борьбу приходилось вести против этих верхушек. Так было в Москве, когда исполнительные комитеты советов выступили против Совета профсоюзов, вынесшего решение об организации забастовки протеста против московского совещания. Подъем рабочего движения был связан с возрастающим несоответствием между настроением низов и советскими соглашательскими верхушками вроде ЦИКа. В профсоюзах это явление имело место, но как далеко не типичное, оно скорее было исключением.

Большевистская линия в фабзавкомах побеждала не только в Питере, но и на местах. К Октябрю насчитывалось 60 тысяч фабзавкомов, и движение уперлось в необходимость создания всероссийского центра, который и предполагалось создать на всероссийской конференции.

Большевики своей работой добились серьезных результатов. Они изолировали соглашателей, создали в рабочих организациях свои опорные пункты. Фабзавкомы и профсоюзы сыграли крупную роль в организации вооруженного восстания и мобилизации сил вокруг партии и вокруг руководимых ею военно-революционных комитетов. Хуже обстояло с рабочей кооперацией. Здесь меньшевики были еще сильны, и работа большевиков была развернута сравнительно слабо.

Большевизация советов, формирование Рабочей красной гвардии, завоевание на сторону пролетариата воинских частей—все эти факты, наряду с определившейся позицией профсоюзов и фабзавкомов в пользу перехода власти к советам, говорили о том, что вооруженное восстание созрело. В этом смысле интересно заседание ЦК 16 (29) октября совместно с представителями ПК, Военной организации, Петросовета, ЦБ профсоюзов, фабзавкомов, железнодорожников. Ряд товарищей на совещании ставили вопрос о настроении масс чрезвычайно расплывчато. На это Ленин указывал: «Настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы должны руководиться объективным

анализом и оценкой революции»¹. Ленин доказывал, что нужно брать основное, устойчивое в настроении масс. А о том, что массы идут за большевиками, свидетельствует анализ выборов в советы и городские думы в Питере и Москве, которому Ленин придавал большое значение.

Когда т. Шмидт от имени профсоюзов, а т. Скрипник от имени фабзавкомов заявили о том, что рабочие организации поддерживают идею перехода власти к советам, то Ленин, подводя итоги прениям и докладам с мест, сказал: «Если профессиональные деятели требуют всей власти, то они отлично понимают, чего хотят». И далее следовал вывод: «Объективные условия доказывают, что крестьянство нужно вести, за пролетариатом оно пойдет»².

Вопрос об октябрьском восстании, несмотря на колебания правых, был решен положительно, и партия победила. Из опыта работы партии в профсоюзах Ленин впоследствии в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» вывел очень важный урок: «...Борьбу надо вести беспощадно и обязательно довести ее, как довели ее мы, до полного опозорения и изгнания из профсоюзов всех неисправимых вождей оппортунизма и социалшовинизма»³. Ленин подчеркивал далее, что самая постановка вопроса о взятии власти во многом зависела от силы и прочности завоевания партией рабочих организаций. И большевики добились этого в 1917 году. Опыт работы большевиков в профсоюзах и в рабочих организациях приобрел международное значение. Братским компартиям еще многому нужно учиться на этом опыте.

Д. Кин

¹ Протоколы ЦК РСДРП, 1923 г., стр. 111.

² Там же, стр. 116.

³ Ленин, Сочинения, т. XXV, стр. 197.

БАКИНСКИЙ ОКТЯБРЬ

«Я продолжаю стоять на той точке зрения, что политическая партия вообще — а партия передового класса в особенности — не имела бы права на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким нулем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть».

Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 247. Статья «Удержат ли большевики государственную власть».

«...У нас нет большинства в народе, без этого условия восстановление безнадежно»... Люди, которые способны говорить это, либо искажители правды, либо педанты, которые желают во что бы то ни стало, не считаясь ни капли с реальной обстановкой Революции, получить наперед гарантии, что во всей стране партия большевиков получила ровнохонько половину голосов плюс один голос. Таких гарантий история никогда и ни в одной революции не представляла и представить абсолютно не в состоянии».

Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 335. «Письмо к товарищам».

Борьба за распространение Октябрьской революции, за захват власти на местах в многонациональных районах приобретала ряд особых, специфических черт, без анализа которых невозможно правильное понимание всех происходивших событий.

Мартовские дни 1918 г. в Баку (30, 31 марта и 1 апреля)¹ были днями вооруженной борьбы за власть. Первые три месяца 1918 г. явились периодом лихорадочной подготовки к решающей борьбе как со стороны контрреволюции, так и со стороны сил революции. В этот период в Закавказском сейме окончательно оформился союз грузинского меньшевизма с тюркской буржуазно-помещичьей контрреволюцией. От разоружения и истребления двигавшихся с фронта сплошной массой солдатских эшелонов (шамхорские события) тюркская контрреволюция с помощью Закавказского сейма перешла к организационному оформлению своих вооруженных сил, к созданию так называемых мусульманских национальных частей.

Части эти готовы были в любой момент двинуться на Баку из Елисаветополя—центра формирования вооруженных сил тюркской контррево-

¹ Все даты в статье по новому стилю.

люции, выжидая лишь благоприятных для этого условий (поддержки со стороны регулярных турецких частей). Развернутый план наступления на Баку считался с подготовкой взрыва внутри города. События, развернувшиеся в конце января 1918 г. в Баку, явились для большевизма грозным предостережением. «События, разыгравшиеся в Баку третьего дня вечером,—писал «Бакинский рабочий» 30 января,—и окончившиеся сравнительно благополучно (несколько убитых и раненых), являют собою грозное предостережение. Баку сейчас представляет из себя два крупных враждебных лагеря, стоящих друг против друга и готовых ринуться каждую минуту»¹.

В феврале тюркские контрреволюционные организации открыто вели в пределах Баку большую кампанию по вербовке желающих вступить в национальные части. Прибывший специально для этой цели в Баку штаб мусульманской дивизии во главе с начальником штаба ген. Талышчским был арестован Бакинским советом рабочих, солдатских и матросских депутатов. Несмотря на то, что в составе прибывшего штаба, как указывала печать, был всего лишь один мусульманин, муссаватская организация не замедлила произвести пробу сил, призвав тюркское население к закрытию лавок и базаров и организовав у здания «Исмаилие» демонстрацию протеста против ареста штаба.

Рост агрессивности тюркской контрреволюции в период, предшествующий мартовским событиям, был наиболее полно охарактеризован в воззвании Комитета революционной обороны, выпущенном 31 марта 1918 года: «Злоба и ненависть, с которыми они (руководители контрреволюции.—С.С.) относились к революционному органу рабочих и солдат, стали выливаться в открытые контрреволюционные выступления. Появление штаба «дикой дивизии» во главе с разоблаченным Талышхановым, события в Ленкорани, на Мугани, в Шемахе, занятие Петровска Дагестанским полком и задержание хлебных грузов, идущих в Баку, угрозы Елисаветполя, а в последние дни и Тифлиса—итти на Баку против советской власти, агрессивные действия броневика Закавказского комиссариата в Аджикабуле...—все это говорит о преступных планах контрреволюционеров, группирующихся, главным образом, около бекской партии муссават и имеющих целью свергнуть ненавистную для буржуазии и помещиков советскую власть».

С начала 1918 г. тюркская буржуазно-помещичья контрреволюция уже не скрывала своего намерения организовать в ближайший период вооруженный поход на Баку. Вождь муссавата Мамед-Эмин Рассул-Заде в центральном органе партии (Очиг-Шоз) 29 января 1918 г. писал: «Очень возможно и то, что мы получим свою автономию ценою развалин. Конечно, нельзя уклониться от прав, предоставляемых историей».

Большевики Бакинского промышленного района, учитывая рост агрессии в лагере тюркской контрреволюции и оформление контрреволюци-

¹ «Бакинский рабочий», 1918 г., № 23/139.

онного блока в Западном Закавказьи, с начала 1918 г. меняют свою тактику борьбы за мирный захват власти и приступают к подготовке вооруженных сил. Значительную роль в подготовке вооруженных сил революции сыграл военно-революционный комитет Кавказской армии, переехавший из Тифлиса в Баку после второго съезда Советов армейских депутатов (декабрь 1917 г.). В своей речи от 16 мая 1918 г., посвященной вопросу о власти в Закавказьи, Шаумян говорил: «Когда мы объявили себя властью, то у нас не было ни одной винтовки, чтобы создать Красную гвардию и Красную армию. Только благодаря стараниям военно-революционного комитета мы овладели военным аппаратом и только это дало нам возможность представлять из себя силу»¹. О том же говорил он в своей лекции о Парижской коммуне: «С этой целью Советом был создан ВРК, который в течение месяцев систематически подготавливал силы, верные делу революции»². В докладе Совету народных комиссаров РСФСР о мартовских событиях Шаумян писал: «Благодаря стараниям и местного совета и перебравшегося сюда военно-революционного комитета Кавказской армии (из Тифлиса и Сарыкамыш) у нас были уже вооруженные силы около 6 000 человек»³.

Для того чтобы ввести в бой с тюркской контрреволюцией эти силы, большевики должны были выбрать наиболее благоприятный момент. Ленин в своем письме в ЦК РСДРП большевиков («Марксизм и восстание»), написанном перед Октябрьским переворотом, так характеризовал момент, когда можно начинать восстание: «Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа—наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в *рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*»⁴. Если первое и последнее условия, выдвинутые Лениным, в мартовские дни 1918 г. были налицо, если именно в марте активность передовых пролетариев была наибольшая, а в рядах половинчатых друзей революции в этот период происходили процессы чрезвычайно выгодные для развертывания решающих боев за власть, то не было в бакинских условиях и колебаний в рядах врагов. Наряду с лихорадочной подготовкой сил революции происходила не менее лихорадочная подготовка и сил контрреволюции. Это осложняло борьбу, давало меньшее количество шансов на успех, требовало еще большего напряжения сил революции.

Под какими лозунгами большевики бакинского промышленного района развернули борьбу за власть? В то время как контрреволюция открыто заявляла о своем стремлении начать вооруженную борьбу за захват Баку, большевики декларировали свое стремление вступить в решительный бой за установление советской власти во всем Закавказьи.

В резолюции «о положении дел на Кавказе», принятой 15 марта

¹ С. Шаумян, «Статьи и речи». Изд. Ин-та Шаумяна, 1929 г., стр. 153.

² Там же, стр. 185.

³ Архив Ин-та Ленина при ЦК ВКП (б). Документ не нумерован.

⁴ Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 195.

1918 г., Бакинский совет раб., солд. и матр. депутатов заявлял, что «он не скрывает от себя трудности положения бакинского пролетариата и города Баку, который является единственным пунктом в Закавказьи, не признающим власти Закавказского сейма. Чтобы защитить Баку от покушения контрреволюционной власти, Бакинский совет раб., солд. и матр. деп. от разгрома, необходимо дальнейшее усиление и укрепление советской власти, что может быть достигнуто, с одной стороны, проведением ряда декретов Совета народных комиссаров о рабочем контроле в г. Баку, о земле в Бакинской губ. и т. д. Помимо того, г. Баку нужно превратить в опорный пункт для борьбы за советскую власть Закавказья. Необходимо создать реальную силу вокруг Совета и, опираясь на российскую революционную власть и на Советы Северного Кавказа, оборонять себя и *распространить свое влияние и свою мощь на всю территорию Закавказья*»¹.

Нужен был лишь повод для того, чтобы началась вооруженная борьба. Таким поводом и явились события на «Эвелине». 30 марта в Бакинском совете были получены сведения, что к пароходу «Эвелина», на котором из Ленкорани прибыл отряд дикой дивизии, начинают стекаться вооруженные отряды. Присланный для проверки отряд красногвардейцев был встречен выстрелами. Революционный комитет Кавказской армии и Совет потребовали немедленной сдачи оружия. Казалось бы, все эти явления не могут сыграть решающего значения, однако, как силам контрреволюции, так и революции нужен был лишь незначительный повод для того, чтобы начать борьбу.

Первыми в наступление перешли силы контрреволюции. Расстрел присланного отряда явился вызовом. Город мгновенно стал похож на вооруженный лагерь; силы контрреволюции стали стягиваться к старому городу (так называемой татарской части); одновременно шла мобилизация всех сил революции. Атмосфера заметно накалялась. Прибывшей в Совет делегации от тюркских национальных организаций было предъявлено ультимативное требование сдать оружие с «Эвелины», что и было выполнено. Несмотря на то, что 30 марта еще никаких значительных событий не произошло, вооруженные силы революции и контрреволюции еще в бой не вступили; всем было очевидно, что борьба началась и что ликвидировать ее или оттянуть не удастся.

После тревожной ночи с утра 31 марта начались митинги протеста. Митинги эти, организованные бакинской муссаватской организацией и мусульманским национальным советом, требовали возвращения оружия дикой дивизии. В то время как явившаяся в исполком делегация предъявила это требование, воинские части тюркской контрреволюции перешли в наступление. На Шемахинке и Татарской улице открылась стрельба по советским войскам. Всякие переговоры были прекращены. В татарской части города по отрядам Красной гвардии и армии стреляли из окон и крыш домов; начали строиться окопы.

¹ «Известия Бак. совета раб., солд. и матр. деп.», 1918 г., № 51/273. Курсив мой.

В ночь с 31 марта на 1 апреля силы контрреволюции перешли по всему фронту в наступление, заняв Сураханы и подготавливая поход на Балахано-Сабучинский район. Перед большевиками Баку стал вопрос — или самим перейти в решительное наступление, или, оттягивая развязку, значительно уменьшить шансы на успех.

Ленин, в статье «Советы постороннего» так формулировал марксовы положения о восстании как искусстве:

«1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начав его, знать твердо, что надо *итти до конца*.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решительный момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны»¹.

Эти указания и были приняты вождями бакинского пролетариата к неуклонному руководству. 31 марта был создан Комитет революционной обороны, который взял на себя направление всей борьбой. Увидев, что введение лишь части вооруженных сил не может дать необходимого эффекта и что единственным выходом из положения является переход в контрнаступление по всему фронту, Комитет с утра 1 апреля бросил все силы в наступление, используя как пехоту, так и артиллерию и авиацию.

Комитет революционной обороны Баку и его районов в бюллетене от 1 апреля обосновывал необходимость перехода в наступление следующим образом: «Перед Комитетом революционной обороны стоял вопрос или брать каждый дом с бомбой в руках, или приостановить движение другими средствами. К 10 часам утра было решено для устрашения начать редкую пальбу из пушек. Выдвинуты были три судна. Вместе с тем дано было знать, что могут быть приняты суровые меры. К 11 часам поступили с разных мест предложения как-нибудь покончить разбушевавшуюся войну»¹.

В результате ожесточенного боя, достигшего наибольшего напряжения в первой половине дня 1 апреля, контрреволюция заявила о желании начать переговоры. В ответ на это предложение Комитетом революционной обороны был предъявлен ультиматум следующего содержания: «Мы требуем немедленного прекращения военных действий, открытых против советской власти в гор. Баку, требуем снять немедленно вооруженные посты и срыть окопы. Во избежание повторения в дальнейшем подобных выступлений Комитет революционной обороны требует:

¹ Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 319.

² Бюллетень К-та рев. обороны г. Баку и его район. от 4 апр. 1918 г.

1) открытого и безоговорочного признания власти Бакинского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и полного подчинения всем его распоряжениям. 2) Дикая дивизия, как контрреволюционная воинская часть, не может быть терпима в пределах Баку и его районов. Другие национальные мусульманские воинские части, как и армянские, должны быть или выведены из города или подчинены всецело Совету раб., солд. и матросск. деп. Все вооружение населения должно быть под контролем и учетом Совета раб., солд. и матр. деп. 3) Требуем принятия срочных мер для открытия железнодорожного пути от Баку до Тифлиса и от Баку до Петровска. Если к 3-м (три) часам дня 1 апреля нового стиля нами не будет получено согласие партии муссават или другой полномочной организации от населения на предъявляемые нами требования, Комитет революционной обороны будет считать состояние войны, начатой муссаватистами, продолжающимся и возлагает на них всю ответственность за последствия»¹. В 5½ часов вечера 1 апреля открылось заседание Комитета революционной обороны совместно с так называемой «мирной делегацией», которая фактом своего прихода в основном уже согласилась принять предъявленное большевиками ультимативное требование.

После весьма невразумительного лепета представителя муссавата Кязим-Заде о том, что муссаватисты советскую власть признают принципиально, но не совсем признают ее по техническим условиям, председательствующий тов. Джапаридзе предложил присутствующим или принять ультиматум или заявить, что присутствующие здесь представители мусульманских организаций делать этого не желают. Требования, выдвинутые ультиматумом, были подписаны от имени этих организаций: А. Ханларовым, А. Ашуровым, Гасановым, Топчибашевым, Аб. Кязим-Заде, Рза Кули Гасановым, Джабаровым, Гаджи-Мир-Мовсуновым, Мир-Абдул-Касум-Заде, Мола-Магомет-Ганифом, Мола-Магомет-Заде, А. Амирджановым, Ахмедовым, Аджи-Ага-Муталиб-оглы.

Бои за власть окончились победой большевизма, полным разгромом и капитуляцией сил контрреволюции. В своем докладе Совнаркому РСФСР Шаумян рисовал следующую картину развернувшихся боев: «Закавказье вступило в полосу активной вооруженной борьбы за советскую власть. В течение трех дней 30 и 31 марта и 1 апреля в г. Баку шел ожесточенный бой. Сражались, с одной стороны, советская красная гвардия, красная интернациональная армия, организованная нами, красный флот, который удалось нам реорганизовать в короткий срок, и армянские национальные части. С другой стороны, дикая мусульманская дивизия, среди которой не мало русских офицеров, и банды вооруженных мусульман, руководимых партией муссават. С обеих сторон принимали участие в городских боях более 20 тысяч человек. Нам помогали еще гидро-аэропланы авиационной школы. Помощь была небольшая отчасти благодаря дурной погоде, отчасти вследствие несколько сомнительного поведения

¹ «Известия Бакинского совета», 1918 г., № 63/285.

командного состава школы, от которого мы не успели еще очиститься. Результаты боев блестящие для нас. Разгром противника был полнейший. Мы продиктовали им условия, которые беспрекословно были подписаны. Убитых более трех тысяч с обеих сторон»¹.

Сообщение Шаумяна о том, что в лагере борющейся контрреволюции было не мало русских офицеров, подтверждается и рядом других документов, причем участие командного состава царской армии в так называемых мусульманских национальных формированиях являлось не случайным. В период комплектования мусульманских частей для похода на Баку и взрыва внутри самого Баку русские офицеры заняли большинство командных должностей в этих частях, возглавив борьбу этих частей против революции. Возглавили они это движение сознательно, считая, что они вместе с тюркской буржуазно-помещичьей контрреволюцией борются за одно общее дело.

В этом отношении значительный интерес представляет переписка председателя русского национального совета в Тифлисе с русскими офицерами, занимавшими командные должности в мусульманских частях. Переписка эта, завязавшаяся во второй половине апреля 1918 г., вызвана была началом военных действий между турецкими регулярными частями и войсками Закавказского сейма. В связи с отказом командования мусульманских национальных частей принять участие в войне с Турцией русский национальный совет постановил отозвать всех русских офицеров из этих частей. В ответ на это исполняющий должность начальника штаба мусульманского корпуса Евгений Мельчунов от имени всех офицеров корпуса (русских) прислал письмо. Сообщая в нем, что 65% всех командных должностей в корпусе заняты русскими офицерами, он обосновывал участие их в борьбе против Баку следующим образом: «В настоящее время на долю частей мусульманского корпуса *распоряжением Закавказского правительства* выпала не менее тяжкая боевая задача в тылу других национальных корпусов. И в то время как части армянского, грузинского и русского корпусов ведут борьбу фронтом на западе, части мусульманского корпуса едва сдерживают общего врага на востоке. Таким образом, ваше обращение к русским офицерам мусульманского корпуса покинуть его ряды в такую минуту, когда Тифлис только что отдавал воинские почести павшему смертью в бою у Аджикабула русскому полковнику мусульманского корпуса, является каким-то недоразумением... Вопреки воле народов, одними офицерами, отняв у них все, родины не спасти; а потому не могу не выразить от имени русских офицеров, служащих в корпусе, удивления, что после всех жертв, принесенных в эту великую войну русским офицерством до и после революции, после всех неслыханных издевательств и зверств русского народа над тем же беззаветно преданным родине офицерством *к нему обращаются вновь со святыми только для него лозунгами, над которыми русский солдат и его идейные вдохнови-*

¹ Арх. Ин-та Ленина при ЦК ВКП (б). Документ не нумерован.

тели не перестают глумиться». И дальше продолжает: «Я вновь подчеркиваю, что мусульманский армейский корпус является частицей единой армии Закавказья... Никаким партиям и общественным организациям чуждые русские офицеры, как офицеры, никогда не служили и, надеюсь, служить не будут. Постановления партии мусават для нас имеют значение не больше, чем постановление Русского национального совета. Мы считаем себя на службе Закавказской республики и защищаем ее интересы»¹.

Таким образом, русские офицеры, занимавшие 65% всех командных должностей в мусульманских частях, заявляли, что они вместе с руководителями и вождями Закавказского правительства делают одно общее дело. Деятелями Русского национального совета, в свое время совместно с грузинскими меньшевиками и тюркскими националистами организовавшими Закавказский комиссиariat, доказывалось, что временные разногласия со вчерашними союзниками (Сафикюрдскими и Талышхановыми), вызванные объявлением войны с Турцией, *не могут ликвидировать общность интересов всех групп в борьбе с большевизмом за Баку.*

Опыт гражданской войны в Закавказье показывает, что в марте—апреле 1918 г. вооруженные силы тюркской контрреволюции выступали под военным руководством русской контрреволюции (офицерство) в союзе с контрреволюцией грузинской. Агрессивные противобольшевистские устремления грузинской контрреволюции в этот период были при этом наиболее ярко выражены грузинскими меньшевиками, возглавлявшими Закавказское правительство и Закавказский сейм. Позиция «Борьбы», официального органа Областного к-та меньшевиков и меньшевистской фракции Заксейма, отдельные выступления представителей меньшевистской организации и, наконец, обнаруженная нами секретная переписка между руководителями тюркской контрреволюции и председателем Заксейма целиком подтверждают это положение.

Когда в Тифлис пришли первые сведения о совершившемся в Баку перевороте, «Борьба» поместила статью под заглавием «События в Баку»². Статья эта не только утверждала, что в Баку события носили сугубо национальный характер, но выдвигала общий тезис о невозможности развертывания гражданской войны в Закавказье. «Гражданская война в наших условиях неизбежно выливается в форму национальной войны. Таков непреложный закон политической жизни Закавказья. Претворенная в форму межнациональной борьбы, она может принять огромные, неслыханные размеры, она zalьет потоками крови наш измученный край, сметет все достигнутые завоевания революции, остановит жизнь страны». Насквозь пропитанная ядом шовинизма, статья эта обвиняла большевиков в авантюризме и утверждала, что большевики чужды местной жизни, что они не знают ее, что «они не болели нашими горестями, не печало-

¹ Архив Русского национального совета в Тифлисе, 1918 г., дело № 489. Курсив мой.

² «Борьба», № 35, 22 марта 1918 г.

вались нашими печальями. Они опираются на элементы случайные для Закавказья, органически с ним не сросшиеся, не имеющие здесь исторических корней».

Авторы статьи прекрасно знали о той поддержке, которую оказывают большевизму широкие слои бакинского пролетариата, однако принципиальная позиция, на которой в тот период уже стоял грузинский меньшевизм (позиция националистическая), дала им возможность утверждать, что большевики «пришли к нам издалека и пытаются разрешить наш старый «семейный спор, давно уже взвешенный судьбой». Борьба между пролетариатом и буржуазно-помещичьей контрреволюцией трактовалась как «семейный спор, давно уже взвешенный судьбой». Понятно, что это забвение интересов класса целиком отбрасывало вождей меньшевизма на позиции контрреволюции, позволяло им сделать ряд не только идеологических, но и организационных выводов.

Утверждая в отношении господства беков и ханов, что вопрос разрешится «не силой штыка», «Борьба» в этой же статье достаточно недвусмысленно призывала к вооруженной борьбе с большевизмом. «Начавшийся пожар должен быть немедленно потушен, это властно диктуется обстоятельствами. Если для тушения пожара понадобятся энергичные и решительные меры, они должны быть приняты без всяких колебаний и сомнений. Пробыл грозный час, когда всякое промедление воистину смерти подобно. И в этот страшный час правительство должно вспомнить мудрое изречение Гиппократ: «где не помогает вода, там поможет железо».

Вопрос о бакинском перевороте обсуждался в заседании Закавказского сейма второго апреля. После сообщения, сделанного министром путей сообщения Мелик-Аслановым, о полученных по телеграфу из Баку сведениях выступил один из лидеров грузинского меньшевизма Н. Рамишвили (министр внутренних дел). Он стремился доказать, что захват власти большевиками в Баку является началом развернутого похода на Тифлис для захвата власти во всем Закавказьи. Не сделав никаких конкретных предложений, Рамишвили закончил сообщением, что на линию железной дороги выслан бронепоезд «На помощь беженцам», которому «дано распоряжение двинуться дальше и ждать дальнейших инструкций» (1).

Выступивший после него представитель так наз. Социалистического мусульманского блока—Сафикюрдский прежде всего пытался доказать, что если бы в период шамхорских событий им не помешали разоружить солдатские эшелоны и оказали полное содействие в формировании мусульманских частей, то захвата большевиками Баку можно было бы избежать. Вся дальнейшая речь Сафикюрдского была заполнена угрозами по отношению к союзникам тюркской контрреволюции—грузинским меньшевикам: «Мы просим у Закавказ. правительства, чтобы были немедленно приняты меры для самообороны и ликвидации большевизма. Если Закавказское правительство существует, то мы требуем, чтобы эти меры были приняты... От имени мусульманского социалистического блока, который боролся и

будет бороться с большевизмом, предупреждаем и просим правительство, что *если оно не примет решительных мер, мы сами разгромим их, пусть это слышат их представители, если они здесь находятся. В нашей истории много крови, она вся написана кровью, и мы будем еще вписывать туда кровавые буквы*¹. К этой кровавой речи Сафикюрдского нечего было добавить даже вождю муссават М. Э. Расул-Заде, который попытался лишь напомнить присутствующим, что, когда он в свое время говорил об опасности для «самостоятельности Закавказья» с севера, «некоторые газеты нашли такое заявление неуместным». В заключение он заявил, что «если Закавказское правительство, Закавказский сейм не считаются с этим моментом, не примут тех решительных шагов, которых требовал здесь представитель партии мусульманского социалистического блока, то имейте в виду, что нам невозможно будет сидеть здесь и самостоятельно вести солидарную работу».

Угрозы Сафикюрдского, Расул-Заде и др. оказали свое действие. В ответ на запрос Джафарова, что предпринимает и намерено предпринять Закавказское правительство, Н. Рамишвили, выступив вторично, заявил: «по многим причинам, которые вполне понятны сейму, мы не нашли возможным распространяться обо всем том, что предпринимается правительством в этом направлении (голоса: правильно)». Этот ответ вполне удовлетворил представителей тюркской контрреволюции. «Раз принимаются меры для предотвращения в Баку этих событий,—говорил Махмудов,—то мы не настаиваем на рассмотрении этого вопроса сегодня и снимаем его с обсуждения».

С.-д. фракция сейма в своем постановлении о бакинском перевороте якобы осуждала не только большевистское выступление, но и «наступление на Баку, ведущееся извне», и подчеркивала нейтральность своей позиции. Однако, на основании имеющихся документов, мы можем утверждать, что грузинский меньшевизм, руководивший сеймом, готовил вооруженный поход на Баку, снабжая части тюркской контрреволюции, наступающие на Баку, военным снаряжением, инструкторами, командным составом и принимая самое активное участие в борьбе с силами Октябрьской революции.

Обнаруженная нами в делах Закавказского сейма докладная записка фракции муссават и беспартийных мусульман, адресованная председателю Закавказского правительства, показывает, что сейчас же после обсуждения в Закавказском сейме вопроса о бакинских событиях был принят ряд практических шагов к разгрому сил революции в Баку. «После вооруженного выступления большевиков в гор. Баку против мусульман,—говорилось в этой докладной записке,—сопровождавшегося неслыханными преступлениями в отношении мирного мусульманского населения, Закавказским сеймом было принято решение ликвидировать большевистское выступление, и принятие соответствующих мер было поручено Закавказскому правительству. *Во исполнение постановления сейма правитель-*

¹ Стенографические отчеты Закавказского сейма. Отчет заседания от 20/III 1918 г. ст. с².

ством было возложено на военного министра занять вооруженной рукой Баку и прилегающие к этому городу железнодорожные станции, 21 марта текущего года начать отправку войск в Баку и выдать отправляющимся войскам определенное количество боевого снабжения в виде орудий, пулеметов, бронированного поезда, винтовок и пр.»¹ В приказе по мусульманскому корпусу от 22 апреля 1918 г. командир корпуса Шахлинский писал: «С чувством глубокого удовлетворения отмечаю высокую доблесть, выказанную в этом бою частями грузинского корпуса. Кавказские мусульмане, а в частности вверенный мне корпус, никогда не забудут братской помощи наших исконных друзей и нынешних боевых товарищей славных грузин».

Таким образом руководители Закавказского сейма вели двуличную политику. Подготавливая вооруженной рукой поход на Баку, они одновременно принимали гласные резолюции о нейтралитете, невмешательстве и о посылке делегации.

О том, что Закавказским сеймом предпринят ряд практических мер для организации борьбы против Баку, подтверждали и эсеровские газеты, отнюдь не расположенные к большевикам. «Знамя труда»² в статье «К карательной экспедиции на Баку» писало: «Руководящие политические партии прямо говорят, что, где не помогает вода, там должно помочь железо, а услужливая республиканская ветренница, газета, спешит даже подвести чуть ли не социологическую подкладку под новую военную кампанию правительства... «Слуги реакции»—это, конечно, не муссаватисты и не их тайные и явные, вольные или невольные обожатели и поклонники, а горийские осетины и грузины и бакинские рабочие, идущие за советской властью. И на глазах у всех по городу замелькали автомобили с винтовками и патронами, задвигались фургоны с военным имуществом, загарцевала дикая кавалерия. И шамхорские и елисаветпольские герои—гг. Сафикюрдские, Рустамбековы, и др., у которых не обсохла еще кровь солдат и мирного гражданского населения, потирают от удовольствия руки и без стеснения с трибуны сейма заявляют, что и Шамхор и Елисаветполь были необходимы и что бакинских большевиков необходимо вырезать».

Руководители большевизма сразу поняли классовое существо политики Закавказского сейма. В ответ на заявление сейма о желании прислать из Тифлиса мирную делегацию во главе с Исидором Рамишвили Комитет революционной обороны писал: «В никаких мирных делегациях надобности не имеется, никакой братоубийственной войны в Баку не было. Была и продолжается уже за пределами Баку гражданская война против контрреволюционных беков и ханов... Так называемая социал-демократическая фракция сейма, поддерживающий Краевой совет сама является виновницей контрреволюционного пожара, начавшегося из Елисаветпольской губ. и перебросившегося на Баку»³. Делегация, вырабатывая,

¹ Архив Особого зак. к-та. Из разрозненных дел.

² «Знамя труда» от 28 марта 1918 г.

³ Так в тексте.

как сообщается телеграммой Рамишвили, некоторые условия мира, хочет, очевидно, оказать свои новые услуги бекским и ханским бандам, вооруженным благодаря стараниям Закавказского комиссариата... Бакинский пролетариат встретил бы мирную делегацию с чувством глубокого возмущения и презрения, а поэтому Комитет революционной обороны гор. Баку и его районов просит делегацию не беспокоиться и не утруждать себя приездом»¹. Этим актом большевизм окончательно ликвидировал возможность мирного исхода переворота. Предстояла жесточайшая борьба с объединенными силами тюркско-грузинской контрреволюции.

Сейчас же после мартовских событий Баку оказался в положении осажденного лагеря. Из Петровска начал наступление так называемый Дагестанский полк, которому под Хурдаланом был дан бой. Несмотря на то, что в северном направлении (Петровск, Темир-Хан-Шура) большевистские части достигли значительных успехов, Баку продолжал оставаться в положении осажденного лагеря. Контрреволюционные части наступали на Баку из Шемахи и Елисаветполя (Ганджа). После ожесточенных боев большевистские части были разбиты и отступили от Аджикабула к Баку. Аджикабул был занят объединенными тюркско-грузинскими частями. Одновременно началось скопление сил контрреволюции и к югу от Баку — в Сальянах, куда прибыла дикая дивизия с артиллерией из Ленкорани.

Нужен был подъем первых дней революции для того, чтобы разорвать все сжимающее вокруг Баку кольцо, разгромить силы противника и самим перейти в наступление².

* * *

В дни мартовского переворота большевиками были использованы армянские национальные части. В связи с этим врагами большевизма была сделана попытка охарактеризовать мартовские события как национальную борьбу между армянами и тюрками (контрреволюция ведь в

¹ Музей революции СССР. Арх. ф. № 25 — 1918 г., дело № 7.

² О положении Баку после мартовского переворота писал в своем докладе Шаумян Совнаркому РСФСР:

«После этого первого городского сражения на помощь бакинским мусульманам явились дагестанские войска из Петровска и Шуры. 7 и 8 апреля мы двинули против них свое войско и после боев, происходивших верстах в 15 за городом (около Хурдалана), противник был разбит и отброшен.

Мы находимся сейчас в состоянии непрерывной войны. В течение последней недели у нас бои и в Шемахе. Против 3-тысячного отряда, присланного Елисаветпольским мусульманским национальным комитетом, мы послали свои отряды, которые, по полученным вчера сведениям, были разбиты и отступают. Вчера был отправлен нами новый отряд с артиллерией и пулеметами. Вчера же было получено нами сообщение, что из Елисаветполя двинулись новые два эшелона мусульманских войск во главе с грузинским князем Магаловым. Они заняли станцию Аджикабул, в 4 верстах езды от Баку. Там же скапливаются местные банды мусульман. Скопляются крупные силы и к югу от Баку в Сальянах, куда прибыла дикая дивизия с артиллерией из Ленкорани. Кольцо сжимается вокруг Баку, и вероятно на-днях будут иметь место новые большие бои».

основном выступала как тюркская сила). Орган Бакинского комитета меньшевиков «Наш голос» писал: «Одно можно сейчас установить с полной несомненностью, установить, чтобы потом сделать необходимые выводы: то, что было, была не гражданская война. То, что было... было старой враждой между мусульманами и армянами»¹.

Не подлежит сомнению, что участие национальных армянских частей придавало гражданской войне национальную окраску. Шаумян в заседании Совета Р. С. и М. Д. от 19 апреля 1918 г. говорил: «Национальный состав нашего города пугал нас. Мы боялись, что борьба примет нежелательную окраску. Нам даже пришлось прибегнуть к помощи армянского полка. Мы даже не могли допустить себе роскошь отказаться от их услуг. Было необходимо воспользоваться услугами армянского полка, а победа настолько велика, что это мало омрачает действительность»². О том, что участие национальных частей придавало классовой борьбе национальную окраску, писал Шаумян и в своем докладе Совнаркому: «Советская власть в Баку все время висела в воздухе благодаря сопротивлению мусульманских националистических партий. Эти партии, во главе с феодальной (бекской и ханской) интеллигенцией, укрепившись в Елисаветполе и Тифлисе благодаря подлой и трусливой политике меньшевиков, стали в последнее время очень агрессивными и в Баку... Если иметь в виду их политические цели—отделение Закавказья от России и подчинение турецкому протекторату,—ясно, что их победа в Баку привела бы к потере Закавказья для России. Меньшевики в Закавказском сейме пошли уже на уступки муссавату и согласились на объявление независимости Закавказья. Это не удовлетворило Турцию, и она идет сейчас войной против Закавказья. А это наступление Турции должно было быть связано с выступлением мусульман внутри Закавказья, с захватом власти в Баку и т. д. Мы должны были дать отпор, и мы воспользовались поводом—первой попыткой вооруженного нападения на наш конный отряд, и открыли наступление по всему фронту... У нас были уже вооруженные силы—около 6 000 чел. У дашнакцутюн имелось также около 3—4 тыс. национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придавало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности; мы шли сознательно на это»³.

При оценке характера мартовского переворота в Баку необходимо в первую очередь ответить на следующие вопросы: во-первых, действительно ли большевики должны были использовать армянские национальные части в борьбе с тюркской контрреволюцией, не могли ли они обойтись без помощи этих национальных частей; во-вторых, не ликвидировало ли участие этих частей классового характера борьбы, не были ли большевики использованы националистическими партиями Закавказья в борьбе за их интересы?

¹ «Наш голос», 6 апреля 1918 г., № 59.

² С. Шаумян, «Статьи и речи», стр. 156.

³ Архив Ин-та Ленина при ЦК ВКП(б). Документ не нумерован.

Если говорить о соотношении вооруженных сил, которыми располагала революция и контрреволюция, то станет очевидным, что отказ от участия в борьбе национальных армянских частей в значительной степени делал проблематичной возможность победы. Шаумян общее количество борющихся в мартовские дни исчислял в двадцать с лишним тысяч человек. В лагере контрреволюции было более 10 000 вооруженных единиц. В то же время у большевиков без дашнакских и эсеровских сил было около 6 000 человек. Понятно, что, располагая только своими силами большевизм не мог быть уверенным в победе.

Однако один этот факт еще не доказывает необходимости использования национальных армянских частей. Как мы уже говорили, прежде всего необходимо выяснить, меняло ли участие этих частей характер переворота. Следует также отметить, что в борьбе с тюркской контрреволюцией активное участие приняли также правые с.-р., которые, как указывал в своем докладе Шаумян, «вели себя великолепно, бились и умирали вместе с ними». Объясняется это тем, что рост националистических настроений в армянском и тюркском населении, развязывание национальных инстинктов сказалось не только на армянской и тюркской мелкой буржуазии, но и на отдельных слоях рабочего класса. Русские националистические устремления выражала Бакинская организация правых эсеров. Переплет влияний национальных партий (дашнакцутюн и муссават) на пролетариат не мог не сказаться и на настроениях русских рабочих. *Значительные кадры сторонников правых эсеров, которыми они располагали в среде рабочих Бакинского района, вербовались, главным образом, за счет роста националистических устремлений в отдельных группах русских рабочих.*

Таким образом, необходимо прежде всего установить, что в борьбе с тюркской контрреволюцией большевики использовали силы армянской и русской национальных групп, имевших значительные кадры в рабочем классе. При этом если вожди указанных групп признавали советскую власть с оговоркой (признавали власть Советов на местах, не признавая в центре Совнаркома), если в этой борьбе они (вожди) преследовали свои цели, то этого отнюдь нельзя сказать о дашнакских и эсеровских низах. Тысячи дашнакских и эсеровских рабочих, сражаясь и умирая вместе с большевиками в мартовские дни, конечно, боролись за советскую власть совсем по-иному, чем боролись их руководители.

Ленин в статье «Пугают гражданской войной»¹ писал: «Сила большевиков только в численности пролетариев, в их сознательности, в симпатиях эсеровских и меньшевистских «низов» (т. е. рабочих и беднейших крестьян) к большевистским лозунгам». Сила большевизма в Бакинском районе в значительной степени была в симпатиях дашнакских и эсеровских масс.

Используя национальные группировки, втягивая в граждан-

¹ Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 203.

скую войну рабочие и солдатские массы, еще не высвобожденные из-под влияния национальных партий, большевики Бакинского промышленного района должны были концентрировать внимание масс, борющихся против контрреволюции, на задачах классовой борьбы. Делала ли это наша организация в дни мартовского переворота? На этот вопрос нужно ответить утвердительно. Большевистская организация, используя силы дашнакских и эсеровских национальных группировок, вовлекая в борьбу дашнакские и эсеровские массы, однако одновременно вела решительную разоблачительную кампанию о социальной и политической сущности этих партий.

31 марта было лишь вторым днем борьбы. После победы пролетариата неминуемо должна была развернуться вооруженная борьба за закрепление этой победы, за утверждение и распространение советской власти во всем Закавказье. В этой дальнейшей борьбе с контрреволюцией, разгромленной в Баку, но еще очень сильной в районах Елисаветполя, Ленкорани, Тифлиса, большевизм, хотя бы в первый период, не мог обойтись без вооруженной помощи дашнакских масс, однако это не помешало большевизму показать подлинное лицо партии «дашнакцутюн». «Бакинский рабочий» сейчас же после мартовского переворота писал: «Завтра условия могут резко измениться, и тогда та же самая партия будет вести свою прежнюю непримиримую борьбу с пролетарской революцией. Вот почему в борьбе с контрреволюцией, не отвергая помощи дашнакцутюн, в высшей степени ценной в данный момент для нас, мы все же не должны забывать националистической сущности этой партии и, воспользовавшись благоприятным для нас моментом, напрячь все силы, чтобы оторвать армянские массы из-под влияния реакционных вождей»¹.

О том, что дашнакские руководители не являются прочным союзником революции, что в буквальном смысле этого слова, завтра условия могут измениться и реакционные вожди начнут борьбу с пролетарской революцией, большевики прекрасно понимали. Опыт политической борьбы, предшествовавшей мартовским дням в Баку, в достаточной степени выявил подлинное социально-классовое и политическое лицо дашнакизма. В Бакинском совете Р. С. и М. Д. дашнаки и муссаватисты не раз пытались объединить свои действия, заглушая национальную рознь для организации борьбы с пролетарской партией. Еще 19 февраля 1918 г. было опубликовано объединенное воззвание армянского и мусульманского национальных советов. 22 февраля эти же партии в Бакинском совете рабочих депутатов организовали совместную демонстрацию протеста против политического направления газеты «Известия Бакинского совета Р. С. и М. Депутатов».

Дашнакские руководители как в дни, предшествовавшие мартовскому перевороту, так и в дни мартовского переворота вели двойную политику, не зная до последнего момента, на чью сторону они в решающий

¹ «Бакинский рабочий» от 20 апреля 1918 г.

момент станут. Гласно заявляя о своей приверженности революции, они вели переговоры с муссаватистами о создании единого классового фронта борьбы против пролетарской партии. Газета «Азербайджан» 30 марта 1919 г. писала: «В 11 час. вечера в помещении мусульманского национального комитета и муссавата явился представитель армян, доктор Тер-Захарьян, сообщивший, что члены армянского национального совета сейчас собрались в Метрополе и ждут представителей мусульман, чтобы вместе с ними решить о совместном выступлении армянскими и мусульманскими сил против большевизма, так как смуту затевали члены и войска советского правительства. У нас ничего общего с ними нет, заявил от имени армянского национального совета Тер-Захарьян, это борьба из-за политических убеждений, надо стараться, чтобы эта борьба не повредила обеим нациям... В час ночи 8 делегатов мусульман по пустому заявлению одного армянина отправились в гости в Метрополь... В 5 час. утра мы узнали, что нас обманули».

Это разоблачение муссаватской печати заслуживает внимания. Представители армянского национального совета в дни мартовского переворота действительно вели переговоры с муссаватистами, и только вовлечение самих дашнакских масс в борьбу на стороне революции сыграло решающую роль в вопросе дашнакской ориентации. Очутившись же в лагере революции, дашнакские вожди попытались использовать борьбу в своих интересах. Для того чтобы не дать возможности развернуться подлинно классовым боям, армянский национальный совет попытался развязать национальные инстинкты, провоцируя дашнакские массы на организацию резни тюркской городской бедноты.

Попытка дашнакских руководителей использовать мартовские бои для резни тюркской бедноты давала возможность нашим врагам характеризовать мартовские события как национальные. Однако не подлежит сомнению, что именно благодаря твердому классовому руководству большевиков национальная армяно-тюркская борьба в мартовские дни не приняла гигантских размеров и смогла быть чрезвычайно быстро ликвидирована. В докладе «Текущий момент и организация власти» Шаумян говорил: «Национальная окраска, которую неизбежно приняла гражданская война, и то обстоятельство, что наряду с Красной армией продолжали существовать национальные полки, заставило нас вести определенную войну против них. Правда, мы вынуждены были использовать их, поскольку они оказались нашими союзниками, но они внесли в борьбу национальный момент и вот, во имя торжества интернационализма, надо не давать укрепляться национальным советам и полкам... В результате гражданской войны пострадала масса бедных и бездомных мусульман. Нам надо организовать широкую помощь»¹.

Понимали ли большевики, что кроме систематического разоблачения классовой сущности дашнакизма необходимо немедленно же начать

¹ С. Шаумян, «Статьи и речи», стр. 156—157.

работу среди тюркского крестьянства, понимали ли они, что без организации союза с тюркским крестьянством они не смогут удержать власти в своих руках? Конечно, понимали! Еще 15 марта 1918 года Бакинский совет Р. С. и М. Д. поручает «Исполнительному комитету озаботиться особенно агитационной и организационной работой среди мусульманского крестьянства Бакинской губ. и во всем Закавказьи, разъяснить им, что бакинский пролетариат считает своими братьями мусульманских рабочих и крестьян и борется за всеобщие идеалы братства всего трудового народа, без различия национальностей»¹.

Джапаридзе, в заседании Совета Р. С. и М. Д. от 8 апреля 1918 г. говорил: «То, что происходит сейчас, не результат разоружения дикого отряда дивизии, в этой схватке решаются судьбы Закавказья: быть ли ему под властью беков и ханов и под протекторатом Турции, или быть свободной частью революционной России. Мы знаем, что если не привлечь на свою сторону крестьян, то наше положение сильно осложнится, так как жить вечно окруженными врагами нельзя. Вся наша прежняя политика сводилась к тому, чтобы выиграть время, необходимое для организации крестьян. Мы знали, что нам придется вступить в схватку с контрреволюционными силами, и готовились к этому»².

«Известия Бакинского совета Р. С. и М. Д.» в этот же период писали: «Голова контрреволюционной гидры может быть раздавлена и всякая опасность исключена лишь тогда, когда вместе с разгромом центров организованной контрреволюции, опирающейся на значительные массы обманутых народных масс, будут организованы и организационно противопоставлены ей трудящиеся массы всех национальностей как внутри, так и вне Баку... Необходимо сказать мусульманской бедноте, дать ей понять, что, борясь против контрреволюционных повстанцев, мы боремся за кровные интересы самой мусульманской бедноты. Нужно показать ей, что власть советов—это ее власть»³.

Кроме развернутой идеологической борьбы с дашнакизмом и стремления разъяснить тюркскому крестьянству истинные задачи революции, большевизм сейчас же после мартовского переворота провел ряд организационных мероприятий. Уже в ультиматуме, предъявленном Комитетом революционной обороны тюркской контрреволюции (см. выше стр. 71) говорилось: «Национальные мусульманские воинские части, *как и армянские* (подчеркнуто мной.—С. С.) должны быть выведены из города или подчинены всецело Совету Раб., Солд. и Матросск. Деп.»

15 апреля 1918 г. ВРК Кавармии вынес постановление о сведении отдельных вооруженных единиц—отрядов красной гвардии, партийных дружин и т. д.—в батальоны Красной армии и объявил мобилизацию рабочих и солдат на два месяца «для защиты советской власти»⁴. От имени К-та

¹ «Известия Бак. совета Р. С. и М. Д.», 1918 г., № 51.

² Там же, 1918 г., № 63.

³ Там же, 1918 г., № 65.

⁴ Архив начальника гарнизона г. Баку, 1918 г. ело не нумеровано.

революционной обороны армянскому национальному совету было предъявлено требование: «В соответствии с предложением (ультиматумом) от 31 марта с. г. Революционный комитет обороны г. Баку и его окрестностей предлагает специальную армянскую национальную часть расформировать и смешать с интернациональными войсками, организуемыми Советами. Формирование новых частей должно быть по правилам, объявленным мобилизационным отделом Красной армии. Армянские национальные части, не выполнившие или уклонившиеся от выполнения требований указанных правил, должны окончательно покинуть Баку и уйти»¹. Одновременно Национальному армянскому совету в ультимативной форме было предложено прекратить «обыски, аресты, наложение налогов, реквизиции».

В связи с предъявленными требованиями 26 апреля состоялось совещание представителей Комитета революционной обороны совместно с представителями Армянского национального совета, на котором решено было: 1) 2-й армянский запасной пехотный полк расформировать, часть его входит в состав батальона Амазаспа, другая часть вливается в формируемые красные советские батальоны. 2) Батальоны Амазаспа реорганизуются, всецело подчиняются советской власти и входят в Красную армию под названием 16 и 17 батальонов Красной армии»². Кроме того Комитет революционной обороны объявил о роспуске Бакинской городской думы, в которой эсеры, меньшевики и дашнаки играли решающую роль, и отдал распоряжение о закрытии газет «Баку»³ и «Наше слово»⁴.

Таким образом, большевики, руководя решающими классовыми боями за власть, сумели использовать вооруженные силы армянской и русской

¹ «Гуммет» от 8 апреля 1918 г. № 39.

² «Бакинский рабочий» от 28 апреля 1918 г. № 77/193.

Нам думается, что эти мероприятия были все же недостаточны:

Во-первых, не был распущен Армянский национальный совет. В своем ультиматуме Комитет революционной обороны предъявил очень скромное требование, чтобы Армянский национальный совет перестал существовать как правительство, чтобы обыски, аресты, наложение налогов, реквизиция и прочие правительственные функции от него были отняты и переданы целиком и полностью советскому правительству. Однако представители Армянского национального совета, приняв этот ультиматум, не сочли себя обязанными прекратить те реквизиции и обыски, о которых говорил ультиматум Комитета революционной обороны и которые они продолжали производить, опираясь на армянские части. В конце концов Армянский национальный совет был распущен, но сделано это было чрезвычайно поздно — 17 июля 1918 года, после того как он ряд месяцев играл роль организующего начала для подготовляющегося антибольшевистского переворота.

Во-вторых, предъявив ультиматум Армянскому национальному совету о расформировании армянских национальных частей, Комитет революционной обороны подписал соглашение, частично сохраняющее некоторые армянские национальные части как самостоятельные боевые единицы. Батальоны Амазаспа, несмотря на то, что они были реорганизованы и вошли в Красную армию под названием 16 и 17 батальонов, продолжали существовать как национальные объединения и в дни, когда опять решался вопрос о власти (июль 1918 г.), оказались использованными нашими врагами.

³ «Баку» — газета армянск. буржуазии кадетского направления.

⁴ «Наше слово» — орган Бак. комитета Р. С. Д. Р. П. (меньшевиков).

национальных группировок, не становясь на путь каких-либо уступок в отношении национальных партий (отдельные тактические ошибки не меняли классового существа политики), ведя развернутую разоблачительную работу по выявлению классовой сущности дашнакизма, стремясь создать себе союзника в лице тюркского крестьянства и тем самым прорвать стену косности, тьмы и бескультурия, которые и дали возможность тюркской контрреволюции использовать крестьянские массы в борьбе с Октябрьской революцией.

Конечно, привлечение дашнакских и правоэсеровских вооруженных сил в дни мартовского переворота было со стороны большевиков компромиссом. Но ведь еще в сентябре 1917 г. в статье «О компромиссах» Ленин писал: «Задача истинно-революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможным отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции»¹. Именно таким компромиссом и был шаг бакинских большевиков в период мартовского переворота.

Наиболее яркий факт, подтверждающий данное положение,—это позиция большевистской организации в период конструирования правительства. Сейчас же после мартовского переворота стал вопрос о создании правительства Бакинской коммуны. Окончательно правительство было сформировано 25 апреля 1918 г. в заседании Совета Р. С и М. Д., на котором и был избран Совет народных комиссаров. Дашнаки и правые эсеры считали, что правительство должно быть сконструировано из представителей всех партий, принимавших участие в борьбе на стороне революции. Предложение большевиков об организации однородного правительства из представителей большевиков и левых эсеров было встречено этими партиями враждебно.

«Знамя труда»² писало: «Как звон погребального колокола прозвучала вчера в Совете принятая резолюция... Вся власть большевикам и «левым» с.-р.... Лозунг «вся власть Совету» заменился лозунгом «вся власть партии большевиков и «левых» с.-р... В правительство должны войти те партии, которые признают власть Совета и поддерживают его. Правительство должно быть однородное, чтобы были единодушные решения, чтобы всякий не тянул в свою сторону. Вот основное положение Шаумяна... очевидно, история так уже творится. Опыт предшественников ничему не учит и нам придется, вероятно, пережить все кошмары, которые видела Россия вследствие особенностей Кавказа в еще более увеличенном масштабе»³.

Подобную же позицию заняла и дашнакская печать.

Оставленная большевиками лазейка о допустимости персонального

¹ Ленин, Сочинения, т. XXI, ст. «О компромиссах», стр. 132.

² «Знамя труда» — орган Бак. комитета партии правых эсеров.

³ «Знамя труда» от 8 апреля 1918 г., № 31/85.

введения в правительство отдельных членов правосоциалистических партий не была реализована. При обсуждении декларации Совнаркома вождь эсеров Сако Саакян прямо говорил: «Если Сухарцев¹ и большевики думают, что они нас запрягут, и таким образом будут осуществлять свои задачи, мы заявляем, что не желаем работать»².

Как же большевики обосновывали необходимость создания однородного по своему составу правительства? «Бакинский рабочий» от 27 апреля так разъяснял эту необходимость: «В резолюции Совета по вопросу о дальнейшей политике ясно говорится, что нужно немедленно провести в жизнь ряд декретов Совета народных комиссаров. Правая часть Совета, как соц.-рев., дашнакцаканы, не говоря уже о пропащем народе-меньшевиках, не признают этой власти. Следовательно, простая логика должна говорить, что декретов ее они за совесть проводить не будут. Во имя творческой дружной работы создание однородного правительства из левого блока является и жизненно необходимым и логически вытекающим из той резолюции Совета, которая была принята на одном из предыдущих заседаний... Бакинские социалисты-революционеры еще не так давно вели самую злобную, самую беспощадную борьбу с Советом народных комиссаров. Закавказская действительность заставила их признать власть Бакинского совета, но они признавали ее не потому, что были ее принципиально последовательными защитниками, а потому, как писала их газета «Знамя труда», что «на стороне Бакинского совета была и моральная поддержка рабочих масс». Если бы эти достоинства Совет не имел, то они подобно меньшевикам были бы в стане врагов совета. Партия дашнакцутюн, как национальная, не могла быть допущена в советское правительство, правительство интернациональное. Жизнь нам властно диктует свои условия. Создание такого однородного правительства из блока большевиков и левых соц.-рев. вполне гарантирует нас в том, что отныне будет вестись действительная политика рабоче-крестьянской революции, политика широких социальных преобразований, в корне изменяющих существующие взаимоотношения между трудящимися и эксплуататорами»³.

Принятая Советом резолюция о создании однородного большевистского правительства показывает, что бакинские большевики усвоили ленинское положение: «Прежде всего значение этого (октябрьского.—С. С.) переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии»⁴.

При выборах Советом Р. С. и М. Д. правительства Бак. коммуны результаты голосования дали следующую картину:

¹ Сухарцев — руководитель Бакинской организации левых эсеров.

² «Бакинский рабочий» 1918 г., № 81.

³ «Бакинский рабочий» 1918 г., № 76.

⁴ Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 4.

Корганов — комис. по военн. и морским делам	76 гол. — 69 возд.
Джапаридзе — комис. внутренних дел	76 » — 75 »
Фиолетов — комис. нар. хоз.	77 » — 72 »
Сухарцев — комис. трансп., почты, телеграфа	82 » — 73 »
Нариманов — комис. призрения и гор. хоз.	75 » — 74 »
Колесников — комис. просвещения	75 » — 70 »
Каринян — комис. юстиции	78 » — 69 »
Киреев — комис. финансов	72 » — 83 »
Шаумян — председ. ком. внешних дел	89 » — 70 » ¹

Как и в предыдущие месяцы, большевики и на этот раз сумели объединить вокруг себя пролетарские элементы Совета, которые вне зависимости от партийной принадлежности голосовали в решающий момент за нашу партию.

Организовавшееся правительство прежде всего сосредоточило внимание масс на необходимости дальнейшей борьбы с контрреволюцией. В декларации, выпущенной Совнаркомом 1 мая, говорилось: «Гражданская война продолжается и сейчас, передовые отряды наших товарищей из Красной гвардии и Красной армии сражаются в Петровске, Шемахе, устанавливают советскую власть в Ленкорани, Кубе, Сальянах и пр. Для окончательного торжества советской власти, для распространения этой власти на все Закавказье... нам необходимо продолжать победоносно начатую гражданскую войну, а для этого, прежде всего, необходимо иметь сильную Красную армию» ².

Вторая задача, которую ставил перед собой Совет народных комиссаров в этой декларации, состояла в издании ряда декретов, передающих землю в руки крестьянства, банков, нефтяной промышленности, железной дороги и морского транспорта в руки рабочего государства.

В заключение декларация призывала рабочие и крестьянские массы требовать от Совета народных комиссаров энергичной и неустанной работы, критики каждого Совета народных комиссаров, осуждения и смещения тех, «кто окажется недостойным и негодным на этом высоком посту... Власть народных комиссаров, так же как и власть Исполнительного комитета и Совета депутатов, есть ваша собственная выборная власть. Недостаток этой власти суть ваши собственные недостатки. Забудьте свои личные, групповые, фирменные и пр. интересы, объедините все усилия во имя общего дела, вокруг общей рабочей власти».

Создание однородного большевистского правительства ликвидировало у руководителей дашнакской и эсеровской организаций всякие иллюзии по вопросу о возможности создания в Баку на условиях коалиции «демократического строя» и заставило их пересмотреть свои позиции в направлении прекращения поддержки советской власти даже в той форме, в какой это имело место в мартовские дни. Непосредственно связанные с армянской и русской капиталистической буржуазией Бакинского района

¹ Левые эсеры получили след. комиссариаты: почты и телеграфа, финансов.

² «Бакинский рабочий» от 1 мая 1918 г., № 79.

руководители этих партий отрицательно реагировали и на объявление об обложении буржуазии контрибуцией.

Захватив власть в свои руки, большевики получили пустую «казну». Для ведения же войны с тюркско-грузинской контрреволюцией нужны были деньги. 6 апреля Комитет революционной обороны постановил обложить «весь торгово-промышленный класс г. Баку и его районов» на 50 миллионов рублей. Была сделана попытка разъяснить представителям буржуазии всю необходимость этой меры и добиться проведения ее в жизнь мирным путем. Исполнительным комитетом Р. С. и М. Д. и К-том рев. обороны для этой цели было созвано 10 апреля совещание бакинских капиталистов. Открывая совещание, Шаумян говорил: «Вы знаете, господа... что положение сейчас слишком серьезное. Бакинскому совету приходится сейчас отражать удары врагов. Советской власти нужны громадные средства для всего этого, их у нас нет. Комитет революционной обороны постановил эти деньги достать путем обложения бакинских капиталистов. Этому собранию мы предлагаем выбрать комиссию, чтобы она равномерно распределила этот налог между всеми промышленниками»¹. Представитель буржуазии (Тиагносов) в ответ на это заявил, что они с советской властью не воевали и потому их контрибуцией облагать нельзя. «Если же это налог, то конечно, как всякая государственная власть, Совет раб. деп. может это сделать, но только нужно сперва выяснить, сколько может внести бакинский торгово-промышленный класс, чтобы промышленность не пострадала». Руководителям советской власти было не до игры в слова, поэтому Шаумян, закрывая совещание, заявил: «Для нас безразлично, какую форму будет иметь это—налога или контрибуции; нам нужно иметь деньги». После этого капиталистам было предложено в пятидневный срок начать взнос контрибуции.

Когда буржуазия увидела, что отказаться от выплаты контрибуции ей не удастся, Комитету революционной обороны от имени обоих союзов нефтепромышленников, торгово-промышленного союза, союза домовладельцев, комитета бакинских банков, союза судовладельцев, о-ва заводчиков и фабрикантов («Зататема»), нефтеперегонных заводчиков, рыбопромышленников, шахтовладельцев и рантье было подано заявление, в котором сообщалось, что «общее собрание представителей вышеуказанных союзов и организаций, обсудив требование Комитета революционной обороны о взносе торгово-промышленным классом города Баку 50 млн. рублей на нужды Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов гор. Баку, единогласно пришло к заключению, что сумма в 50 млн. рублей никоим образом не может быть собрана, так как в переживаемое время означенный класс города Баку фактически внести такую сумму не может. По единогласному общему мнению присутствовавших представителей всех союзов и групп максимальная сумма, которая может быть распределена,— это двадцать пять миллионов рублей и то при условии взыскания ее

¹ «Известия Бак. совета», 1918 г., № 65.

Исполнительным комитетом в два срока равными частями, 12½ млн. рублей в течение апреля месяца и 12½ млн. рублей в течение мая. В процентном отношении подлежащая взысканию сумма должна быть распределена между отдельными группами плательщиков следующим образом: нефтепромышленники—33%, заводчики—3%, торгово-промышленный союз—26%, домовладельцы—10%, судовладельцы—6%, рыбопромышленники—2%, банки—3%, «Зафатема»—½%, шахтовладельцы—½% и рантье—16%»¹.

В ответ на это Комитетом революционной обороны распоряжением от 3 мая был назначен 24-часовой срок для окончательной выплаты всей контрибуции, с указанием, что неисполнение этого последнего предложения будет рассматриваться как неподчинение советской власти, виновные будут подвергнуты шестимесячному заключению в тюрьму, а причитающийся с них налог будет взыскан другими мерами, имеющимися в распоряжении Комитета революционной обороны»². Несмотря на то, что промышленники развили сильную кампанию противодействия выплате наложенной на них контрибуции, Бакинский совнарком сумел и при проведении этого мероприятия проявить классовую твердость, взыскав большую часть контрибуции с промышленной и банковской буржуазии.

Все мероприятия, проведенные большевиками сейчас же после мартовского переворота—ропуск городской думы, закрытие газет, наложение контрибуции, мобилизация рабочих для дальнейшего ведения борьбы с контрреволюцией, реорганизация вооруженных сил и создание Красной армии и, наконец, создание однородного большевистского правительства, опубликовавшего декларацию, в которой подчеркивалась необходимость издания в ближайший период декретов о конфискации помещичьих земель, национализации нефтяной промышленности, банков, морского и сухопутного транспорта,—все эти мероприятия показывали, что компромисс, на который большевикам пришлось идти в мартовские дни, был ленинским компромиссом, что партийная организация Бакинского промышленного района действительно сумела «провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче».

Завоевания мартовского переворота были использованы большевиками для установления диктатуры пролетариата, для того чтобы начать новую эру борьбы за социалистические преобразования и в первую очередь борьбы за ликвидацию частной собственности на нефть, за национализацию нефтяной промышленности.

Все это говорит за то, что мартовские события, несмотря на национальную окраску, которую они носили, были днями подлинно классовых боев за власть, были днями бакинского Октября.

С. Сеф

¹ Центр. архив Азнефти. Арх. Т-ва Нобеля 1918 г., дело № 87.

² Там же.

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РАБОТЫ В ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ

В связи с 25-летней годовщиной «Потемкинского» восстания пора отметить ту роль, которую играла наша партия в деле воспитания, революционизирования и руководства матросскими массами. Нельзя считать, что во флоте было все в порядке, и лишь в результате сваренного на обед борща с червяками на броненосце «Потемкин» и на «Пруте» одновременно поднялось восстание и появился красный революционный флаг.

До сих пор почти совершенно не уделено внимания упорной организационной и агитационно-пропагандистской работе, которая велась среди матросов нашей партии и которая подготовила матросов к революционному взрыву.

Будучи рабочим-формовщиком паровозостроительного завода в Харькове, я принимал участие в работе РСДРП с 1900 года. В 1902 г. перед организацией возник вопрос, идти ли мне и токарю этого завода Прокофию Денисову по призыву на военную службу, или же нам следует перейти на нелегальное положение, уехать из Харькова и работать в подполье профессионалами-революционерами. По настоянию игравших в Харьковской организации видную роль «вечного студента» под кличкой «Александр» и Леонида Борисовича Красина решено было, чтобы мы шли на военную службу и вели там подпольную революционную работу, тем более, что мы были приняты во флот (Денисов—в Аму-дарьинскую флотилию, а я—в Черноморский флот). Это совпадало и с нашим желанием. При отправлении нам было дано твердое задание держать связь с харьковской организацией и обязательно вести революционную работу.

За день до отправки в Севастополь новобранцев мы на сборном воинском пункте в Харькове распространяли среди них прокламации. Я обратил внимание на двух рабочих, также принятых в Черноморский флот—т.т. Фуголя и Кривоконя Ивана, которые заинтересовались полученными от нас прокламациями; я почувствовал, что я не одинок.

С первых дней пребывания в Черноморском флоте я поставил себе задачей организацию харьковского землячества. Тов. Фуголь попал в 32-й экипаж, Кривоконь в 28-й экипаж, а я в учебный отряд. Все экипажи—а к каждому экипажу принадлежало по несколько судов, бронесцев, крейсеров и т. п.—были расположены почти в одном дворе. Оказалось, что в разных экипажах были разных годов призыва харьковцы.

Большинство служивших во флоте были рабочие, которые, попав туда от станка, сразу почувствовали все «прелести» царской службы. Они не могли примириться с своим положением, и накопившаяся среди них злора и недовольство искали своего выхода. Почва для агитации была, таким образом, более чем хорошая.

В такой обстановке и началась наша агитационно-пропагандистская работа. Собираясь с земляками в праздничное время, я узнал, что в том же 1902 г. на Малаховом кургане была арестована группа с.-р., которая сделала попытку связаться с матросами и пыталась вести среди них работу. Узнал я также, что иногда,—правда, очень редко,—во время работы матросов в порту совместно с рабочими кое-кому из матросов попадали прокламации и от портовых рабочих. Все же организации среди матросов не существовало.

25 декабря 1902 г. (на рождество) ко мне приехал из Харькова мой отец и привез некоторое количество прокламаций (тех самых, которые распространялись на призывном пункте в Харькове), брошюр и письмо с паролем и явкой в Крымский союз РСДРП в Симферополе. Работа наша сразу пошла по всем экипажам через харьковское землячество. 1 января 1903 г. я, пользуясь праздником нового года, уехал в Симферополь и связался с Крымским союзом. Товарища, через которого я связался, я не помню, но помню, что это был работник земства—интеллигент. Явочная квартира была у какой-то акушерки. Пароль был: «привет от трех сестер»,—это я твердо помню. Получив от организации немного социал-демократической литературы, я уехал обратно в Севастополь. Наше воодушевление росло. Организационно-пропагандистская работа закипела. Собирались мы в Ушаковой балке, за Малаховым курганом и наверху 2-й туннели. Землячество наше уже распалось, так как к нам вошли матросы из других губерний, часть же земляков по разным причинам совсем от нас отошла. Зато собрался хороший состав активистов, как, например, Сорокин, Зимин, а впоследствии Волошин, Мартыненко. Первый и последний были из учебного отряда, а остальные с разных экипажей.

Остановлюсь на вербовке в нашу организацию Афанасия Матюшенки. Матюшенко как-то полаживался мне, что он из дому не получает писем (как уроженец Харьковской губернии он состоял в нашем землячестве). Я ему рассказал, что харьковский генерал-губернатор князь Голицын произвел порку крестьян, причем в Харьковском уезде пороли даже женщин. Имело это место и там, откуда он сам родом (так как он призван был во флот в 1900 году, то он этого факта не знал). За то, что крестьяне по случаю неурожая не могли уплатить налогов, от них пришли забирать разные пожитки, в том числе последнюю корову и лошаденку; крестьяне не стали давать, и по распоряжению князя Голицына они почти поголовно были выпороты. Одновременно я добавил, что письма к нему он, возможно, не получает потому, что они перехватываются жандармами, заботящимися о том, чтобы матросы не знали, как там царь расправился

с их семьями. Далее я ему рассказал, как в саду Тиволи в Харькове с.-р. стреляли в Голицына. Словом, я ему рассказал все то, что имело место в действительности и о чем я знал, находясь еще в Харькове. Матюшенко до глубины души возмущался теми зверствами, которые проделывались по отношению к крестьянам, и очень сожалел, что генерал-губернатора Голицына не убили.

Все это имело место в феврале 1903 г. в Ушаковой балке, куда я с ним пошел на прогулку и где я ему дал несколько прокламаций РСДРП и брошюру. С этого момента А. Матюшенко принял самое активное участие в нашей организации. Его смелость в отношении агитации и распространения нелегальной литературы доходила до полного несоблюдения осторожности и конспирации. Так, например, когда в том же феврале 1903 г. к нам приехал на своем «Штандарте» Николай, Матюшенко попросил у меня нелегальной литературы и направился с нею на яхту Николая для передачи его «знакомым» землякам (как я узнал впоследствии, у него там не только не было земляков, но и ни одного знакомого матроса). Несмотря на то, что он чуть не попался, он все же несколько прокламаций между матросами, яхты распространил.

В апреле 1903 г. у нас решительно по всем экипажам образовались кружки и был выбран комитет военной организации РСДРП. В комитет этот входили Яхновский И., Зимин и машинист Волошин. Во всех кружках у нас насчитывалось около 30 человек активистов. Больше всего членов состояло в кружке при учебном отряде (11 человек). Вскоре все матросы должны были отправиться в плавание. Я с Сорокиным попал (всего же из нашего кружка попало 7 человек) на крейсер 1-го ранга «Березань», командиром которого был капитан 1-го ранга Голиков. Представляя собой морского зверя, он подобрал себе таких же офицеров.

Мы с собой захватили соответствующей литературы. Особенно сильное впечатление производили на матросов имевшиеся у нас несколько картинок, изображавшие шлюпку, в которой сидят министры; один из них, находясь за бортом, хватается за шлюпку; Николай II сидит с падающей у него с головы короной; шлюпка захлестывается волной бушующего моря; впереди находится другая шлюпка, поднятая на гребень морской волны; в ней гребут рабочие, а у руля сидит Карл Маркс, показывая на восходящее солнце.

Первая попытка массового матросского восстания на «Березани» имела место в начале июля 1903 года. Мы к этому времени вышли из Сухума в море. Убравши утром палубу, команда приступила к чаепитию, но оказалось, что хлеба в Сухуме не взяли и нам дали горькие черные сухари, покрытые плесенью. Прежде это, говорят, сходило довольно часто, но тут среди матросов начался ропот. Яхновский с Сорокиным печатными буквами написали прокламацию приблизительно следующего содержания.

«Как нашего брата кормят.

В тюрьмах и то хлеб дают, а здесь нам дают сухари зацветшие, горькие, которые и собака есть не будет. Недаром на приморском буль-

варе висит объявление, где говорится, что кроме собак там запрещается ходить и матросам. Бьют нас без всякого повода хуже собак и это все за царскую службу.

Комитет РСДРП».

Перед самым обедом эта прокламация уже красовалась недалеко от того места, где баталлер перед обедом раздавал по чарке водки. Команда, подходившая прикладываться к чарке, прочитывала эту прокламацию. Возмущение и гнев накапливались, когда к борщу опять дали гнилые сухари. В это время мимо нас проходил пассажирский пароход добровольного флота «Пушкин», отдавая нам салют флагом. «Березань» отвечал тем же. Но стоило соседнему пароходу поравняться с нами, как с «Березани» раздались крики: «Пушкин! дай хлеба, мы есть хотим». Сначала это были десятки, а затем и сотни голосов. Пассажиры смотрели на нас с недоумением. Голиков с мостика рычал: «Запорю, расстреляю». Матросы кричали: «Братцы, если тронут кого, откроем кингстоны, открыть кингстоны». Голиков спустился вниз. В кают-кампании было какое-то совещание офицеров. Боцманы пустились в разведку, спрашивая: «Это что за комитет такой значит, кто писал это объявление?» Разведка их все же успеха не имела. Они, видимо, не сомневались, что если кого-нибудь тронут, то кингстоны будут открыты. Арестов пока не произвели, но разведка усилилась.

По приезде в Севастополь мы предполагали расправу, так как на берег никого не выпустили, а Голиков на катере уехал к графской пристани. Через некоторое время к нам из города привезли хлеб. «Березань» находилась на рейде, но ночью мы снялись с якоря и ушли в море. За нами пошли «Днестр» и «Прут». Во время этого плавания 1903 г. за непослушание боцману и офицерам Голиковым было отдано под военноморской суд человек десять. Ясно было, что Голиков мстит за встречу с «Пушкиным».

Нелегальной литературы, в частности прокламаций, у нас было мало, но каждая брошюрка и прокламация проходила не меньше чем через 50 человек. Когда осенью 1903 г. суда остановились на стоянку, я уехал в Симферополь на явочную квартиру и виделся и говорил с товарищами из Крымского союза РСДРП. Помню, что они не одобрили нашего действия на «Березани», добавив, что никакой прокламации или воззвания от имени «Комитета РСДРП» мы не имели права подписывать, что это анархизм и т. д. Все же нам из представителей каждого кружка разрешено было образовать нечто вроде комитета.

К концу 1903 года, с приходом молодых матросов, у нас кружки сильно пополнились количественно и качественно. К нам в кружки попадали, например, такие товарищи, которые знакомы были с нелегальной социал-демократической литературой и некоторые из которых принимали активное участие в социал-демократических организациях до мобилизации во флот. Одним из таких был Петров, попавший к нам в учебный отряд, в команду «Прут». Понятно, что часть примкнувших к нам матросов

позднее от нас отошла (например, Фуголь, Кривоконь Иван). Но в 1905 г. они снова принимали активное участие в работе. Некоторые из них даже участвовали в восстании—это нам хорошо известно по судебным процессам. Во всяком случае, начиная с 1902 г. социал-демократическая работа не прерывалась до самого потемкинского восстания. Напротив, как организация, так и агитация наша разворачивались с неимоверной быстротой. Об этом между прочим свидетельствуют документы судебных и полицейских властей.

В 1904 году нами была установлена связь с социал-демократической организацией Севастополя. Происходил обмен литературой. Активное участие в работе среди портовых рабочих принимал молодой рабочий Медведов.

К началу кампании плавания 1904 года уже чувствовалось, что сознательность матросов значительно выросла. Слышались разговоры, что неплохо было бы во время плавания разделаться с драконами (офицерами), восстать, поднять красный флаг и т. п. Я об этих настроениях передал в Крымский союз РСДРП. Мне ответили, что мы с ума сошли, что нас всех расстреляют и все погибнет, что этого делать нельзя. И вообще над нами насмехались, заявляя, что мы, мол, матросы, вообразили, что сами сможем свергнуть самодержавие. Но должен откровенно сказать, что в то время никто из нас над этим не задумывался. Мы видели настроение матросов и мы хотели сразиться с правительством самодержавия, нисколько не заглядывая в последствия боя. Я уехал из Симферополя с самым скверным настроением, досадуя не то на себя за то, что я предложил товарищам из Крымского союза РСДРП какую-то «глупость», не то на них за то, что они меня высмеяли. В тот момент я не мог разобраться, был ли я прав, или нет. Я просто выражал желания и настроения матросских масс.

В 1904 г. за нами, матросами, значительно усилилась слежка как по улицам, так и в экипажах и на судах. В этой слежке участвовали боцманы, фельдфебели, строевые квартирмейстеры и др. Прокламации разбрасывались везде. Виновников же никак не могли найти, несмотря на полное запрещение посещения экипажей посторонними гражданами и же нами матросов.

К 1 мая 1904 года мы по согласованию с севастопольской организацией решили провести демонстрацию, присоединившись к портовым рабочим. Об этом морское командование, видимо, узнало, так как с утра не выпустило ни одного матроса в наряд для работы в порту. В учебном же отряде вечером 30 апреля винтовки с «козел» были забраны под предлогом их проверки. Все ворота были закрыты. Никого не выпускали. А штабс-капитан Шперлинг объявил в учебном отряде, что портовые рабочие сагитированы иностранными шпионами и хотят устроить бунт.

Прокламации о значении 1 мая были у нас распространены, но в недостаточном количестве. Часть матросов, несмотря на запрещение, все же проникла за ворота, через калитку, выходящую на Корабельную сто-

рону. Но демонстрация не состоялась. Состоялся митинг за Ушаковой балкой, где присутствовало человек 20 рабочих и человек 100 матросов. Выступал какой-то товарищ рабочий и матрос Яхновский.

Плавание 1904 года проходило в напряженной обстановке. Матросы отдавались под суд за каждую провинность. Не вычистил кто-нибудь медяшек, замедлил с выполнением распоряжения боцмана или кондуктора—провинившегося немедленно арестовывали и свозили на берег. Офицеры стали ночью заходить в кубрик и смотреть, спят ли матросы. Если кто-либо не спал, его вне очереди ставили на вахту. Усилились побои. Чувствовалось, что что-то стихийно прорвется.

Я был опять на «Березани» с Голиковым. Как только мы вернулись в Севастополь, я сошел на берег, отправился на Корабельную сторону, на явочную квартиру и взял новых прокламаций и брошюр.

На «Березани» было около 500 человек команды. В кружке же нашем к этому времени состояло не более 20 человек. Пришлось посоветоваться с некоторыми из товарищей, стоит ли нам, не сговорившись с матросами других судов (а почти все суда были в море), начинать что-либо, не следует ли пока воздержаться от каких-либо выступлений.

Так как по случаю погрузки угля мы должны были простоять в Севастополе дня 2—3, то я зашел в экипаж узнать насчет писем из дома. Ко мне подошел матрос Попович, который не раз получал от меня всякую нелегалышину. На этот раз он упорно просил познакомить его с не состоящими во флоте товарищами, у которых он мог бы сам получить прокламации. Так как,—объяснял он свою просьбу,—он находится на берегу, а не в плавании, то он мог бы их распространять. Его просьба показалась мне подозрительной, и я дал ему одну лишь брошюрку. Он тут же сказал мне, что по сообщению ротного писаря завтра будет получен приказ о производстве в квартирмейстеры всех окончивших школу и чтобы завтра же я к нему зашел и принес еще кое-что.

Я был в числе окончивших школу. Понятно, что производство приказом представляло для нас интерес главным образом в смысле вхождения в большее доверие к офицерам и возможности таким путем улучшить условия подпольной работы.

Матюшенко был уже квартирмейстером, и за ним слежки не было. Придя на другой день в экипаж, я заметил, что боцман вышел из своей комнаты и стал за колонной, а матрос-стрелок Балабанов стал за другую колонну, прячась, чтобы я его не заметил. Казалось, что они играют в прятки. Заметив, что за мной идет слежка, я повернулся и направился к выходу. За мной следом пошел Попович. Спрашиваю его, в чем дело. Он отвечает: «Ну, это по обыкновению за нами следят». Когда вышли в коридор, он спросил, принес ли я литературы. Я ему отдал несколько экземпляров прокламаций, а сам вышел и уехал на «Березань».

Через час зазвучала дудка боцмана «Березани». Меня вызвали наверх. Выхожу, стоит Голиков, штабс-капитан Шперлинг с конвоем и жандармский офицер. Голиков минут пять молча смотрел на меня, словно

не узнавал меня и, наконец, прорычал: «Так вот кто, оказывается, все это делал». Под усиленным конвоем я был направлен в экипаж, а затем и в военно-морскую тюрьму. Предательство Поповича было в то время в матросской среде исключительным случаем.

Вскоре ко мне в камеру явился адмирал Чухнин. Он молча, не менее внимательно, чем Голиков, рассматривал меня и, наконец, произнес: «С корнем я вырву социализм из флота, раздавлю эту гидру». Но не только раздавить, но и остановить революционное движение им было не по плечу¹.

Наша организация вела также работу в Севастопольской крепости, использовывал для этого земляческие связи.

По окончании плавания 1904 г. все упорнее и упорнее ставился вопрос о том, чтобы не идти на войну, а в случае отправки на нее поднимать восстание. Убедившись в размерах проводимой нами работы, в Крымском союзе РСДРП начали больше интересоваться военно-морской организацией. Чухнин, видимо, тоже стал больше интересоваться нашей работой. Секретным приказом он распорядился, чтобы по окончании работ матросов в порту и после прихода их в экипажи запирались ворота и матросов со двора не выпускали.

3 ноября 1904 г. приказ был выполнен. Дежурным по экипажам, помимо офицера, бывает боцман, в этот день дежурным был как раз Матюшенко. Матросы столпились у ворот и требовали открыть ворота. Офицер, видимо, сдрейфил и не вышел во двор. Кондуктор начал уговаривать матросов разойтись, заявляя, что у него и ключа нет от ворот. Матросы закричали: «Ломай их». Караул из строевых матросов вышел с винтовками, чтобы противодействовать напору на ворота. Завязалась схватка. Дежурный офицер, оказавшийся по ту сторону железных решетчатых ворот, выстрелил из револьвера в матросов. Напором матросов ворота были сломаны. Матюшенко предложил нескольким товарищам из нашей организации побежать за винтовками, доступ к которым он уже открыл. Одновременно он посоветовал арестовать офицеров в флигелях. Винтовки были живо забраны. Бросились в офицерские флигеля, куда скрылся стрелявший дежурный офицер (фамилию его я не могу вспомнить). Во дворе дивизии и около офицерских флигелей открылась беспорядочная стрельба. Офицеры с женами скрылись из флигелей. Матросы ворвались в квартиры, и мебель, пух из подушек и всякая утварь полетели оттуда через окна на улицу. Вызван был Брест-литовский полк и караул строевых матросов с «Память Меркурия». После нескольких залпов с их стороны матросы вынуждены были разбежаться кто куда, так как патронов у них больше не было, и сопротивление было невозможно. Матюшенко вышел с рапортом командирам-усмирителям, донося, что «бунт подавлен и в экипажах дивизии все спокойно». Как дежурный,

¹ Когда я бежал из военноморской тюрьмы и приехал в Женеву, Ленин при моей встрече со мной сказал: «Это у нас первая морская ласточка, за которой надо ожидать еще». Он не ошибся. В 1905 году в Женеве уже были некоторые матросы с «Потемкина».

он вынужден был этот рапорт отдать. Но он их успокоил тогда, когда на самом деле до спокойствия было далеко.

Если не считать событий 8 декабря 1904 г., это была последняя репетиция перед «Потемкинским» восстанием. События же 8 декабря заключались в том, что некоторые матросы отказались ехать на войну с Японией. Затем перед отходом их поезда они, выставив небольшие красные флаги в окнах вагонов, пели революционные песни. Жены же матросов ложились на рельсы перед паровозом, и солдатам с жандармами приходилось поднимать их и отталкивать от поезда.

Бежав из тюрьмы до «Потемкинского» восстания, я в 1905 г. после событий на «Потемкине» встретился в Женеве с Матюшенко. Из его слов я узнал, что «Потемкинское» восстание упорно готовилось нашей военно-морской организацией. Одновременно готовилось восстание всей эскадры Черноморского флота. Это не удалось, потому что совершенно неожиданно ночью по распоряжению знакомого нам Голикова, который был в это время командиром «Потемкина», последний снялся с рейда и ушел в море за несколько дней раньше всей эскадры.

И. Яхновский

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В 1918 году я был заброшен с Дальнего Востока в Западную Сибирь, где мне целый год пришлось жить по чужому паспорту, работая в Змеиногорском союзе кооператоров.

С января по июнь 1919 года мне в качестве кооперативного инструктора приходилось разъезжать по всему Змеиногорскому уезду (ныне Рубцовскому округу) и наблюдать нарастание недовольства и озлобления населения по отношению к власти. Несмотря на то, что этот уезд с точки зрения колчаковских властей был спокоен и благополучен (по сравнению с Барнаульским, Славгородским и Каменским уездами), но и в нем я нигде не встречал сколько-нибудь благожелательного отношения масс к Колчаку. Если здесь еще не было активных революционных выступлений, то колчаковцы не могли вместе с тем рассчитывать и на какую-либо поддержку.

Жуткое, тяжелое время переживала тогда Сибирь. Черная колчаковская реакция была в полном разгаре. Буржуазия и военщина, как сорвавшиеся цепные псы, мстили сибирским рабочим и крестьянам за желание быть хозяевами фабрик и земли и обойтись без капиталистов и помещиков. Непрерывные обыски, аресты и расстрелы по городам, карательные отряды, поголовные порки, массовые насилия женщин по деревням, вот чем ознаменовано владычество Колчака и его высоких покровителей из Лондона, Парижа и т. д., вот что осталось в памяти сибирского населения. Зажиточный в основной своей массе сибирский крестьянин довольно безучастно отнесся к чехо-словацкому перевороту. Но пуля, шомпол и нагайка озверелых белогвардейцев вывели крестьянина из его пассивного состояния и заставили его сравнить господство Колчака с властью советов. Карательные отряды были лучшими агитаторами за советскую власть и число большевиков быстро росло под влиянием порки крестьян и изнасилования женщин.

Красный пожар начался в Славгородском уезде. В июле 1919 г. в Рубцовке впервые прошел слух, что в степных боях Славгородского уезда появились большевики, которые избивали кулаков и попов, разрушали милицию и чинили разные каверзы колчаковской власти. Кто были эти большевики, еще не было известно. Слухи были часто невероятные и нелепые и комментировались в зависимости от социального положения и политических убеждений слушателей в положительном или отрицательном смысле.

В августе положение стало выясняться. Теперь уже говорили определенно о крестьянских восстаниях. Стало известно, что большевики—это восставшие крестьяне, вооруженные самодельными пиками. Но о размерах и районах повстанческого движения сведения были чрезвычайно скудны и противоречивы. Об основательности слухов и серьезности положения можно было судить по действиям властей. Была увеличена милиция и усилена охрана железной дороги, а контрразведка активнее начала бороться с революционными настроениями. По Алтайской железной дороге стали курсировать карательные вагоны с эмблемой смерти и надписью: «С нами бог и атаман Анненков», хватали и сажали в вагоны без разбору по малейшему подозрению, по доносу, по личным счетам. Многие из попавших в эти вагоны не вернулись оттуда и тут же за станцией были зарыты в выкопанные их собственными руками могилы. Карательные отряды уходили в сторону Кольчугинского бора, где между Барнаулом и Славгородом оперировали красные партизанские отряды.

В начале сентября 1919 г. в Рубцовке разнесся слух о наступлении красных. Белые засуетились. Со стороны с. Токаревки показались первые цепи партизан. Белые открыли по ним орудийный огонь, но они шли, как муравьи, наводя на белых ужас своим количеством и видом ошестинившихся пик. После отчаянного боя белые бежали к Семипалатинску. Заняв Рубцовку, красные стали вылавливать скрывшихся белогвардейцев и захватили с собой вооружение, патроны и продовольствие, оставшееся от белых. Партизаны вели себя хорошо: не было ни грабежей, ни насилий.

Я и двое других моих товарищей-инструкторов решили уйти с красными. Пошли к начальнику отряда т. Мамонтову, но добраться к нему не могли. Ему было не до нас. Поймали его помощника т. Захарова. Он отнесся к нам вначале недоверчиво, но все-таки нам его удалось убедить принять нас в отряд. Кроме нас примкнули к отряду еще несколько человек железнодорожников. Через несколько часов мы уже освоились с положением и перезнакомились с своими новыми товарищами. Теперь мы уже знали, что главный штаб отряда т. Мамонтова находится в селе Слоновке, что кроме этого отряда в Каменском уезде действует другой партизанский отряд т. Громова, и что у повстанцев организована и гражданская власть в виде областного исполнительного комитета. Всего в отряде было 3—4 тысячи партизан. Из них большая часть были конные, а меньшинство—пешие. При переброске пехоты на далекие расстояния широко использовались крестьянские подводы.

На другой же день пребывания в отряде мне было поручено отвезти в штаб одного арестованного буржуа. Я попал в центр партизанского движения.

Что собою представлял главный штаб? На этот вопрос вряд ли кто-нибудь мог дать толковый исчерпывающий ответ. Это учреждение не поддавалось короткому определению и не подходило ни под одно из известных нам выражений. Это скорее было что-то вроде дивизионного или армейского комитета с политическими, хозяйственными и судебными функ-

циями, но только не оперативный штаб. По замыслу организаторов, штаб должен был быть военно-революционным органом, обладающим всей полнотой власти, но фактически это было не так. Никакой писанной конституции штаб не имел. Отношения его с начальником отряда т. Мамонтовым были неопределенные и это было самым больным местом в жизни штаба. Но об этом ниже. Штаб был организован по принципу представительства от отдельных партизанских отрядов, сформированных в разных районах, т. е. являлся коллегиальным органом с выборным председателем во главе. Выполнителями постановлений и рабочим аппаратом штаба были его комиссии по снабжению, агитационная, следственная и т. д. Все комиссии были перегружены работой.

Очень большую и важную работу проделала агитационная комиссия, состоявшая преимущественно из рабочих, бежавших сюда из города, сельской интеллигенции и крестьян. Агиткомиссия очень широко развернула свою работу и посылала своих агитаторов не только по району, охваченному восстанием, но и далеко за его пределы, где агитаторы постоянно рисковали попасть в руки колчаковской милиции. В агитационной комиссии постоянно сталкивались большевистское течение и эсеровское. Но перед лицом общей опасности сторонники этих течений находили достаточно широкую общую платформу и работали дружно. Обычно даже не спрашивали друг друга о партийной принадлежности. Раз за революцию и против Колчака, значит наш, свой. Агитационные средства были чрезвычайно ограничены. Типографии у нас не было. Даже пишущих машинок и бумаги было недостаточно. Выезжали поэтому на живой силе, на агитаторах.

Партизанские отряды оперировали и располагались на отдых в богатых и хлебных селах, поэтому вопрос о продовольствии не имел существенного значения. Партизаны состояли целиком на иждивении местного населения. Обычно крестьяне охотно и добровольно кормили партизан. Да это и не было особенно обременительным для зажиточных в своей основной массе крестьян восставшего района, и особенных инцидентов на этой почве не наблюдалось. Объясняется это также и популярностью партизанского движения. Не было ни одного села, не имевшего в партизанских отрядах своих представителей. Конечно, не все крестьяне охотно кормили партизан. Кулаки уже тогда сознавали, что партизаны не их защищают, но открыто протестовать боялись, так как знали, что у партизан разговор короткий. В таких условиях комиссии по снабжению не составляло больших забот прокормить армию, часто менявшую свое месторасположение. Оставалось только снабдить продовольствием постоянно находившийся на одном месте штаб.

Гораздо хуже обстояло дело с обмундированием и снаряжением. За годы империалистической войны и два года революции население обносилось. Русские фабрики и заводы были отрезаны и бездействовали. Ощущался сильный товарный голод, удовлетворить который подвозом товаров с Востока нельзя было по общим экономическим и транспортным условиям. Вопрос об обмундировании партизан стоял поэтому чрезвычайно

остро. В партизанские отряды шли по преимуществу бедняки, у которых и дома-то не во что было одеться, в отрядах же они предъявляли к одежде гораздо большие требования, чем дома. Летом еще кое-как обходились, но с наступлением осени вопрос чрезвычайно осложнялся. Необходимо было одеть партизан, чтобы удержать их от самочинных реквизиций и грабежей. Единственным источником получения теплой одежды была реквизиция ее у зажиточного населения,—мера чрезвычайно опасная, но несмотря на всю нежелательность этой меры, к ней все-таки пришлось прибегать. Многие же села добровольно откликнулись на партизанскую нужду и сами собирали у себя теплую одежду. Большую роль в деле сбора теплой одежды сыграла агитационная кампания, проведенная агиткомиссией и членами штаба. Значительным подспорьем в обмундировании армии послужили товары, конфискованные у торговцев и отбитые у противника во время набегов на ст. Рубцовку, где было захвачено до пяти миллионов аршин хлопчатобумажной мануфактуры. Но много достать таким путем невозможно было, так как товарные запасы у торговцев и кооперации были ограничены. Для пошивки обмундирования были организованы швейные, шубная, сапожная и пимокатная мастерские. Всего таких мастерских насчитывалось около десятка, и на них добровольно работали женщины из наиболее бедных крестьянок.

Еще хуже обстояло дело со снабжением армии огнеприпасами. Основной базой снабжения огнеприпасами были запасы противника, но их не всегда удавалось у него отбить и поэтому приходилось изыскивать другие способы. С этой целью были оборудованы мастерские по перснаряжению стреляных гильз. Порох употреблялся обыкновенный охотничий, черный, но и его недоставало, поэтому пришлось организовать свой «пороховой завод». Производство пистонов наладили быстро и удачно, используя для этого пistoны от стреляных гильз. Гремучую ртуть составляли собственные «химики». Хуже было с пулями. Ввиду отсутствия никеля пули приходилось делать из бабита. Для починки оружия и выработки капсюлей и пороха была приспособлена хорошо оборудованная мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин. Главную роль в оборудовании этих мастерских играли питерские рабочие, которые в 1918 г. уехали из Питера в Сибирь и там в Катковской степи (Рубцовского округа) организовали сельскохозяйственную коммуну «Наш путь», а в 1919 г. вынуждены были перейти к партизанам. Поэтому хотя партизаны и пели «сами набьем мы патроны»..., но всякий мало-мальски знакомый со стрелковым делом поймет, что это были за «патроны».

Следственная комиссия, в которой мне пришлось некоторое время работать, выполняла роль особого отдела ВЧК при армии. Здесь, как и в других комиссиях, работы было более чем достаточно. Больше всего проходило через следственную комиссию дел местных контрреволюционеров, попов, кулаков и спекулянтов. Значительное место в работе комиссии занимали дела о пьянстве и неблагоприятных поступках отдельных партизан и даже членов штаба. Мерой наказания для этой категории лиц

служил арест от нескольких суток до месяца и более. Надо оговориться, что злостных и сознательных преступлений по этой части было очень мало и все «преступления» совершались или «по пьяной лавочке» или по нужде, когда какой-нибудь раздетый партизан «ограбит» у какого-нибудь буржуа пальто или сапоги.

Командиром партизанского отряда был т. Мамонтов, крестьянин с. Кабани. Высокий, худощавый, с открытым лицом, в неизменной кожаной куртке, с револьвером на поясе, т. Мамонтов всегда вспоминается мне беспокоинно ходящим. И действительно он мало сидел. Один из организаторов своего отряда, т. Мамонтов не отличался никакими выдающимися качествами или способностями, за исключением храбрости. Мне пришлось с т. Мамонтовым участвовать во многих боях и быть под орудийным и пулеметным огнем, и я ни разу не замечал в нем ничего похожего на страх или боязнь. Эта не была у него деланная, напускная храбрость или сознательное подавление силой воли чувства страха, настолько это было у него просто, естественно. Он с таким спокойствием ехал на коне в ряд с наступающими цепями под неприятельским огнем, как будто ехал в гости к товарищу. Насколько хорош т. Мамонтов был как начальник небольшого отряда, настолько же он был слаб в качестве командующего большими войсковыми соединениями. Он не охватывал больших боевых операций во всей совокупности и даже в отдельных крупных боях он увлекался личным участием в бою на отдельных участках, теряя руководство боем в целом. Тов. Мамонтов был слабо развит политически и кроме того легко поддавался посторонним влияниям, но в то же время был хорошим товарищем. Он не прочь был поднять свое настроение самогоном, что и служило постоянной причиной разногласий между ним и штабом, где главную роль играли тт. Ивкин, Чеканов и Архипов—люди, совершенно не пьющие. Недоразумения между т. Мамонтовым и штабом приобретали порою чрезвычайно острый характер. Так, например, однажды, т. Мамонтов, ложно информированный и враждебно настроенный против штаба, со своими приближенными партизанами ворвался с револьвером в руке на заседание штаба с целью разогнать его и арестовать некоторых его членов. Очень много труда стоило успокоить его и отговорить от такого дикого поступка. За свою храбрость, простоту и доступность, т. Мамонтов пользовался среди партизан популярностью. В политических вопросах т. Мамонтов разбирался очень слабо и был под большим влиянием т. Романова (Богатырева), который был при т. Мамонтове вроде политического комиссара.

После улаживания конфликта между т. Мамонтовым и штабом последний назначил меня в помощь т. Мамонтову в качестве начальника оперативного штаба. Но создать оперативный штаб как таковой в условиях партизанской войны, при чрезвычайно слабой дисциплине и при небольшом сравнительно войсковом соединении (3—4 тысячи), не было никакого смысла. Кроме того мне необходимо было ориентироваться в новом положении и установить правильные взаимоотношения с т. Мамонтовым и его

приближенными, имевшими на него очень большое влияние. Здесь, в первое время, со стороны своих новых товарищей я увидел чрезвычайно осторожное, если не сказать недоверчивое отношение, но мне удалось установить с т. Мамонтовым хорошие товарищеские отношения.

Выше я уже упоминал о существовании у повстанцев организованной гражданской власти. И действительно, в селах и волостях были организованы советы и исполкомы, а на одном из съездов представителей гражданского населения восставшего района в с. Ленках был организован объединяющий центр—Областной исполнительный комитет советов, или как он назывался «Облаком». Главным организатором гражданской власти и председателем Облакома был т. Голиков П. К., видный работник и участник гражданской войны в Восточной Сибири и Забайкалье.

Облаком проделал большую работу по организации гражданской власти, по снабжению партизанской армии, по устройству госпиталей для больных и раненых партизан и т. д. Мне мало приходилось иметь дела с Облакомом. Я недостаточно хорошо знаком с его организацией и работой и поэтому не могу подробно останавливаться на нем, но сохранившийся у меня черновик письма соблазняет меня сказать несколько слов о взаимоотношениях Облакома с главным командованием в лице т. Мамонтова. Облаком считал себя высшей властью в районе восстания и поэтому стремился подчинить себе и главный партизанский штаб и главное командование. На этой почве между Облакомом и т. Мамонтовым произошло крупное недоразумение.

Конфликт возник при следующих обстоятельствах: при наступлении поляков со стороны гг. Славгорода и Камня Облаком эвакуировался из села Ленки на юг в с. Волчиху. Но как только мы отбили поляков, с юга началось наступление белых на Волчиху со стороны г. Семипалатинска и Облакому опять пришлось эвакуироваться на север. Во время эвакуации Облаком угонял крестьянские подводы, чем затруднял эвакуацию госпиталей с больными и ранеными. Это дошло до сведения партизан и вызвало среди них протесты и жалобы т. Мамонтову. Главным командованием было написано Облакому письмо о недостойном поведении последнего по отношению к больным и раненым. Это письмо задело самолюбие Облакома, и он разразился ответным письмом, характер которого виден из нижеприводимого письма главного командования Облакому.

«Председателю Облакома, т. Голикову.

В ответ на Ваши запросы, доводим до Вашего сведения, что для личных объяснений с Вами, командировается нач. штаба корпуса т. Жигалин. Кроме того даем ответы по пунктам: На № 1036. Командный состав не находит в своем письме от 17/XI ничего неестественного и ненормального, так как отовсюду, с пути следования Облакома к нам поступали сведения и заявления, что Облаком своим передвижением наводит панику и угоняет подводы, предназначенные для эвакуации лазаретов и подвозки фуража на фронт.

Поэтому высший командный состав счел необходимым сделать чле-

нам Облакома предупреждение. Если это сделано в слишком резкой форме, то надо принять во внимание те условия и обстановку, в которых находился командный состав. Что же касается пресловутого слова «Верховного»¹, то это просто досадная описка, так как мы отнюдь не хотим превышать тех полномочий, которые дала нам армия, хотя бы даже в формальных отношениях.

На № 1139. Для нас очень странно и оскорбительно слышать от Вас слова о том, что мы всячески стараемся подорвать авторитет советских организаций².

Мы полагаем, что Вы по этому вопросу не откажете дать фактические данные или—во избежание могущих быть недоразумений—взять свои слова обратно.

Тенденция к захвату власти наблюдается в большей степени у членов ненормально созданного Облакома, чем у командного состава, власть которому дала армия и революция, но отнюдь не Облаком.

Слова отдельных агентов командного состава (т. Булыгина) нельзя ставить в виду и приписывать всему командному составу. И нам кажется странным, почему Облаком до сих пор ничем не реагировал на подобное заявление т. Булыгина.

Вы тысячу раз правы, говоря, что не отдельные личности и усилия создали наше движение.

Опять приходится предложить Вам взять обратно Ваше обвинение командного состава в антисоветской работе и определенно указать, чем мы подрывали идею и институт советских организаций. И Вы не имеете ровно никакого права бросать нам обвинение в антисоветской работе.

Также в высшей степени оскорбителен для нас Ваш вопрос, «признаем ли мы советскую власть?» Этот вопрос ставите Вы перед нами, может быть не менее Вас поработавшими в пользу советской власти.

От работ в контакте с Облакомом командный состав никогда не отказывался. Высший командный состав неоднократно заявлял о признании Облакома, высказывая только сомнения в работоспособности членов данного состава Облакома.

Просим также сообщить нам, было ли письмо за № 1139 писано с ведома пленума Облакома или только по инициативе президиума.

Относительно отчета перед центральной советской властью мы считаем необходимым довести до сведения Облакома, что командный состав в этом отношении в посредничестве Облакома не нуждается и сам сумеет дать отчет в своих действиях.

Судить о нашей способности руководить армией и понимать сущность советской власти и программы предстоящих работ предоставим центральной советской власти.

¹ «Верховного командования», как по ошибке было написано в письме Облакому от 17/XI—19 г.—Я. Ж.

² То есть Облакома.—Я. Ж.

П. С. Ввиду надвигающихся боевых операций, т. Жигалин командирован быть не может».

Подлинник должен был быть подписан главкомом Мамонтовым и нач. штаба корпуса Жигалиным.

Из этого письма видно, что инцидент с подводами был только поводом к конфликту, назревшему давно и возникшему на почве неправильного организационного построения двух центров: гражданского и военного. Формально, высшая власть принадлежала Облакому, военная же сила всецело находилась в руках командования. Лучшей формой власти в таких условиях было бы сосредоточение всей полноты власти в руках Военно-революционного комитета. Организационная структура предопределяла неизбежность конфликта, и он возник. К счастью, последовавшие за этим события не позволили конфликту обостряться далее, и он не имел никаких серьезных последствий. Красная армия насаждала на Колчака, и, чтобы развязать себе руки для борьбы с Красной армией, колчаковское командование бешеным темпом старалось задушить наше повстанческое движение и поэтому спорить о власти Облакому и партизанскому командованию было некогда.

Облаком, учитывая общее тяжелое положение, рассмотрев вышеприведенное письмо Высшего командования, на своем заседании 29/XI 1919 г. вынес следующее постановление:

«Рассмотрев отношение штаба 3-го корпуса от 29/XI 1919 г. за № 185, Областной комитет в пленарном заседании постановил:

1. Ввиду заявления в сношении № 185 о признании «высшим командным составом Областного комитета» и желания командного состава работать в контакте с ним и принимая во внимание, что текущие события не дают возможности тщательно расследовать данный вопрос, считать эту часть ответа удовлетворяющей запрос Областного комитета.

2. Остальную часть сношения № 185 в виде запроса т. Голикову как председателю Облакома, отнести на разрешение съезда или центральной власти.

3. Обязать главнокомандующего работать совместно с военным отделом Облакома, пополненным представителями от частей членами Облакома.

4. Вновь, как неоднократно предлагалось, предложить командному составу от имени всего восстания работать в безусловном контакте с Облакомом».

Тон этого постановления носит компромиссный характер. В нем нет ничего о подчинении высшего командования Облакому и речь идет только о работе в контакте, а остальные острые вопросы откладываются до разрешения их съездом депутатов восточного района или центральной советской властью, т. е. Москвой. Характерно также и то обстоятельство, что Облаком свое письмо с вышеприведенной выпиской из протокола адресовал не главкому Мамонтову, а политическому комиссару действующей армии т. Богатыреву, подчеркивая тем самым свое строго офи-

циальное отношение и ища в т. Богатыреве себе поддержку и сочувствие. На этом и закончился этот печальный инцидент. Вся первая половина декабря прошла в обстановке непрерывных боев. Во второй половине декабря мы соединились с 5-й Красной армией и в связи с ликвидацией Облакома, а потом и самой партизанской армии вопрос о разногласиях уже не поднимался.

Численность отряда т. Мамонтова в момент моего присоединения к нему, т. е. в начале сентября 1919 г., составляла 3—4 тысячи человек. Точного учета людей отряда не велось и состав его был довольно текучий. В организационном отношении отряд состоял из двух полков четырехротного состава, конной команды разведчиков в несколько сот человек. Полки и роты составлялись обыкновенно по территориальному признаку, по районам и селам, где формировались отдельные партизанские отряды, впоследствии соединенные в роты и полки.

Таким же порядком образовался отряд т. Громова, оперировавший в районе реки Кулунды и по своей численности немногим уступавший отряду т. Мамонтова.

Непрерывно прибывающие в отряд группы и отдельные партизаны разыскивали своих товарищей односельцев, самотеком вливались к ним; роты увеличивались, их приходилось разворачивать в батальоны и полки, а полки в дивизии. В то же время восстание охватывало новые районы. Там формировались новые полки, выбирали своих командиров и присоединялись к отряду т. Мамонтова. Самый акт присоединения был чрезвычайно прост и выражался в том, что новый полк брали на учет и давали ему боевое задание. Так стихийно росла и развивалась повстанческая крестьянская Красная армия, с сентября по декабрь превратившаяся из двух отрядов по 3—4 тысячи человек в мощную армию в 40 тысяч бойцов, сведенную в 30 боевых единиц и разные вспомогательные команды, т. е. имевшую определенную боевую организацию.

Необходимо отметить большую роль, которую играли агитаторы из агиткомиссии в деле формирования новых отрядов и полков. Часто непосредственно после сельского собрания избирался командир полка и другие командиры и тут же начиналось формирование полка.

Вначале организация партизанских частей была очень примитивна. Это были группы людей, объединенных общей ненавистью к Колчаку и к старым царским порядкам, людей, сведенных в роты, батальоны, полки и избравших из своей же среды командиров. Никакого хозяйства, никакой канцелярии почти не было. Боец знал только своего товарища командира и не признавал никаких писанных правил, уставов и т. д. Мало было порядка, зато—полное отсутствие бюрократизма и волокиты. Но по мере роста отрядов и объединения их в высшие войсковые соединения организация усложнялась. Явилась необходимость организации различных вспомогательных команд, хозяйственно-снабжениеческих органов, и штабов.

Поворотным моментом в организации партизанской армии было объединение отрядов тт. Мамонтова и Громова, и поэтому я несколько подробно останавлиюсь на обстановке, при которой произошло это объединение. В октябре мы, получив донесение о наступлении польского отряда со стороны г. Славгорода, бросили против него свои главные силы, оставив небольшие заслоны на случай нападения белых со стороны Барнаула и Семипалатинска. Первая встреча с польскими отрядами у нас произошла в с. Леньках Славгородского уезда. Мы ночью напали на бело-поляков, но благодаря скверной погоде (был дождь со снегом), плохому обмундированию и слабой дисциплине в наших частях мы вынуждены были отойти в с. Камышанку, куда также отошел после встречи с другими польскими отрядами и отряд т. Громова. Здесь поздно вечером собрались председатель Облакома т. Голиков и оба главкома—тт. Громов и Мамонтов. Они постановили оба отряда переименовать в дивизии и объединить в корпус; т. Мамонтова решено было назначить главным командующим, а тт. Громова и Захарова—начальниками дивизий. Я был назначен начальником штаба корпуса.

Очень большую роль в деле объединения отрядов сыграл т. Голиков, который помог оформить вполне назревшую потребность в объединении отрядов. Вопрос о вооружении нашей быстро растущей армии был несомненно самым болезненным. Единственным источником получения вооружения было оружие противника, которое необходимо было отбить. Наиболее удачным боем, давшим партизанам пять пулеметов и несколько сот винтовок, был бой в с. Мельниково в августе 1919 г., где был уничтожен отряд егерей, затем бой—в с. Малышев-Лог, в Волчихе, Рубцовке, и Солоновке. Большинство партизан было вооружено пиками самого примитивного устройства, изготовленными местными деревенскими кузнецами. Острый железный наконечник, насаженный на длинную палку, или просто железные вилы с обломанными боковыми рогами составляли главное (по количеству) вооружение партизан. Рогатина, с которой охотники ходили на медведя при царе Алексее Михайловиче, была более совершенным оружием, чем партизанская пика.

Часть партизан была вооружена дробовыми ружьями, берданами и револьверами всевозможных систем. Но основным боевым оружием все-таки была трехлинейная винтовка.

Помощник главкома т. Мамонтова т. Захаров в газете «Сибирь на страже» 6 февраля 1928 г. приводит следующие данные о вооружении Алейского отряда (составлявшего часть отряда Мамонтова), в августе 1919 г.: 800 партизан были вооружены 108 трехлинейными винтовками, 230 берданами и дробовыми ружьями, а остальные—пиками. Примерно такое же соотношение в вооружении нашей армии сохранилось до момента занятия ст. Пospelиха и сдачи 43 и 46 полков в конце ноября, когда мы действительно вооружились.

Более точное представление о численности и вооружении повстанче-

ской армии в декабре 1919 г. дает сохранившийся у меня документ, составленный штабом¹.

Из этого документа видно, что 8 полков численностью в 15 186 человек имели 70 пулеметов, т. е. в среднем почти по 9 пулеметов на полк и 10 287 винтовок, т. е. две винтовки на трех бойцов. Если сюда присоединить еще берданки, дробовые ружья и револьверы, общей сложностью 518 штук, то без всякого огнестрельного оружия, т. е. чистых «пикарей», останется 4 381 человек, или 29% общего числа бойцов этих полков. Это для нас было хорошо. Но по полкам это оружие, в особенности винтовки, было распределено крайне неравномерно. Так, например, если в Змеиногородском полку каждый партизан имел винтовку, то в Бутырском полку одна винтовка приходилась на 4½ человека, а в степном полку—даже одна на 15 человек. В патронах со времени захвата нескольких вагонов их мы уже особенного недостатка не ощущали.

Постоянной мечтой партизан было иметь пушку, но нам никак не удавалось достать ее у белых. Поэтому наши кузнецы неоднократно пытались соорудить собственную пушку из канализационных и водопроводных труб. Конечно из этой затеи ничего не получилось, так как трубы неизменно лопались, чуть ли не при первом выстреле. Одна из таких пушек, привезенная в Москву и поставленная в музей при центральном доме Красной армии, свидетельствует не о том, чем мы побеждали, а говорит о крайней необходимости иметь орудие и о той энергии и изобретательности, на которую толкала наших мастеров ненависть к нашим классовым врагам.

В ноябре мечты партизан осуществились. При захвате Алтайской жел. дор. нам удалось захватить большие трофеи и по сведениям на 13 декабря мы уже располагали 11 орудиями разного калибра и даже тремя бронепоездами.

Вести боевые операции с таким вооружением, какое было у нас до занятия Алтайской жел. дор., было чрезвычайно трудно, и если, несмотря на это, мы все-таки побеждали хорошо дисциплинированных и до зубов вооруженных чехов, поляков и колчаковцев, то это объясняется небывалым подъемом духа и революционным энтузиазмом, охватившим не только нашу армию, но и все трудовое население восставшего района, в то время, как у противника уже началось моральное разложение и не было веры в правоту своего дела. Это лучше всего видно из следующих примеров:

Сразу же после соединения отрядов Громова и Мамонтова мы по стратегическим соображениям отошли из с. Камышанки в с. Сидорское, где и решили принять удар объединенного польского отряда численностью не менее нашего и хорошо вооруженного. С раннего утра поляки повели наступление и несколько раз бросались в атаку, но были отбиты. К вечеру мы собрали всех имеющихся в селе крестьянских лошадей, по-

¹ См. приложение на стр. 113.

садили на них безоружных крестьян и всю эту «конницу», в количестве более тысячи человек, демонстративно отправили в охват правого фланга противника и в то же время усилили деятельность на главном боевом участке. Поляки не могли и не пытались противопоставить нашей «коннице» свою и, видя нашу активность, воспользовались наступившей темнотой и так быстро бросились отступать, что мы не могли их догнать. Провал этой широко задуманной операции, которой руководил начальник колчаковского тыла генерал Матковский, еще более поднял боевое настроение наших партизан и укрепил веру в собственные силы и в победу над контрреволюцией.

Второй пример. В ноябре 1919 г. белые силами двух пехотных полков 43 и 46 полного состава, артиллерии и конного отряда казаков, а всего до 10 000 человек, повели наступление на наш главный пункт—с. Солоновку. Выйдя навстречу противнику, мы ночью неожиданно столкнулись с ним в встречном бою. Белые проявили большую активность и, не дав нам развернуться в боевой порядок, отбросили нас в Солоновку. После такого удара вполне естественно было ожидать упадка настроения у партизан и подъема духа у белых, но в действительности этого не случилось.

В ожесточенном бою, длившемся более двух суток, легко одетые партизаны при 20-градусном морозе почти по суткам сидели в окопах, отбивая атаки противника. Многие обморозились, но ни один партизан самовольно не ушел из окопов. Белые, оставив человек 500 убитыми, ранеными и обмороженными, спешно отступили на ст. Поспелиху. Это была последняя организованная попытка колчаковского командования задушить наше восстание. В дальнейшем инициатива была исключительно в наших руках и нам приходилось только преследовать отступающие части белых в сторону Барнаула и далее на Восток и на юг, в сторону Семипалатинска и Сергиополя.

Несколько слов о связи с Красной армией. До ноября мы никакой связи с наступавшей на Колчака Красной армией не имели и о положении на Уральском фронте знали только по колчаковским газетам, которым мы не верили, да по разным частным слухам, часто раздутым до невероятности. Только после Солоновского боя, в конце ноября, мы, также по слухам, но из достоверных источников, узнали о падении Омска.

В последних числах ноября, некоторые наши товарищи (Ивкин, Богатырев, Голиков) поехали навстречу Красной армии, преследующей Колчака, и в г. Славгороде и ст. Карасук повстречались с частями 26-й дивизии. Там т. Богатырев получил и привез нам письмо уполномоченного Реввоенсовета 5 армии т. Юшкина, а также письмо и приказ Реввоенсовета 5 от 28 ноября, для переотправки этого приказа партизанским отрядам тт. Кравченко и Щетинкина. Одновременно пересылались четыре пуда динамита для разрушения железной дороги, с целью отрезать путь отступления колчаковской армии. Тов. Мамонтов этот приказ через начальника дивизии 6-й Крестьянской т. Архипова в свою очередь

переслал вместе с динамитом т. Рогову, действовавшему со своим отрядом восточнее г. Барнаула, для дальнейшего направления тт. Кравченко и Щетинкину. Связи с последними у нас никакой не было и получили ли они этот приказ и динамит, мне неизвестно. Позднее т. Юшкин сам приехал в штаб т. Мамонтова на ст. Пospelиху. Там же посетили и приветствовали нас от имени Красной армии представители полков 26-й дивизии.

В начале декабря наш штаб переехал в г. Барнаул, куда вскоре прибыл и штаб 26-й дивизии. Здесь мы фактически уже перешли в подчинение командарма 5. Но окончательно наше слияние с Красной армией было оформлено только 26 декабря приказом Реввоенсовета 5 армии № 1117 в г. Омске, куда мы с т. Мамонтовым были вызваны предреввоенсовета 5, т. И. Н. Смирновым.

Необходимо отметить, что в Реввоенсовете 5 мы встретили самое хорошее товарищеское отношение, чего к сожалению нельзя сказать про штабы дивизии и бригад, расположенных в г. Барнауле. Командование последних относилось к нам, как к партизанам, свысока, и при всяком удобном случае подчеркивало и выставляло недостатки партизан. Полупрезрительное отношение и отсутствие чуткого политического подхода к партизанам послужило причиной многих недоразумений и недовольства среди последних. Это настроение многие партизаны понесли с собой в деревню после ликвидации партизанской армии.

Мне хотелось бы остановиться на внутренних причинах крестьянского движения, на движущих силах, поднявших крестьянство пяти лучших хлебобордных уездов и побудивших его организовать почти в центре колчаковской реакции свою советскую власть и сорокатысячную армию.

Каковы же были эти причины? На этот вопрос вполне правильный и ясный ответ дала третья Всесибирская конференция подпольных организаций РКП(б), состоявшаяся в Омске 20—21 марта 1919 г. Резолюция этой конференции отмечает, что сибирское крестьянство под влиянием «тяжелых налогов, хищных контрибуций, мобилизаций, жесточайшего разгула пороков и расстрелов принуждено было перейти на путь революционной борьбы с буржуазной военной диктатурой Колчака». Не случайно здесь особенно сильно подчеркнут «жесточайший разгул пороков и расстрелов», т. е. причина чисто политического характера. И действительно эта причина имела большее значение, чем налоги. От нас, партизан, крестьянство восставшего района материально страдало больше, чем от колчаковских налогов и тем не менее оно ни за что не согласилось бы променять наши советы и свою свободу на колчаковскую милицию и карательные отряды. Мне приходилось слышать от крестьян жалобы на налоги, на отсутствие товаров и твердой денежной валюты, но что это были за жалобы по сравнению с той активной ненавистью, с какой крестьяне рассказывали про произвол колчаковской милиции и в особенности про работу карательных отрядов?

Сибирские крестьяне, в особенности фронтовики, отдававшие ре-

волюционной свободы, ни за что не хотели примириться с мыслью о возвращении старых полицейских порядков и офицерского мордобоя. Основным лозунгом движения было установление советской власти. «Долой Колчака, да здравствует советская власть»—было боевым лозунгом партизан.

Партизаны все хорошо сознавали, что колчаковщина несет с собой господство буржуазии и возврат к старым порядкам; себя они считали большевиками. Правда, большинство партизан не имело ясного представления, что такое большевик, и вкладываемое в это слово понятие было далеко от действительного смысла термина большевик, т. е. коммунист.

Постепенно накапливаясь и проявляясь отдельными неорганизованными вспышками, революционное нарастание крестьянских масс требовало идеологического оформления и практической организованности. Необходимо было вмешательство силы, которая бы оформила и организовала готовую к борьбе крестьянскую массу и дала бы ей определенное направление. Такой организующей силой был пролетариат, который в лице руководителей гражданской и военной власти сумел поднять крестьянскую массу против черной реакции.

Во главе гражданской власти Облакома стоял т. Голиков П. К., член ВКП(б), видный работник и главный руководитель Облакома. Кроме него в Облакоме было еще много работников, пришедших из города. В частности с ним же работали его жена Клавдия и сестра Мария Голиковы.

Руководителями главного штаба были: т. Архипов, сельский учитель, не местного происхождения, т. Ивкин Г., рабочий, член ВКП(б), т. Чеканов, местный кузнец, быв. рабочий Иваново-Вознесенской губернии. Эти три работника были основными в главном штабе до момента его ликвидации. Кроме них там были еще рабочие и служащие, выходцы из города. Крестьянская часть штаба играла в нем очень незначительную роль и не выдвинула ни одного крупного работника. В аппарате главного штаба, в частности в агитационной комиссии было также много пришедшего элемента с пролетарской психологией.

В высшем командном составе соотношение было в пользу крестьян, (по крайней мере количественно). Главком Мамонтов и его помощники Громов и Захаров были из местных крестьян. Но политический комиссар, т. Богатырев был служащий из Питера, а начальник штаба Главкома т. Жигалин—бывший сельский учитель, участник большевистского переворота в Чите и организатор партизанского движения в Забайкалье в 1918 г. Мы имели большое влияние на Мамонтова. Кроме того в восстании принимали участие многие другие рабочие и служащие, пришедшие из города. Бродильным ферментом, дрожжами, на которых взошло и поднялось партизанское тесто, были рабочие и другие выходцы из города с пролетарской психологией.

Следует еще остановиться на роли партии в руководстве партизанским движением. После чехо-словацкого переворота партийные организации были разогнаны и ушли в подполье. Но партийная работа по собиранию

и организации сил для борьбы с контрреволюцией тем не менее продолжалась. На революционное настроение крестьянства партия возлагала большие надежды. Это видно из резолюции III Всесибирской партийной конференции в марте 1919 г., в которой говорится, что крестьянство «принуждено было перейти на путь революционной борьбы с буржуазной военной диктатурой Колчака и стало крупным военным фактором при свержении гнета буржуазии». Конференция вполне правильно поставила вопрос о роли крестьянства в свержении Колчака и указала, что «пролетариат должен организовать его (крестьянство) для установления советской власти в Сибири, для включения ее в ряды международной революции». Опыт западносибирского партизанского движения вполне доказал правильность установки партии на организацию крестьянства для борьбы с реакцией.

Влияние партии проводилось через членов РКП(б), но систематического руководства партизанским движением со стороны партийных организаций не было. Связь с ближайшей Барнаульской партийной организацией была недостаточна. Непосредственной помощи от городских партийных организаций мы не получали. Не получали не только директив и указаний, но даже правильной и своевременной информации о положении на фронте и т. д., тем не менее массы шли за партией и ряд выдвинутых партизанским движением организаторов и руководителей, будучи беспартийными, вели работу в соответствии с линией партии.

Я. Жигалин

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткие сведения

о положении частей повстанческой крестьянской Красной армии Западной Сибири, их численности, вооружении и боевых задачах к 13 декабря 1919 года.

На 13-е декабря по последним сведениям от полков за расформированием 2-го корпуса товарища *Громова* в нашей армии осталось:

Наименование полков	Людей	О р у ж и я							
	По списку	Пулеметов	Винтовок	Берданок	Дробов.	Револ.	Бомб и гранат	Шашек	
1-й Алтайский полк	2 000	8	1 000	—	—	—	—	—	
2-й Славгородский	2 500	12	2 000	42	—	38	23	39	
3-й Бутырский	1 356	8	300	13	—	13	12	—	
4-й Семипалатинский	2 471	10	2 000	59	10	59	54	10	
5-й Степной	1 359	2	87	34	80	76	—	—	
7-й Красных орлов	1 500	8	1 000	46	6	42	—	32	
10-й Звенигородский	3 000	10—15	3 000	—	—	—	—	—	
11-й Северный	1 000	10	800	—	—	—	—	—	
С в е д е н и я н е т									
15-й Горных стрелков	—	—	—	—	—	—	—	—	
16-й Семипалатинский (пех.)	—	—	—	—	—	—	—	—	
17-й Семипалатинский »	—	—	—	—	—	—	—	—	
21-й Алейский	—	—	—	—	—	—	—	—	
22-й Чарышский	—	—	—	—	—	—	—	—	
23-й Приобский	—	—	—	—	—	—	—	—	
24-й Рабоче-крестьянский	—	—	—	—	—	—	—	—	
1-й Алтайский жел.-дор. батальон в составе до	500	—	—	—	—	—	—	—	
Железнодорожных служащих и рабочих	—	—	—	—	—	—	—	—	
1-й Инженерный дивизион	200	—	—	—	—	—	—	—	
Команда телефонной связи	30	—	—	—	—	—	—	—	
Музыкантская команда	20	—	—	—	—	—	—	—	

1-я Алтайская батарея—1 орудие с прислугой.

2-я Семипалатинская батарея в составе 3 трехдюймовых пушек, 3 гаубиц, бронепоезда «Сокол товарища *Мамонтова*» при 1 орудии трехдюймовом, 1-м 4 $\frac{1}{2}$ -дюймовом и 11 пулеметах.

Бронепоезд «Степняк-пахарь»—2 траншейных 1 $\frac{1}{2}$ -дюймовых орудий с пулеметами.

Бронепоезд «Туркестан»; вооружение неизвестно.

Всего 15 полков численностью около 25 000 человек при 16—17 тысячах винтовок, более 100 пулеметов, 11 орудий разного калибра с достаточным количеством патронов к ним и 3 бронепоезда.

Расположение частей таково:

1-я дивизия в составе 1, 2, 3 и 7-го полков с одним полевым орудием и двумя бронепоездами «Степняком» и «Соколом» оперирует в Барнаульском районе; 1-й Алтайский полк — в районе ст. Баюново, задача занять Жилино, Новая, Чесноковка; 7-й полк в с. Белоярском, задача — занять с. Пиканское и Инюшево; 3-й полк в селе Токарях 2-й полк: 3 батальона в г. Барнауле, 1 батальон охраняет линию Алтайской железной дороги. Кавалерия этого полка и обоз движется к Барнаулу и прибудет 15/XII.

Общая задача 1-й дивизии — движение на северо-восток в сторону города Мариинска.

2 дивизии в составе 4, 5, 10, 11, 15, 16 и 17 полков при 6 орудиях и 1 бронепоезде — «Туркестан» — оперирует в районе г. Семипалатинска. Из них 10-му полку с двумя орудиями дано приказание двигаться в Барнаул. Общая задача 2-й дивизии — очищение Змеиногородского уезда и ликвидация Семиреченского фронта.

6-я дивизия в составе: 21, 22, 23 и 24 полков оперирует в районе Усть-Чарышской пристани вверх по реке Чарышу по казачьим станицам и вверх по реке Оби по направлению Бийска.

Начдиву 6-й тов. *Архипову* была дана задача с одним из полков связаться с т. *Роговым* и идти на соединение с тт. *Кравченко* и *Щетинкиным*, но по разным причинам эта задача до сих пор не выполнена.

Вот общее положение и задачи повстанческой крестьянской Красной армии Западной Сибири.

Сведения о численности и вооружении полков далеко не точны ввиду плохой связи, постоянных боев и непрерывного роста численности и вооружения полков.

Начальник штаба *Жигалин*
Старший адъютант *Малышев*

МАТЕРИАЛЫ

ПРОТОКОЛЫ ТРЕТЬЕЙ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП (б) 1917 года

(Окончание *)

Доклад с мест [продолжение]

[Тов. Купцов] Глухово — 13 000 рабочих. Условия деятельности проходят **..... Чувствуется недостаточность работников. Были хорошо направлены силы перед Учр[едительным] собран[ием], [перед выборами городской] думы. Большевиков [в районе] нет. В Сов[ете] — элемент, сочувств[ующий] больш[евикам]. Если [партийная] орг[анизация] хочет провести что-нибудь, — можно [всегда] через Совет, даже в конфликт[ах] с фабрик[антами]. Орг[анизация], ск[олько раз] ни реорганизов[алась], главным образом не устраив[ала] никаких шагов по отнош[ению] выступлен[ий]. Когда корн[иловщина] показала, что нужно сплоч[ение] хотели орган[изовать] красн[ую] гвардию, но она не была орган[изована]. При [свержении] Кер[енского] был создан воен[но]-рев[олюционный] к[омитет], хотя беспорядков не было. Фабрика с трудом обслуживала свой район. За последнее время, сейчас есть красн[ая] гвардия. Работа тормозится прод[ольственной] разрухой; выдавали [хлеб] даже по $\frac{1}{8}$ ф[унта] [в день], потом $\frac{1}{4}$ ф. [в день]. Прод[ольственная] разруха скверно отзывается на сознании масс; некот[орые] даже говорят о маленьком царьке, но [лишь бы было] побольше хлеба.

Подольск. Подольск [имеет] 25 000 всех раб[очих], орган[изовано] раб[очих] у партии ок[оло] 500 человек. Пос[ле] Февр[альской] рев[олюции] Советы были больш[евистские]. Красная гвардия хорошо [организована]. 300 человек [красногвардейцев] было послано в Москву. С крест[ьянским] сов[етом] дела налаж[ены], кот[орые] *** больш[евистские]. [При выборах] в Учр[едительное] [собрание] место 1 [имели] большевики. Член[ы] партии ездили по всем волостям и агитировали. Имеется [печатный] орган, кот[орый] выходит еженедельно; имеется 2 клуба, устраив[аются] спектакли; театральное помещение реквизи[ровано]. Во время перехода власти все шло гладко, п[отому] ч[то] ко II [Октябрьской] рево-

* См № 10 (105) «Пролетарской революции».

** Пропуск в подлиннике протокола.

*** В подлиннике *которые* вместо *они*.

люции все было подготовлено. Был реакцион[ный] [Уездный] комис[сар], но он был немедленно арестован. Некот[орые] милиц[ионеры] были тоже арестованы. В Подольске была двойная работа, — [на месте и] чтобы помочь в Москве были боевые дружины, в кот[орые] записались и не большевики. В партии правых течений нет. В партии есть тягот[ение] к анархич[ности]. Контроль над производ[ством] и декрет о земле были осуш[ествлены] тут же. Экономич[еские] советы [пред]принимали все админис[тративные] работы. [В вопросе] о земле сделали много рабочие, кот[орые] ездили [по деревням] и [про]делали опись земли помещ[иков]. Зем[ельный] к[омитет] стоит на должной высоте и подвергался нападкам [правительства] Керенск[ого]. Экономич[еские] советы поставили задачи контроля над произв[одством]. Без разрешения этих сов[етов] ничего не делается. Вопрос о безработице, конечно, серьез[ен], п[отому] ч[то] на заводе Земгор[а]²³, Зингер[а] трудно перейти на мирную работу, и Сов[ет] разрешил, что приостановки работ не будет.

Ковалев. (Щелковск[ая] мануфактура)). Приходится много работать, п[отому] ч[то] есть нерешит[ельные] работники. Агитацион[ная] работа большев[истская], но она не очень активна. Контроль можно будет наладить.

Люберцы. Рабочих 2000. В партии 500 человек. Левых с.-р. 200 — 300. Был сорганиз[ован] воен[но]-рев[олюционный] к[омите]т. [Во время Октябрьского переворота] заняли почту и т. д. Красн[ая] гвардия была орган[изована], но не было оружия; вскоре получили 300 винтовок; 125 ч[еловек] участвовали в боях. Клуб имеется у большевиков, но этим с.-р. очень недовольны. Главная задача — орг[анизовать] местный сов[ет], но не удастся за отсут[ствием] работников, п[отому] ч[то] многие уехали. [Организован] штаб красн[ой] гвардии: из [нашей] фабрики 3 чел., из Перова и из Раменского, но теперь [начал работу] штаб красн[ой] гвардии, кот[орый] хлопочет о вооружении рабочих и хочет даже достать пулеметы. Организована контрольная комисс[ия], но хотят войти сначала [в контакт] со служащими, но сначала они [служащие] не хотели [итти вместе с рабочими], [а когда] они увидели, что в случае закрытия завода и они будут тоже выгнаны, то они согласились.

Орехово-Зуево. Борисов. [В партийной организации] 1 200 ч[еловек], Всего в районе 60 000 ч. [рабочих]. Район принимает большое участие в парт[ийной] орг[анизации]. Больш[евиков] из гор[одской] думы * 56 из 70 [гласных] прошло, то же замечается [при выборах] в Учр[едительное] собр[ание], [несмотря на] отсутствие [многих] раб[очих] из-за распыленности. Орг[анизация] завалена агитацион[ной] работой. Все пустующ[ие] помещ[ения] были орган[изованы] **, — для партийн[ого] клуба [и других целей]. С.-р. орг[анизации] нет; только [при выборах] в Учр[едительное] собр[ание] они немного себя выявили. Гор[одская] дума работает вместе с орг[анизацией], призн[ала] декрет [о] конф[искации] земли. Контроль прово-

* Ошибочно написано вместо в городскую думу.

** В подлиннике ошибка; следует читать — реквизируются.

дится. В[оенно]-р[еволюционный] к[омитет] был [организован] до [Октябрьской] рев[олюции]; он запретил выезд[ать] некот[орым] лицам [из города]. Красн[ая] гвард[ия] была сост[авлена] и послана с оружием из Покрова в Москву, кот[орые] хотят и теперь поехать на Дон, но нет никаких деректив*.

Вичуга. Орг[анизованных] [в профсоюзы] рабочих — 25 000 ч. Работников [для партийной работы] нехватает, раб[отники] заняты другой работой. Всех членов [партии] около 70. Выборы в Учр[едительное] собр[ание] подав[ляющее] боль[шинство], около 2 000 г[олосов] [дали большевикам], к[а]д[етам] — 300. Имеется клуб служ[ащих]; [в нем преобладают] к[а]д[еты]. С[оциалисты]-р[еволюционеры] орг[анизованные] есть. М[еншеви]ков нет. Контроль проводится трудно, т[ак] к[ак] нет работнико[в]. Красн[ая] гвардия не организована, нет оружия. Запись [в нее] ведется.

Родники. Рабоч[их] — ок[оло] 10 000 [человек]. Членов [партии] — до 200 ч. Кроме организации есть ячейки [на предприятиях]. Орг[анизация] была до рев[олюции]. [При выборах] в [городскую] думу был составлен [партийный] список [гласных]. Солдаты выдвинули к[омитет], кот[орый] работает вместе с Советом. Других орг[анизаций] нет. С[оциалистов]-р[еволюционе]ров — нет. Лидеры с[оциалистов-революционе]ров разъехались. Опред[еленной] партийной работы нет. [Партийные работники] заняты другой [работой]. Экономич[ескую] работу ведет профес[сиональная] орг[анизация] и ф[абрично]-зав[одские] к[омитет]ы. Контроль проводится. Распред[еление] [продуктов] будет прои[зводиться] через кооперативы. Это пост[ановление] было проведено на [собрании] вол[остного] земства. Контроль — в процессе строительства. Большинство в вол[остном] земстве — большинство б[ольшевико]в. В районе [идет работа] по внешк[ольному] образованию, [организован] библиот[ечный] совет. Эти орг[анизации] использ[овываются] в наших целях, в целях пропаганд[истских]. Сущ[ествует] район[ное] совещ[ание], кот[орое] ведет самост[оятельную] работу. Красная гвардия имеется. Партия хорошо орг[анизована] и стоит на точке зрения Областного бюро. Есть рабочие, кот[орые] работ[ают] на земле. Прод[овольственный] вопрос стоит остро; поэтому доверие [к] партии падает, и [рабочие] выбрали комиссию для самостоятельной закупки хлеба.

Кострома. Фабр[ично]-зав[одские] к[омитет]ы с перв[ых] месяцев проводили в жизнь демокр[атизацию] произв[одства]. Они вмешивались во внутр[еннюю] жизнь фабрики. Некоторые ф[абрики] меняют [свою продукцию] на продовольствие организов[анно]. [В партийной организации] замеч[ается] крайне-левое [течение]. Интел[лигентных] сил мало. При интенсивности интел[лигентных] сил можно было сделать гораздо больше.

Середа. Членов [партийной организации] — 100 ч[еловек]. В июле было более 200, но многие выбыли из-за забастовки. На последн[ем] собран[ии] вынесли пост[ановление] об исключ[ении] тех, кто не платил [членских]

* В подлиннике ошибочно вместо — директив.

взносов] 3—4 м[есяца]. Выписыв[аются] газеты: «Правда», «Окоп[ная] Пр[авда]», «С[оциал]-д[емократ]», «Северный раб[очий]» — по 50 экз[емпляров]. Есть группа с[оциалистов-революционе]ров из 30 ч[еловек], была [она] раньше больше. [В] Сов[ете] раб[очих] [депутатов] 54 ч[еловека], из них 10 б[ольшевик]ов, остальные — сочувств[ующие нам]. През[идиум] [Совета] из 3-х б[ольшевик]ов. Проф[ессиональных] союз[ов] 3: текстильщ[иков], мет[аллистов], служащих.

Середа руководствуется постан[овлениями] Обл[астного] бюро и Ив[аново]-кинеш[емского] района. Членов кооп[ерации] 2000. Красн[ая] гвардия — 60 ч. вооружен[ных]; есть еще 100, но не вооруженн[ых]. Есть [в отряде] организ[атор], инструктор. Эта красн[ая] гвардия нахо-д[ится] в руках партии. Работников в партии очень мало.

Кинешемский район. Имеется свыше 1300 ч[еловек] [в партийной организации]. Интел[лигентных] сил мало. Вся организ[ация] района лежит на Сов[ете] раб[очих] деп[утатов]; есть военная секция, кот[орая] помогает Сов[ету] раб[очих] деп[утатов]. Авторит[етом] пользовался Сов[ет].

Жиздра Калужск[ой] губ.

Жиздра [с уездом] $\frac{1}{4}$ часть Кал[ужской] губ. [Партийная] орг[аниза-ция] не велика, но она раб[отает] интенсивно. Советы объединены. Большевиков, кроме [членов] Совета, нет, но есть орга[низованные] пар-тийные] ячейки [на заводах]. [Есть] прав[ые] больш[евики]; поднят воп-рос об их исключении. 80% голосовало за больш[евиков] в учр[едительное] собран[ие]. Если Учр[едительное] собран[ие] будет опираться не на Советы, то его [надо] разогнать; таково было распор[яжение] комисс[ии] [Совета]. Сместили уездн[ого] комис[сара], назначили своего. Красн[ой] гвардии — ок[оло] 200 ч., почти [вся] из солдат. Есть обложение для Сов[ета] — 1%, и домовлад[ельцы] обложены. Работников мало. В городск[ое] самоупр[ав-ление] 11 [кандидатов в гласные], выст[авленные] Советом, прошли, а остальные 16 [гласных] соедин[ились] вместе и провели своего городск[ого] голову. [После этого] хотели разогнать [городскую управу], но некем было заменить [городского голову], и взяли его под контроль.

Тверь. Рабочих — около 60 000 ч., не считая район[ов] губернии, — в Вышнем-Вол[очке], Кимрах и т. д. Они сущ[ествуют] самостоятельно. Влияние нашей партии сильно усилилось, и [про влияние с]оциалистов-революционе]ров, м[еньшевик]ов и [говорить] не приходится. Сов[ет] состо-ит из б[ольшевик]ов, имеется 10 лев[ых] с[оциалистов-революционе]ров кот[орые] идут всецело с нами. Самоуправл[ение] принадл[ежит] не нам. [Там] — к[а]д[етское] большинство, и нет нашего абсол[ютного] больш[ин-ства]. Вопрос о разгон[е] городского [самоуправления] был постановлен*, и на-днях будут перевыборы. Земства распускаются тоже. Зем[ельный] к[омите]т большев[истский]. Крест[ьянский] сов[ет] большев[истский], и [теперь] имеется один общий Совет [рабочих, солдатских и крестьянских депутатов]. В обл[асти] раб[очего] контроля приняты меры. Экон[омичес-

* В подлиннике ошибка: следует — поставлен.

ким] отдел[ом] Сов[ета] взят[о] под учет производство, и рассм[атрива-
ется] [вопрос] о переходе на мирную работу. Непосредственно Сов[ет]
[до переворота] ничего не предпринимал [по] вопрос[у] о земле. Кре-
ст[ьяне] до Окт[ября] разрешали вопрос [о] земле [самостоятельно]. В
больш[ей] части губернии декрет [о земле] проведен в жизнь. Зем[ельные]
к[омите]ты будут переизбраны. Красн[ая] гвардия есть, но не очень хо-
рошо вооружена, п[отому] ч[то] оружие скверное. По вопросу о разгоне
думы фр[акция] лев[ых] с[оциалистов-революционе]ров приводила сообра-
ж[ение], что роспуск [ее] не целесообр[азен] из-за отсутствия интел[ли-
гентных] сил. Работников нехватит и для организации школы. В [самой]
Твери дело обстоит хорошо. В Кимрах Сов[ет] раб[очих] деп[утатов]
большев[истский]; Сов[ет] крест[ьянских] деп[утатов] не был распущен;
он [Совет рабочих депутатов] выбрал новый Сов[ет] [крестьянских депу-
татов], а старый ушел. Гарнизон — около 4 000 человек; [они были почти
все] б[ольшевик]и и во время 1 [Февральской] рев[олюции]. В Учр[еди-
тельное] собран[ие] [прошли] 6 б[ольшевик]ов, 3 с.-р. Некот[орые] пред-
приятия в Твери были б[ольшевистс]кие; на некот[орых] ф[абриках,
напр[имер] Морозова (15 000 ч.), до корнил[овщины] было незначительное
[число сторонников большевиков]; после кор[ниловщины] перешли на
сторону б[ольшевик]ов [и эти фабрики]. Выборы в гор[одскую] думу
происходили в августе, в зем[ельный] к[омите]т — до корнил[овщины] и
до июльских дней. Надеемся, что в зем[ельный] к[омите]т никто не прой-
дет, кроме б[ольшевик]ов.

Вышний-Волочек. Солд[ат] было 3 000 ч. Крест[ьянской] сов[ет] —
[в руках] правых с.-р.; Сов[ет] бездействует; на [второй] Всеросс[ийский]
съезд [советов] были избр[аны] лев[ые] с.-р. Красная гвард[ия] [органи-
зовалась] в ноябре. Гор[одская] дума не переизбир[алась], выборы [в нее]
происх[одили] в июльск[ие] дни, [гласных] большев[иков] мало так же,
как в земстве. Переворот [здесь произошел] в первые же дни рев[олю-
ции] в центре. В ноябре сменили власти. [Проведены] аресты среди офи-
ц[еров], кот[орые] были в уд[арном] бат[алионе]. Уд[арный] бат[алион]
не удалось отпр[авить] в Москву, благодаря стараниям в[оенно]-рев[олю-
ционного] к[омите]та. Отнош[ение] к Учр[едительному] с[обранию] отри-
цат[ельное] среди рабочих, кот[орые] не принимали участия в demonstra-
ции учеников р[еального] учил[ища]. Организац[ия] не имеет правого
крыла. [Проводится] обложение кинемат[ографов] и театр[ов].

Новоторжская организация. [Вначале чувствовалось] преобладание
с.-р. организации. В июле организов[алась] больш[евистская] партия; [наши
предст[авители] вошли в ком[итет] в корнил[овские] дни. При перевыбо-
рах Сов[етов] большев[ики] получили большинство. [Мы забрали у с.-р.]
печатн[ый] орган «Единение». [Пошла] борьба с правыми с.-р. в печати.
В уезде преобладали с.-р. агитаторы. В деревне по выб[орам] в Учр[еди-
тельное] собр[ание] [прошло] большинство большев[иков]. Советы раб[о-
тают] слабо, за исключ[ением] Сов[ета] солд[атских] депут[атов], на ко-
т[ором] лежит вся работа, В[оенно]-рев. комитет, в кот[орый] вошли пред-

став[ители] различн[ых] организ[аций], [имеет] недостаток работников. [Предпринимаются] меры в[оенно]-рев[олюционного] к[омите]та для борьбы с беспорядочным захватом имений. [Проводится] организация конфискации помещ[ичьих] земель, организа[ция] боевых дружин. [В организации] 190 членов партии. Гарнизон [в] 4 тыс[ячи] идет за большевиками.

[Тов.] *Большун. Кимры.* Мало рабочих. Парт[ийная] организа[ция] [создалась] с перв[ых] дней революции. Трудность работы. С.-р. правого течения, действуют с кадетским элементом. Проф[ессиональные] союзы — большевистск[ие]. Выб[оры] в гор[одскую] упр[аву] * дали большинство с.-р., за которых голосовали богатые крестьяне. Принято постанов[ление] разогнать ее, в случае контррев[олюционных] действий. Выб[оры] в Учр[едительное] собр[ание] дали первое место к[а]д[етам], 2-е — большев[икам] Членов партии — около 120.

Савеловский гарнизон. Преследования [большевиков] со стороны [местного] населения, доходивш[ие] до вооруж[енных] столкновений. Помощь [солдат гарнизона] кимрск[им] рабочим. Погромные выступления. Обыски и друг[ие] меры против погромов. Культурная деятельность. Связь с деревней **.

Кувшиновская фабрика. [Партийная группа] организ[овалась] в первые дни июля. Упадок после июльских дней. В конце августа группа возобновила свое существов[ание]. Большинство раб[очих] — полупролетарии, чем объясняет[ся] неуспех организации. Крупная организа[ция] с.-р. Анархич[еское] настроение среди крестьян. Правые с.-р. в Совете. Организуется красная гвардия. Осуществл[яется] контроль над произв[одством]. [При выборах в Учредительное собрание] голосов[ало] за больш[евиков] около 50%.

[Поступило] предло[жение] ограничить коли[чество] докладчиков [с мест].

Предложение о предоставлении [слова для доклада и сообщений] воронежцам. [Голосовало] 19 — за, большинство — против ***.

Врачев. (Воронеж). Парт[ийная] работа прекратилась ввиду предстоящей борьбы с Доном. Военная организ[ация] [имеет] 264 чл[ена], но чл[енов] фильтров[анных]. [Партийный] орган — «Путь жиз[ни]», тепе[рь] — Вор[онежская] правда». [Издается газета] — «Изв[естия] С. Р. Д.». В деревне налажив[ается] работа кр[асной] гв[ардии] среди крестьян. Захват власти [совершился] после воор[уженного] столкновения. [Имелась] изоляция от центра.

* Ошибочно написано в управу вместо думу.

** В другом варианте подлинника протоколов сообщение о Савеловском гарнизоне приводится в следующем виде: «Там [среди местного населения] есть сапожники — кр[естьяне], нажившие за время войны большие барыши. Солдаты разогнали прав[ые] исполнит[ельные] к[омите]ты [советов] во вр[емя] [Октябрьского] перевор[ота]. Сапожников подкупила буржуаз[ия], и они производи[ли] хулиганск[ие] поступки».

*** В другом варианте подлинника протоколов по голосованию предложений о докладах с мест сказано следующее: «Ограничивают доклады с мест — по одному от губ[ернии]».

[Было] внесено предлож[ение] в И. К. [Совета] о принятии необходим[ых] мер. [Проводилась] оттяжка со стор[оны] с.-р., кот[орые] заяв[или], что они имели св[е]дения [о событиях в центре], но скрыв[али] их. В[оенно]-рев. ком[итет] был провален в И. К. [Совета]. Странная деят[ельность] с.-р., вошедш[их] в соглаш[ение] с командным составом. [Проводились] наши заседания совместно с лев[ыми] с.-р. [Был поставлен] вопрос о созд[ании] боевого органа, котор[ый] решено было осуществ[ить] даже конспират[ивно]. [Имело место] разоружение дружины со стороны контррев[олюции]. [Был организован] комит[ет] пяти при посредстве 5-го пулеметн[ого] полка. [Власти предъявили] ультим[атум] о разоружении 5-го полка, после чего полк выступил в город и оцепил штаб бригады, кот[орый] защищ[ался] кавалерией, котор[ая] первая открыла огонь. Пулеметчики открыли стрельбу, и кавалер[ия] сдалась. При сод[ействии] красног[вардейцев] были заняты различн[ые] учреждения. Возник в[оенно]-рев[олюционный] комит[ет]. Засед[ание] Совета санкциониров[ало] переворот; меньшев[ики] и с.-р. вышли из Совета. [Была организована] охрана революции, слежка за передвиж[ением] действ[ующих] казачьих войск. [Установилась] координ[ация] действ[ий] с центром. [Производится] усиление гарнизона. [Нарастает] столкновение с [городской] управой, кот[орая] не признает [власти в[оенно]-рев[олюционного] ком[итета]. Перевыб[оры] в [городскую] думу не дадут большев[истского] большинства. Финансовые меры: [взяли из государственного банка] 150 тыс[яч] рублей на нужды. Саботаж не осуществляется. [Идет] совместная работа с продов[ольственной] управой. Красн[ой] гв[ардии] — 600 ч[ел]овек, [в ней] — боевое настроение, [благодаря] кот[орому] закрыли «Голос труда», газ[ету] правых с.-р. [Налажен] контакт с левыми с.-р., котор[ые] занимают очень левую позицию. Выдели[лась] кр[естьянская] секция после рев[олюции], кот[орая] образ[овала] Губ[ернский] исполнительный ком[итет] без большевиков. [Намечается] план роспуска в[оенно]-рев[олюционного] комит[ета] и раздел[ения] Совет[а] на отделы. Отсутствие работников. [У нас — полная] готовность выдержать борьбу с казаками. Боевое настроение [у гарнизона], но [налицо] невозможность противостоять, а только задержать Каледина. Приезда юнкеров и офицеров [ранее] не наблюдалось.

Тов. [Моисеев] * сообщает о приезде в Воронеж (теперь) юнк[еров]. Помощь уездным организациям будет оказана, если Воронежск[ий] гарнизон будет увеличен, послана тяжелая артилл[ерия] и будут посла[ны] броневики.

Тов[арищ] из Острогожска сообщ[ает] об организации вооружения в уездных городах, котор[ые] поддерживают Воронеж.

Тов[арищ] задает вопрос о соединении сил уездн[ых] гарнизонов.

Т[оварищ] [из] Вор[онежской] губ.] ** отвеч[ает], что пока еще не было войны. Настроение трудового качества, кот[орое] проезжало мимо,

* Фамилия товарища взята из другого варианта подлинника.

** Тов. Врачев.

определяется как антикалединское. Каледин опирается на юнкеров, офицеров, реалист[ов] и гимназист[ов] и верхи казачества и казачество старых годов, котор[ые] спровоцированы. Колебания среди казачества. [Наша] тактика в Ростове: отпуска пленных казаков с указанием на то, что раб[очие] воюют не с казаками, а с Калединым. Партийные ячейки существуют среди рабочих Донецк[ого] бассейна, но среди каз[аков] — нет. О предат[ельстве] со стор[оны] казаков на Дону неизвестно. Известно о том, что различные казачьи части отказываются от защиты Каледина. Некоторые части стоят на границе Донск[ой] области.

В[оенно]-рев[олюционный] комитет распускается, так как существ[ует] И[сполнительный] к[омитет] Сов[ета], кот[орый] может взять на себя организацию вооруж[енного] сопротивл[ения].

Фокин ([гор.] Владимир и уезд). Вад[имирский] комит[ет] [объединяет] 150 членов партии, Высоковск[ая] ячейка — 80 чл., Ковалевск[ая] фаб[ричная] ячейка — 60 чл., Бажан[овская] — 150 чл., Собинов[ская] — 100 чл.* С[овет] к[рестьянских] д[епутатов] — в руках оборонцев. [Держалась] связь с О. Б. и [посылалась] помощь Москве. Много желающих примкнуть к вооруж[енной] борьбе с Калединым. Декреты проведены зем[ельными] комитетами. Большой процент голосов [подан] за больш[евиков] [при выборах] в Учр[едительное] собр[ание]. Агитация в деревне: 50 тыс[яч] воззваний [распространено] в 5 дней не только по уезду, но и по губернии. Кроме [распространения] лит[ературы] [у нас организованы] курсы агитаторов. 18 лекций [проведено] большеви[стскими] лекторами по губернии. 6 большев[иков] из 9 [прошло] в Учр[едительное] собр[ание]. Больше 70% [избирателей голосовало] за большевиков. Организ[ация] Советов на местах. Губ[ернский] комисс[ар] упраздн[яется]; [создаются] коллегии комис[сариата] тр[уда], прод[овольствия], торг[овли], фин[ансов], просв[ещения], [солдатского] пайка²⁴, тра[н]сп[орта], земельн[ых] отнош[ений]. [Проводятся] меропр[иятия]: издание обязат[ельного] постановления о борьбе с пьянств[ом], об отобр[ании] оружия, расспростр[аняются] декреты [Совета] нар[одных] комисс[аров]. [Губернская] типогр[афия] [находится] в распор[яжении] Совета. [Выпущены] воззвания о перевыб[орах] [Советов] на местах, кот[орые] пров[едены] в семи центрах. Слияние Советов [раб., солд. и кр. деп. уже произошло]. [Имеются] конфликты с тюрем[ной] инспекц[ией], кот[орая] выпусти[ла] арест[ованных], кот[орые] перебили тюремн[ые] окна; [тюремные] дядьки смещ[ены]. [Выбран] рев[олюционный] трибунал. Продов[ольственное] снабжение скверно; слабость [нашего] влияния из-за этого в некоторых местах, где вл[ияние] партии падает. [Проводились] съезды по [солдатскому] пайк[у] и попеч[ению о бедных]: уездн[ым] комиссари[атом]. Гарнизонный Совет...²⁵ О назначении пайков [утверждены] старые нормы. [Проводится] контроль [над про-

* Цифровые данные взяты из другого варианта подлинника протоколов.

²⁵ Пропуск в подлиннике протоколов.

изводством], обложении телефонов налогами. [Проведены] налоги на роскошь, увеселит[ельные] завед[ения] и проч.

Кленицкий. (Орловская губерния, Бежица). Большинство в Сов[ете] большев[истское]. Меньшев[ики] и обор[онцы] ушли из Сов[ета]. После ка[лужских] соб[ытий] ²⁵ [организовался] в[оенно]-рев[олюционн[ый]] комит[ет] [и создалась] красная гвардия. Направл[ен] [был] отряд после корнил[овского] побега, когда был[о] уби[то] 100 и ранен Корн[илов] ²⁶. Колич[ество] чл[енов] [партийной организации] увелич[илось] на 150. Предв[ыборной] кам[пании] [при выборах в Учредительное собрание] не было, но большевики [собрали] больш[инство] [голосов]. Кр[асная] гв[ардия] — 300 чел[овек]. Замеч[ается] пьянство. Меры [против] [него] не приняты. [Издается нами] газета «Брянск[ий] раб[очий]»; за отсутствием [литературных] сил взялись [за это дело] сами.

Корон. Рязань. Городской [партийный] комит[ет] [обнимает] 300 чл[енов], областной * — около 1000. Колебания в Советах. С.-р. настр[оение] в Сов[ете] солд[атских] деп[утатов]. В[оенно]-рев[олюционн[ый]] комитет И[сполнительным] к[омитетом] [Совета] с[олдатских] д[епутатов] поставлено распу[стить], но фракция большев[иков] оказала давл[ение] на И. К., и он действовал, как в[оенно]-рев[олюционн[ый]] ком[итет]. [Был проведен] выпуск аграрников из тюрьмы. Власть перешла в губ. Сов. к[рестьянских] д[епутатов], [где] больш[инство] — прав[ые] с.-р. Сов[ет] сам созв[ал] съезд, на кот[ором] была выбр[ана] девятка. [Было проведено] взятие дел из губ. бюро, кот[орое] было арест[овано] после побега казнач[ея], кот[орый] был пойман. Девят[ка] пров[ела] меры земельн[ые] (декрет). Культ[урно]-просв[етительная] деят[ельность]; [организован] клуб. В Учр[едительное] собр[ание] [прошел] монархист в списке с.-р., что было, конечно, [разоблачено нами] в органе [печати]. Крест[ьяне] треб[овали] перевыб[оров] после этого.

Соломинцев. Веневский уезд. [Тульской губ.] [Докладчик] просит занести в прот[окол] отсут[ствие] губ[ернского] представит[еля] [на конференции]. Организация возникла [после марта], но носила совершенно неопредел[енный] характер. С.-дем. были вытеснены из крест[ьянского] комит[ета]. Ликвид[ация] [объединенной соц.-дем.] парт[ийной] орган[изации] [произошла] в октябре. [Тогда же началась] организация [членов] партии большевиков; [сначала было] очень мало членов — около 100; [наша группа] только еще организуется; [идет] фильтрован[ие] новых членов. [Ведется] активная работа, руководство земской работой. В зем[ельный] комит[ет] прошли больш[инство] с.-р. [Есть] стремл[ение] разогнать земства с.-р-ов[ские]; треб[уем] переизбр[ания] земства. [Ведется] борьба со спекуляцией, кот[орая] приним[ает] громадн[ые] размеры (провоз хлеба и проч.). Отобране хлеба [у спекулянтов производится] бесплатно, [проводятся] аресты [их]. [Идет] борьба с правыми с.-р-ам[и]. До [14] 1-го дек[абря]

* Ошибка: следует писать — губернский.

не было Сов[ета] раб[очих] деп[утатов]. Теперь орагниз[ован] и С[овет] раб[очих] и с[олдатских] депутатов].

[Поступило] предложение занести в протокол о необходимости организ[ации] губ[ернского] партийного объединения.

[ТРЕТИЙ ДЕНЬ КОНФЕРЕНЦИИ—(22) 9 декабря 1917 г.].

[Доклад] [тов.] Альперовича об организации нар[одного] хоз[яйства].

Вопрос прак[тически] новый, но необходимо прин[яться] за его разреш[ение]. Необход[имость] объект[ивная] диктатуры пролетариата. Необходимость хозяйственной диктатуры в России. Приходится заново строить всю хоз[яйственную] организ[ацию], так как нар[одного] хоз[яйства] нет. Разрозн[енные] усилия отдельн[ых] раб[очих] на отдельных фабриках, нет организованного целого. Натур[альный] обмен между фабриками. Усил[ия] ф[абрично]-зав[одских] комитетов [по поддержанию работы предприятий]. Важность и тяжесть задачи. Все меропр[иятия], кот[орые] будут приняты, послужат к укреплению революции.

Необходимо во время борьбы с Кал[единым] уже принимать меры для [налаживания] хоз[яйственной] организац[ии].

О состоянии промышл[енности]: казенные авансы, субсидии и проч[ее] [подачки поддерживали предпринимателей]. Военные заказы [давались] на крупн[ые] и на мелк[ие] [предприятия]. 90% [фабрик и заводов] в Моск. губ. раб[отали] на войну. Хищничество во время войны. Приурочение промышл[енности] для раб[оты] на госуд[арственный] рынок. Запасы сырья истощены: отсут[ствует] топливо, металл и т. д. Нет шансов на облегчение, кроме уничт[ожения] раб[очими] гранат [на металл].

Гибель транспортных средств тоже не может быть уничтожена.

Несоответств[ие] между обменом деревни и города: отсутств[ие] средств у города, что необх[одимо] испр[авить]. Разрушение менового аппарата бурж[уазного] общ[ества]. Денежный апп[арат] несколь[ко] регулирует отнош[ения] на рынке. Обесценение денег. Нельзя восстанов[ить] рынок, несколько регулируемый мен[овыми] знаками. Эти прич[ины] указыв[ают] на неизбеж[ность] дикт[атуры] экономич[еской], регулиров[ания] хоз[яйственной] жизни. Примеры: гол[одные] нормы топлива следует распределять, выбирая отрасли промышл[енности], диктаторск[и] распред[еляя] [запасы]. Так же с железом. Демобилизация и ремоб[илизация] — трудн[ейшие] и важн[ейшие] из вопросов: Моск[овский] район, произв[одство] с.-хоз. орудий; если бы [распределение сырья и топлива проводилось] распор[яжением] отдельн[ых] предпр[иятий] или даже ф[аб]-завком[ами], то ничего не вышло бы, так как...* Восста[новление] и

* Пропуск в подлиннике протоколов.

устр[ойство] новых произв[одств] [необходимо] в районах, близких к добыч[е] топлива; нельзя в Моск. обл. стр[оить] нов[ые] фабрики. Произв[одство], треб[ующее] металла, также не мож[ет] [быть здесь основано].

Органы [народного хозяйства должны быть организованы] в центрах по районам и во всероссийск[ом] масштабе. Отдельн[ые] промышл[енники], руководясь личными соображ[ениями], не могут осущ[ествить] эти задачи. Част[н]ая инициат[ива] бессильна.

Промышленники раб[отали] [казенными] ав[ансами] и субсид[иями] во время войны, [у них] отсутств[ует] инициатива и организат[орская] деят[ельность]. В обстановке борьбы с раб[очим] класс[ом] — саботаж в смысле отсутств[ия] раб[очей] инициат[ивы] и проч. со стороны промышл[енников]. Госуд[арству] придется тратить громадные средства на демобил[изацию] и оплату безработн[ых]. Решение вопроса [проводится] в Петерб[урге] об оплате безраб[отных]. Необх[одимо] созд[ание] органов для осуществл[ения] хоз[яйственной] диктатуры.

Организационный план — несколько слов о задачах центр[альных] и районн[ых] органов.

Сов[ет] нар[одного] хоз[яйства] в Петерб[урге] с неограниченными полномочиями для провод[ения] всех хоз[яйственных] мероприятий, кроме организ[ации] контр[оля] предстоит] масса меропр[иятий] во всех областях.

Высшему органу предстоит объединить и согласовать всю работу на местах, соби́рание материалов, декреты, законы об экономич. полит[ике], о принуд[ительном] синдицировании] целых отраслей промышл[енности] для организ[ации] контроля над народн[ым] хозяйством; необходимость синдицирования, так как осущ[ествление] мер [контроля] через мелк[ие] фабр[ики] невозможно. Национализация синдициров[анных] предпр[иятий]: уголь, нефть и проч. [Необходима выработка] положения о принудит[ельном] вед[ении] предприят[ий], секвестре [их] и т. д., что необходимо в обстановке саботажа [предпринимателей]. [Необходима] разработка плана финансирования предприятий. В Моск. районе [идет] борьба с банками. Средств*, выпуск[аемых] экспедиц[ией] [изготовления] госуд. бумаг, нехватает на текущие расходы. Миллионы, выдав[аемые] банками, не возвращ[аются]. Необходимо планомерное финансирование предприятий, что лучше всего осуществ[ить] при синдициров[ании] предпр[иятий]. [Необходима] организация междунаро[дн]ого обмена при открытии границ. Заранее след[ует] разраб[отать] [этот] вопрос и установ[ить] аппарат. Неопред[еленность] перспектив в междунар[одном] обмене осложн[яет] вопрос о демобилизации [промышленности].

Задачи районных контр[олирующих] и регул[ирующих] орган[ов]: соб[и]рание всех материалов по произв[одству] и потребл[ению]. Вопрос об организации не только производства, по и потребления. Учет всего оборудования. Вопрос о сырье и топливе разрешен учетом всего сырья и топл[ива], но следует дополнить сведения старых органов. Учет налич-

* То есть бумажных денежных знаков.

ности рабочих сил: сколько раб[очих], какой специальн[ости], сколько нехватает, сколько лишних. Учет всех транспортных средств, не только ж.-д. [транспорта], но [и] гужев[ого] и водяного. Гуж[евой] трансп[орт] не был достаточно использован к моменту начала навигации. Учет готовых продуктов. Органы, раньше существов[авшие], должны быть превращены в сов. органы. Органы распределения. Учет потребностей населения в продуктах для того, чтобы знать, что должен делать каждый завод. Вопрос об организации потребления. Принудит[ельное] кооперирование населения, что даст ясный учет и даст аппарат обмена. В Москве уже [налажена] потреб[ительская] организ[ация] менового между гор[одом] и деревней аппарата, из представ[ителей] отдельн[ых] органов. Тогда будет ясно, что нужно для населения, что раньше становилось известным по колебаниям рынка. Районн[ые] орг[анизации] распределяют заказы между отдельными фабриками и заводами, [производится] фиксация цен, с укрепл[ением] раб[очего] конт[роля], кот[орый] уст[анавливает] калькуляцию. Потребл[ение], производство и распределение — в районах. Еще задача контроля над расходованием сумм и следить за выполнением заданий, кот[орые] возлож[ены] на данное предприятие.

Районн[ые] эконом[ические] органы уже выработ[али] план перехода на мирное время. Повозки для арт[иллерийского] ведомства уже не вырабатываются. Ликвидация военных заказов из Петерб[урга]. Заводы переходят на деревенский обоз*. Стремление промышл[енности] заняться ремонтом паровозов, что совершенно невозможно в дан[ное] вр[емя] в центре за дальностью расстоян[ия] [от] угля, разложения транспорта. Районн[ый] орган вполне может решить вопрос о том, на какое произв[одство] должен перейти данный завод.

Обширность вопроса [организации народного хозяйства]. Общие черты — причины, требующ[ие] хоз[яйственной] диктатуры: отсутств[ие] свободного рынка, необходимость создания его и проч. Необход[имо] [создание] большинства пролет[арским] и советским элемента[м] во всех органах регулирования — 2/3 [общего состава их членов].

[Докладчик зачитывает свои основные] положения [по вопросу].

Обмен мнений.

Коссиор. Практическое разрешение контроля замедляется, несмотря на то, что план был выработан довольно давно. Задача [в том, чтобы] взять и наладить промышл[енность], так как политическая власть — в руках рабочих. Эконом. совет мало работал практически в области проведения контроля. Учет необходимо произвести Экономич. сов[етом], который слишком много занимался принцип[иальными] разговорами, а не практич[еской] деятельн[остью]. Следует обратить на это внимание Экономич. совета. Ответственность за порядок в промышл[енности] ложится на пролетариат. [Должна вестись] осведомительная работа в массах. Необходимо привлечь все население к организации регулирования [потреб-

* Т. е. на из отовление крестьянских повозок.

ления]. Тогда можно [будет] постепенно провести [рабочий] контр[оль] [над производством]. Объединение контр[ольных] комиссий [организовано] при профес. союзах, что весьма недостаточно, так как это создает узость [для] деятельности [комиссий]. Необходимо соединен[ие] [контрольных комиссий] с советскими организациями. Профессоуезы не могут одни выполнить всю трудную работу по контролю [над производством], который встречает большое сопротивление со стороны служ[ащих] и администрации.

Беляев. Русск[ое] нар[одное] хоз[яйство] должно пойти по другому пути, чем в З[ападной] Евр[опе]. Нельзя в России говорить о нар[одном] хоз[яйстве] без вопроса о продовольствии, чего нет в З. Е[вропе]. Этапы в разв[итии] нар[одного] хоз[яйства] определяются именно этим моментом. Нет конкретных указаний в докладе. [Нужно отметить] приспособляющийся характер промышленности к с. хозяйству. Запасы хлеба в деревне [имеются]. Необходимы новые меры для добывания хлеба из деревни. [Наблюдается] отсутст[вие] широкой инициативы в произв[одстве]. Важность продовольств[енного] мотива. Нар[одное] хоз[яйство] должно приспособляться к потребн[остям] народа, а не буржуазии. Отсутств[ие] роскоши, напр[имер], для нее указ[ывает] на возможн[ость] возникновения соотв[етствующей] отрасли производства, что не может быть допустимо.

Т[ов.] Илья [высказывает положение сделать] предложение экономич. отд[елу] [Совета] о выработке анкетного листа для соб[ирания] свед[ений] по заводам.

Большун (Кимры). Произв[одство] обуви. [Встречаются] препятствия при введении контроля. Необходимо взять на учет товары. [Оратор задает] вопрос докладчику о практических мерах [по контролю над производством].

Туровский [вносит] предложение об издании печатных инструкций, написанных простым, поня[тым] языком.

Муравьев. Слабость проектов и мер[оприятий] Экономич. сов[ета]. Возникновение вопросов, котор[ые] могут быть разрешаемы за отсутств[ием] плана. Сложность задач, которые не могут быть разрешены даже в центрах. Неопределенность организации контроля: одно течение — [осуществлять его через] профес. союзы, другое — [установить] советский контроль, это сильно мешает работе. Невозможно одному Сов[ету] справиться с организацией контроля. Необходимо привлечь к этому проф. союзы. Советы должны руководить контролем через профес. союзы. [Оратор задает] вопрос докладчику о разрешении этого вопроса.

Балашов. Контроль [в Иваново-Вознесенске] начал провод[иться] еще в июле. Учет мануфактуры: постановл[ено] отпускать ее только в обмен на хлеб. [Этому постановлению учиняется] препятствие со стороны центр[альных] сов[етских] учрежд[ений]. [В результате] — залежи мануфактуры и голод, возможность голодного бунта. Экономич[еский] отдел [Совета] не обращает внимания на то, что происходит в районах. Роль

Ив.-Возн[есенского] района весьма значит[ельна] в области снабж[ения]. Следует указать Экономич[ескому] сов[ету] на то, что имеются залежи мануфактуры и нет совершенно хлеба.

[Вносится] предлож[ение] о закрытии прений: [голосуют] 27 за, 32—против. [Предложение] отклоняется.

Сафонов. Возражение Балашову. Экономич. совет не виноват в истории с Ив.-Вознес[енском], но все-таки центр недостаточно обращ[ает] вним[ание] на провинцию. Нужда в руков[одящих] указаниях на местах даже в Москве. Экономич. Сов[ет] должен обратить большое внимание на провинцию. Докладчик не указал на с.-хоз. промыш[ленность]. Какие формы примет с. хоз[яйство], которое имеет громадн[ое] значение в будущем? [Оратор отмечает] возможность соглашения с капиталистами, так как крутое изменение [в производстве] невозможно силами Сов[етов], [говорит] о выбрасывании [казначейством] денежных знаков и исчезновении их, [говорит, что] необходимо принять меры для собир[ания] налогов.

[Вносится] предложение о закрытии списка оратор[ов]; прекращает[ся] [запись ораторов].

Симонов. (От Замоскворецк[ого] района). Вопрос о контроле на металл[ических] зав[одах]. Вопрос о том, кто должен завед[ывать] контролем, — проф[ессиональные] союзы или советы. Професс. союзы не могут собственными силами провести контроль. Следует собирать материал на заводах и через совет направлять в центр. Необходимо организов[ать] школы для инструкторов. Професс. союзы, имеющ[ие] большинство с.-р. и меньшев[иков], мешают работе по контролю. Заведыв[ать] контр[олем] должны инструктора от совета, ввиду того, что советы имеют более преоблад[ающее] значение и более широкую возможность выполнения плана организации производства.

Соломинцев. Необходимость учета и контроля производства. Не следует всецело сваливать вину на центры. Необходима работа [на] местах. Местные организ[ации] столько же виноваты в слабости работы, как и центры. [Ведутся] спекуляции с хлебом, кот[орый] вывозится по дорогой цене. Необходимы экстренные меры для борьбы со спекуляцией на местах. [Намечен] план борьбы со спекуля[цией] в местной Веневской организации [Тульской губ.]. Меры прин[имаются] на местах.

Борисов. Мало указаний в докладе на продовольств[енный] вопрос. Голод в Орех.-Зуеве, где масса мануфакт[уры]. Обостр[ение] продо[вольственного] вопроса грозит упадком организаций рабочих. Законность заявлений Балашова. Неудовлетвор[енность] требований, направляемых в Москву. Чуть не слетел Совет.

Корольков. Каковы высшие органы контроля в губ[ернских] и уездн[ых] городах? Губ[ернский] совет ф.-зав. комитетов в Ярославской губ. [отсутствует]. Необходимы инструкции из центра для выработки общности организаций. Примеры: табак и требования хлеба окрестными крестьянами. [Идет] создание организаций на местах под давлением местн[ого] населения, но отсутств[уют] директивы из центра [по этому во-

просу]. Необходимо разослать всевозможные резолюции и планы, выра[ботанные] конфер[енциями] ф.-зав. комитет[ов]. Соппротивление професс. союзов, им[еющих] оборонческое большинство. Жилищный вопрос, разделение жилищ между городской беднотой, что может сниска[ть] популяр[ность] советов. Оплата работы: Викжель ²⁷ отказывается оплачив[ать] работу [железнодорожников].

Альперович. Заключительное слово

Законность заявлений товарищей, общий план [народного хозяйства их] не удовлетворяет. Докладч[ик] имел в виду партийную конференцию, на которой должны быть даны только руководящие указания. Оправдание экономич. отдела: недостаток сил в центре, как и на местах. Масса работы в экономич. отделе. Налажено издание бюллетеней, кот[орые] преврат[им] в журнал, — необходим [для него] [литературный] материал. [Организована] инструкторская коллегия и школа для инструкторов. [Стоит] вопрос о продовольствии и приспособлении к нему организации производства; необходим общий план; лечение злободневных ран по продовольствию тормозит работу. [Идет] реорганизац[ия] областн[ого] продов[ольственного] к-та, [создается] временный орган обмена; следует демократизировать различн[ые] уже существ[ующие] органы. [Нужно заботиться] о приспособл[ении] транспорта к потребн[остям] обраб[атывающей] промышл[енности] и к вопросу о потреблении. Понятно, что это — самый главный вопрос, но надо обратить внимание, как это про- извести. Необходима хозяйственная диктатура. [Стоит] вопрос о размещении заводов [по районам страны]. Анкеты инструк[торам] уже выпущены, но не следует преувелич[ивать] их значения.

[Задан мне] вопрос о том, что возможно продолжение войны: во-1-х, докладч[ик] больше подавш[его] записку уверен в том, что война невозможна, а во 2-х, имеется масса готовых фабрика[тов] для потребн[остей] войны в громадном количестве. Меры к охране против [заграничн[ой] конкур[енции]. Орудия производства необходимо должны получаться из-за границы. Орган, ведающий международи[ым] обмен[ом], [будет создан] при синдицировании [промышленности].

Центр отстает от местных потребностей; необходим максимум напряженности; понятна та путаница, которая господствует в первое время. Необходима большая творческая работа на местах.

Тезисы [доклада по организации народного хозяйства] передаются в комиссию [по выработке резолюции, в которую вошли тт.] Стуков, Альперович, Врачев, Манцев*).

[Оглашается] резолюция по текущему моменту [и сообщается] о том, что [в комиссии] не голосовалась поправка [к резолюции] о назв[ании] «социалистической» [нашей] революц[ии].

* Тезисов доклада по организации народного хозяйства в подлиннике протоколов конференции не имеется.

Большинство [конференции голосует] за поправку Инес[с]ы. [Ставится вопрос] о поправке Стукова об Учред. собр[ании].

Стуков снимает свои поправки, кот[орые] противоречат основным положен[иям] резолюции*.

Ломов заявляет, что поправки Стукова не противоречат общим основам резолюции.

Беленький...**

[Ставится на голосование] предложение: угодно ли конф[еренции] [принять] выраб[отанную] [комиссией] новую резолюцию [по текущему моменту].

[Голосовало] 34 за [резолюцию], а 11 — против [нее] и 10 воздерж[алось].

Ломов читает резолюцию по пунктам.

Поправка Беленького отклоняет[ся].

Против резолюции [в целом голосовало] 6, возд[ержалось] 5 [и за принятие резолюции] 58*.

[После голосований был объявлен] перерыв.

Максимовский. Участие в областн[ой] организ[ации] советов

Советская работа принимает характер постоянный на все время продолж[ающейся] рев[олюции] вплоть до полного перех[ода] к социа[лизму]. [Необходимо дальнейшее] укрепление сов[етов], как органов раб[очего] класса. Работа больш[евистской] фракции на Областн. конф[еренции] и в Областном бюро [советов]. Организацию [Моск. обл. совета] начали меньшевики. Успех [их] раб[оты] [был] основан на соглашат[ельском] настр[оении] в области, котор[ое] тогда торжествовало. Довольно хорошая организация: [налицо]—закрепление связей, губ[ернские] центры и их объединения. План этот хорош и проведен [в жизнь]. Политич[еская] работа [велась] в духе меньшевиков и с.-р.; [вскоре выявилась] ничтожность [этой] политич[еской] работы. На совещаниях [было] ничтож[ное] представ[ительство] большевиков, кот[орые] раньше даже не выст[авляли] [своих] докладчиков, и [если выступали], то по неважным вопросам. С первых выступл[ений] рабочих, — столкновение между О[бластным] б[юро] сов[етов] и О[бластным] б[юро] партии; в апреле [уже было полное] расхожд[ение] директив. [Когда был созван] 1-й област[ной] съезд [советов], на котор[ом] впервые выступили докладчи[ки] от О[бластного] б[юро] [нашей партии], была организована [большевистская] фракция²⁸. Борьба кончилась [тогда] побед[ой] меньшевиков (в мае). Но [прочной] связи [у] ОБ [партии с Моск. областным бюро советов раб. и солд. деп.] не было в период летней работы.

Организа[ционное] пост[роение] ОБ. [Советов] сначала было, как

* Текст резолюции см. приложение № 6.

** Пропуск в подлиннике протоколов.

о[рганизация] информационного органа. [Уделялось большое внимание] проф. ортанизац[иям] и др. экономич. организ[ациям]. Необходим[о] [стало] обращение * в исполн[ительный] орган ОБ [Советов]. Крестьянская секция [Областного исполкома] прав[о-э]с[э]р[овская], которая работала отдельно и стремилась утверд[ить] господство правых элементов. Цифры голосов[аний]: [за] больш[евиков] — 139, [против] — 144; возд[ержавшихся] — 45. Колеблющееся большинство.

Руковод[ящий] орган — тоже [проявлял] неустойчивость: раб[очая] секция оказ[алась] в руках большев[иков], крест[ьянская секция] — в рук[ах] с.-р. Большинство колебл[ющееся и здесь].

Организация [октябрьского] воор[уженного] выступления [была в руках] ОБ партии; ОБ Сов[етов] не мог[ло] стать во главе его. Во время событий (связи и снош[ения] организаци[онные]) [руководило] ОБ [партии]. В ОБ Сов[етов] большев[истская] фракция не принимала никакого участия, так как это было бессмысленно. Прав[ые] с.-р. хотели использовать ОБ в контррев. целях, чему препятств[овали] меньшевики, подд[ерживавшие] нейтралитет [Обл[астного] бюро советов], что не вышло [фактически], так как они, давая информац[ионные] сведения, естественно [использовали] нейтр[алитет] в правую сторону: [посылались] телеграммы, в кот[орых] иногда не указывалось, что они идут без [подписи] большевиков. [Практиковался] подбор и ложность сведений [для мест]: ничего не сообщалось, что исходило от большевиков. [Замалчивались] сообщ[ения] о [втором всероссийском] съезде советов. [Оказывалась] поддержка деятельности [командующего московского военного округа полковника] Рябцова и моск. штаба. После [октябрьских] событ[ий] больш[евики] им[еют] больш[инство] [на пленуме Моск. обл. бюро советов]. Виткович от [имени] меньшев[иков] и с.-р. заявил об уходе из [данной] советской организации. Но многие с.-р. заявили, что они останутся [в ней], [причем] голос[овали] за рез[олюцию] больш[евиков]. В резолюции указыв[алось] об удовлетв[орении] уходом [из Моск. обл. исп. комитета]; кр[естьянской] секции и на контррев[олюционность] [правых] с.-р. Меньшевики смягчали резолюцию. [Было вынесено им] порицание О[бластным] б[юро] за деятел[ьность] во время восстания. [Вынесено] решение созвать [московский] Обл. съезд советов ²⁹, а до того — [сохранить] осведомит[ельный] характер [за] О[бластным] и[сполнительным] к[омитетом]. [Произошло] осложнение [в связи с] уходом меньшевистск[ого] секретариата, кот[орый] обиделся насчет [указания в резолюции на тенденциозную подборку] телеграмм [во время октябрьского переворота]. Отвлечение сил на ОБ [советов] и ослабл[ение] ОБ партийного. Беспорядок в секретариа[те] и налаживание [в нем] новой работы. [Выдвигаются] вопросы, кот[орые] след[ует] решить, чтобы опред[еленно] выст[упить] на [областном] съезде советов. Крест[ьянская] секция [Моск. обл. исп. комитета] объяв[ила] себя Обл[астным] ис[полнительным] к[оми-

* Ошибка: следует — превращение.

тетом] [и выпустила] воззвание [содержащее в себе] буржуазные клеветы. [Выявляется] черносотенный элемент в [таких] советских организациях, постановл[явших] бойкотиров[ать] [областной] съезд и ОБ. Приходится [заново] создавать крест[ьянскую] [областную] организацию. [Разослано] циркулярное обращение к губернским крест[ьянским] организациям. [Стоит] вопрос о перевыборе сов[етов] кр. деп. Некотор[ые] сов[еты] пошлют представ[ителей] на съезд [без перевыборов].

[Надо решить] вопросы: что должен предст[авлять] [собою] О[бластной] и[сполнительный] к[омитет], информационный или руководящий политический орган в области, или надо создать областной орган власти или совершенно не нужно ОБ [советов]. [Иногда говорят], что это — лишняя трата сил.

Ценность ОБ [Советов], как информац[ионного] органа. Вопрос об обл[астной] власти ставится в области, откуда обращаются за директивами. Пока не было ОБ, как органа власти, М[осковский] С. Р. Д. обратился в Областн[ой] центр, что весьма обременяет презид[иум] М. Сов[ета]. Практически необходимо создать губ. власть, которая... *. [Необходимо наладить] связь со штабом [Московского военного округа], котор[ая] тоже требует созд[ания] областн[ого] органа власти.

Организация органа губ. власти: следует организов[ать] [его представител] Моск[овского] советского ОБ и представ[ителей] Мос[ковского] совета.

Соображение против [такой организации]: неустойчивость большинства большевиков на [созываемом] съезде. Областн[ой] орган может быть избран только в случае наличия устойчивого большинства. Если [это будет] орган власти, то меньшев[ики] и с.-р. выйдут из [его] состава. [Есть] колеблющие[ся] элем[енты] среди меньшев[иков] и с.-р. [Выдвигается] вопрос о совместной работе со штабом.

[Докладчик говорит] о буржуазных газетах, которые конфискуются организациями на местах.

Секретариат [Московского областного бюро советов] должен оставаться в руках [нашей] партии. [Оратор высказывается] против политического руководства [советов]. Следует произвести раскол в среде крестьянских представителей и привлечь их в секрет[ариат] ОБ.

Кизильштейн предлаг[ает] заслушать члена президиума Моск. сов[ета] Усиевича ³⁰.

Усиевич. Приветствие [конференции] от имени презид[иума] Моск. [совета]. Презид[иум] [совета] сдел[ался] центром [октябрьской] борьбы. Это был [как] партийный орган, кот[орый] вел всю борьбу на улицах Москвы, не только по форме, но и по существу, так как во время борьбы непрерывно заседал [как] парт[ийный] орган, давая указ[ания] В[оенно]-рев[олюционному] к[омитету]. Создание В[оенно]-рев. к-та для поддержки Петербурга. [Этот комитет] ни одна парт[ия] [кроме большевиков] не

* Пропуск в подлиннике протоколов.

поддерж[ивала] [в совете]. Вопрос [был поставлен] на засед[ании] совета. Протест[овали] меньшев[ики], с.-р. и объедин[енцы]. [На заседаниях] не было лев[ых] с.-р. Значит[ельное] большин[ство] сов[ета] [все же] высказ[алось] за образов[ание] В[оенно]-рев. к-та. Сначала туда хотели войти меньшев[ики] и объединенц[ы], первые для противодейств[ия] [захвату власти]. [Состав В[оенно]-рев. комитета]: 4 б[ольшевика], 2 м[еньшевика], 1 об[ъединенец]; с.-р. отказались голосовать. Тяжелое положение [было] в первые дни, отсутствие вооружения, но потом силы увеличились; примкнул весь гарнизон целиком, не оказалось солд[атских] частей на стороне [городской] думы. Гарнизонное собр[ание] на 3-й день указало на переход [солдат] к большев[икам]. Тогда легко справились с юнкерами.

Затяжка [борьбы] нейтр[альными] групп[ами] — викжель и проч. На 4-й день пришлось бомбардир[овать] Кремль и [некоторые другие] части города. В[оенно]-рев. комитет долго спорил о решит[ельности] действий. [Пришла] помощь из различных мест области. По окончании военн[ых] действий [был] подн[ят] вопрос о реорганизации органа власти. Были противники уничтожения В.-рев. к-та, из кот[орого] был создан презид[иум], М. С. Р. и С. Д. Левые с.-р. настаив[али] на установл[ении] «нормального органа». Незначит[ельным] больш[инством] фракц[ия] [наша] согласилась с этим. Конструкция сов. власти [в Москве] неудовлетвор[ительна]. [Имеется] президиум [совета] с одной стороны и ИК [совета] с другой. В[оенно]-рев. к-т был ответст[венен] перед пленумом Совета. Президиум [Совета] также не должен быть ответст[венен] перед ИК [Совета], но этого нет. Получается: 1) парламент, 2) [его] исп[олнительный] орган — президиум, а между ними ненужный орган — ИК. ИК [Совета] ступеньвается ввиду [срочности] необх[одимых] экстренных мер[оприятий]. [Получается] отв[етственность] [президиума] перед ИК и пленумом [Совета]. Деятельность президиума: меры В[оенно]-рев. к-та закрытие буржуазн[ых] органов [печати]; поднимался вопрос об уничтож[ении] и с.-р. и меньшев[истских] органов. Совет не желает закрыв[ать] социалистич[еских] газет. [Состоялось только] привлеч[ение] к суду «Труда» ³¹. [Был произведен] захват типографий. В президуме поднимается несколько вопрос о печати. Столкновения с советскими органами * с партией не может быть. Если парт[ийные] органы решат провести какие-ниб[удь] меры, то большинство большевистское подчинилось бы. Линии полит[ические] в президиуме: кр[айняя] лев[ая], центр и правая. При экстренных мерах у президиума нет общей линии. Нет директив от партийных органах **. Авторитетность членов президиума [Совета] слаба, что необходимо изменить.

Политическая работа: [разрешить] вопрос о гор[одской] думе, котор[ую] распустил В[оенно]-рев. комитет. После замены В.-рев. комит[ета]

* Ошибка: следует сказать — советских органов.

** Описка — вместо органов.

президиумом [Совета городская] дума продолжала существ[овать], не было принято мер против [саботажа] городских служащих. [Стоит] вопрос об организации городского хозяйства. Выборы в гор. думу не были произведены, так как все партии отказались участвовать в выбор[ах] ³². Меры против банковских служащих. Назревает конфликт с служащими частных банков.

Вопрос об областной власти. В.-рев. к[омите]т работал в област[ном] [масштабе]. Было решено, что областн[ой] орган должен быть установл[ен] на обл. конференции. Презид[иум] [Совета] в данное вр[емя]—областн[ой] орган.

Военный вопрос. Штаб реорганизован; [у него—] конт[акт] с Советом. Меры, пров[еденные] штабом: уничтож[ение] юнкерск[их] училищ и школ прапорщиков; [создание] инструкт[орской] школы для солдат в [Александровском] училище; в Алекс[андровских] каз[армах] [расквартирована] красная гвардия; [постановления] о командном составе, котор[ый] приним[ал] участие в борьбе против рев[олюции]; установление выборности ком[андного] состава. Трудность провести реорганизацию штаба; [управления] воинск[ого] нач[альни]ка. [Имеется] саботаж офиц[ерского] и писарского состава. Реорганиз[ация] интендантства, имеющая громадное значение: запасы материи в интендантстве. [Разреш[ено] распоряжаться инт[ендантскими] запасами, кот[орые] пойдут в хлебн[ые] губернии.

Политическая организация. Непродуктивность работы президиума [Совета] из-за коллегиальности: [требуется] реорганизация президиума для больш[ей] быст[роты] раб[оты]. [Необходимо] разд[еление] [функций] презид[иума] по принципу министерств. Обширность работы во всех областях: ликвидация различных [прежних] ведомств, реорганизация массы учреждений. Недостаток сил.

Прод[овольственное] дело [дает] политич[еские] затруднения. Прод[овольствие] должно быть в руках Совета. Сопрот[ивление] банков можно было слом[ить], но в прод[овольственном] деле — гораздо труднее. Угроза забастовкой со стороны служащих в прод[овольственных] организац[иях]. Неправильность взгляда, что прод[овольственное] дело может быть в нейтр[альных] руках. Фиксац[ия] цен, напр[имер], на сахар Керенским, увеличение цен, что невозможно было допустить; даже в первые дни рев[олюции] прод[овольственный] к-т продолж[ал] прежнюю политику, [был допущен] компромисс со стор[оны] презид[иума] [Совета]. Если бы продов. к-т был в руках большев[иков], то не было бы этой борьбы. [Необходимы] выборы новой прод[овольственной] управы, куда войдет много представит[елей] от большевиков. Реорганизац[ия] О. П. К.* в ближ[айшее] время. Продов[ольствие] пока было в руках городск[их] и уездн[ых] пр[одовольственных] комит[етов].

Банки. Недостаток денежных знаков. Захват [банков произведен]

* Общества потребительской кооперации.

раньше, чем в Петр[ограде]. 20 млн. р[ублей] треб[уется] ежедн[евно] наличными. Ничтожный приток вкладов. Опора только в получении из экспедиции заготов[ления] бумаг. Частн[ые] банки зависят от госуд[арственного]; им отпускается ограниченная сумма. Отчетность перед советами [со стороны] частных банков. Меры контроля; громоздкость первой [контрольной] организации, котор[ая] была все-таки необходима ввиду стремлен[ия] буржуазии взять свои вклады. Перв[ые] меры ударили и по рабочим. Нечестность некото[рых] ф.-зав. комитетов. Когда финанс[овый] апп[арат] в Петерб[урге] наладился, то банки очутились в подчинении у сов. власти. Переговоры с владельцами частных банков; саботаж банковских служащих, [их] заявление: если презид[иум] [Совета] буд[ет] настаив[ать] [на контроле], то произ[ойдет] забастовка. [Идет] всероссийский саботаж. Невозможность уступок в вопросе контроля банков.

Экономическая политика Совета. [Расширяется] разруха промышл[енности] в области. Заводы без предпринимателей, скрывшихся неизв[естно] куда. Первое время ничего нельзя было сделать, потом был произведен заем. Свыше десятка предпринимат[елей] оставило свои заводы. Поддержка таких заводов. Организация контр[оля], кот[орый] произв[одится] экономич[еским] отделом [Совета]. Слабость организации аппарата, котор[ый] налажив[ается] с больш[им] трудом; это [наше] слабое место. Проведение земельного декрета.

Вопрос об организации Моск. сов[ета]. До [октябрьской] рев[олюции] [было] два Сов[ета] *, теперь—один **. В солд[атской] сек[ции] [Совета] от 250 [солдат]—по одн[ому] [депутату]; нестроев[ые] [солдаты] объедин[яются] и посылают несколько представ[ителей]. Предст[авительство] предприятий: [1 депутат] от 400 [рабочих]; [производится при выборах] объединен[ие] мелких [предприятий]. От 5 000 [членов]—1 представитель профсоюзов. [Кроме того посылаются в Совет представители] от коопер[ации] и партий. [Советом избран] общий И[сполнительный] к[омитет]. Соотнош[ение] сил в ИК: из 60 [членов от рабочей секции]—40 б[ольшевиков], 10 м[еньшевиков], 7 с.-р.; [из] 60 [членов солдат. секции]—55 б[ольшевиков], 3 л[евых] с.-р., 2 меньш[евика]. [Имеются] президиумы секций и общий [из] 15 чел.: 12 [членов от] раб[очей] секции и 3 [от] солд[атской], [из них] 12 больш[евиков] и 3 лев. с.-р. Отделы [организованы] по принцип[у] коллег[иальности]. Экономич[еская], финан[совая], культ[урно-просветительная], автомоб[ильная] и др. коллегии [состоят] из членов ИК: 2 б[ольшевика], 1 л[евый] с.-р., 1 м[еньшевик]. Сотрудники отделов [приглашаются]. В Экономич. [отделе с сотрудниками] около 150 членов; такой же большой культ.-просв. отд[ел], центр[альная] комисс[ия] по борьбе со спекуляцией; исполнит[ельный] орган [последней состоит] из 9 членов. Экономич. отд[ел] должен руков[одить] всей жизнью Моск[вы] и области. Он должен [в своей работе] захватить *** все

* Московский совет рабочих депутатов и Московский совет солдатских депутатов.

** Московский совет рабочих и солдатских депутатов.

*** Следовало сказать — *охватить*.

учрежд[ения] и организации, продов. к-ты и проч. Культ.-просв. отд[ел] [должен охватить область] от детс[ких] школ до организ[ации] универс[итетов]. Важность фронтового отдела, кот[орый] устанавливает связь со всем фронтом и оказыв[ает] давление на него.

Районные советы в Москве были необходимы. 12 районов—150—200 тыс. [рабочих и солдат]. [Советские районы территориально] совпад[ают] с парт[ийными]. [Районные] совет[ы] [общие]—раб. и с. деп. Разница в представ[ительстве]—там от 25 [избирателей] уже имеются представители. Несколько мес[яцев] тому назад районн[ые] сов[еты] уже были большевистскими. [В них организованы] отделы, как и в центр[альном] Московском] Совете. Культ.-просвет. работа: библиотеки, связь с профсоюзами и кооперативами. Конфликтные комиссии, куда пост[упают] конф[ликты] перед рассмотр[ением] их комиссаром труда при центр[альном] Совете. Важность работы район[ов]. Финансы: отчисления рабочих; сначала $\frac{1}{4}\%$ [заработка рабочих] центр. Сов[ету] давали ф.-зав. к-ты ³³; [кроме того были] специальные сборы на нужды сов[етов] и на определенные цели, напр., красный подарок, [на расходы] при выб[орах] в гор. думу и в Учр. собр[ание], средства от продажи литерат[уры]. Значит[ельные] средства [были] в районн[ых] сов[етах], котор[ые] истощились во время революции, кот[орые] должны быть пополнены из госуд. кассы. Недостаток сил [в районах], ввиду отвлечения [их] на администрат. должности. Недост[атки] советов. Рабочая масса сама должна принимать участие во всей работе. Инертность масс. [На] собр[ание] продов. комит[ета] из ста чел[овек] раб[очей] [группы] явилось только 35. Очень часто отсутств[уют] представ[ители] [рабочих] тогда, когда надо опереться на массы.

Врачев. По докладу Максимовского. Необходима организация ОБ [советов], как обще-политич[еского] центра. [Нужны] делегации с мест в ОБ, кот[орое] раньше ничего не делало. Теперь ОБ, как руковод[ящий] орган всей области, необходимо. Советы в области взяли частью власть, но декреты СНК не осуществляются, даже пост[ановления] сов[етов] не выполняются. Сов[еты] в обл[асти] не знают, уничтожать ли в[оенно]-рев. комит[еты] или нет. Для установл[ения] общности во всех советах области необходимо ОБ. На [Областном] съезде [советов] будет обеспечено большин[ство] за большевиками. Меньшев[ики] и с.-р. не войдут в О[бластной] и[сполнительный] к[омитет]. Необходимо реорганизовать ОБ. [Необходим] И. к[омитет], [организуемый] из представ[ителей] от губерний, кот[орые] должны засед[ать] через каждые 15 дней; таким образом наладится связь со всеми областными советами.

Коновалов. Возражение на доклад Усиевича. [Оратор говорит] о печальном положении с банками: паника среди населения, истощение вкладов и средств. Среди служащих и банковских воротил—секретн[ые] засед[ания]. Меры контр[оля] могут быть осущ[ествлены] только... *

* Пропуск в подлиннике протоколов.

В военн[ом] округе и в упр[авлении] воинск[ого] нач[альни]ка Коновалов встретил оппозиц[ию] среди служащих, которые настаивали на выборности [начальства], а не назначении. Путаница в военн[ом] вед[омстве].

Масимовский [говорит] насчет [доклада] Усиевича, [говорит] о том, что В[оенно]-рев. комит[ет] ничего не сделал с начала рев[олюции], а только впоследствии.

[Оглашается его] резолюция [по докладу]*.

Усиевич предлагает установить точку зрения, обязательную для фракции больш[евиков] на [Областном] съезде советов; [он отмечает] отсутств[ие] органов управл[ения] у СНК [и говорит, что] в Москве несколько лучше [в этом отношении].

Пред[седатель] Невс[кий] предлагает решить вопрос только принципиально.

Усиевич предлаг[ает] дать директ[иву] фракции и указать точно конструкцию [организация Областного совета], предлаг[ает] выкинуть вторую часть [резолюции Максимовского].

Резолюция [Максимовского] принимается в целом [при] 10 воздержавш[ихся].

[Предложение голосовать] за то, чтобы вторая часть резол[юции] [была выкинута,—отвергнута всеми] против 6-ти **.

Перерыв.

[После перерыва принята] резолюция Альперовича [об организации народного хозяйства] ***.

Максимовский предлагает обс[удить] организац[ийные] вопр[осы] и выборы пленума [Областного бюро партии], об организации среди крестьян; предлагает пригласить Ногина и обсуд[ить] вопрос о выходе комиссаров [из Совнаркома].

Тов...**** предлагает выяснить, многие ли уедут [до конца конференции].

Максимовский [берет слово] по организационному вопросу, [оглашает] прежний состав пленума [Областного бюро партии], читает [новый] список кандидатов в пленум [бюро] [и] предла[гает] оставить прежний узкий состав [пленума]. [Ставятся] 3 предлож[ения]: 1) утвердить ли список целик[ом], 2) голосовать ли открыт[ой] баллотир[овкой] членов отдельно и 3)...*****.

Врачев от лица делегатов Воронежск[ой] губ. [предлагает выбрать] 7 москвичей, а 14 кандитат[ов] по губерниям [представить [выделить] самим губерниям, чтобы все они были представлены [в пленуме Областного бюро].

Манцев возражает Врачеву.

Кизильштейн [напоминает] о выработке устава [областной партий-

* Проекта резолюции в подлиннике протоколов конференции не имеется.

** См. приложение № 7.

*** См. приложение № 8.

**** Пропуск в подлиннике протоколов.

ной организации] в апр[еле] *. Необходимо иметь представит[елей] от главных губерний. Не след[ует] выби[рать] по губерниям, так как всегда приглашаются из губернии представители. Узкий состав [плenums бюро] удобнее выбирать на собрании пленума, как и раньше.

Предложение Врачева отвергается.

Максимовский [говорит] о том, что в [предлагаемом] списке [имеется] 10 кандидатов от 10 губ[ерний] и от остальных губерний [области имеются представители] в числе кандидатов.

Приним[ается] предлож[ение] голосовать открыто.

[Голосованием] принимается весь [предложенный] список в целом (один возд[ержавшийся]) **.

Соловьев ([доклад] об организации крестьян).

Выб[оры] в Учр. собр[ание] показывают, что настроение крестьян изменилось в пользу большевиков; в центре [оно изменилось] под влиянием рабочих; но отнош[ение] [крестьян к нашей партии] изменилось и в тех губ[ерниях], где нет рабочих. Уезды, в кот[орых] подавляющее большинство крестьян, идут за большевиками. Крестьяне изверились в партии с.-р. [Ввиду этого возрастает] обязанность [нашей] партии [в отношении организации крестьян]. Случайность [перехода на нашу сторону] некоторых элементов [крестьянства]. [Докладчиком отмечается] дифференциация, происходящая в деревне. Следует закрепить идейное влияние партии, оформить движ[ение] крестьян. Как это сделать? Даже передовые элементы крест[ьян] не марксисты. Включение сразу в парт[ийную] организа[цию] крестьян невозможно; не следует давать решающего голоса новым, случайным элементам, что может превратить партию в непролетарс[кую]. [В деле организационного обслуживания крестьян полезны] комиссии по выборам в Учр. собр[ание] и [особенно] центр[альная] комиссия. Последняя должна быть оставлена и использована в организационных целях; [необходимо] поручить ей продолжать работу в деревне. Рабочие, котор[ые] провели выборы в Учр. собр[ание], должны вести агитацию кроме партийной за выборы в советы и земельные комитеты.

Организационный план: выясняется, какие раб[очие] могут вести агитацию в деревне; [нужны] съезды этих агитаторов. Эта группа [агитаторов] должна сост[авить] комиссию при губ[ернском] комит[ете] партии. В ней должна концентрир[оваться] вся работа по губ[ернии]. [В дальнейшем] такая схема [работы среди крестьян] должна измениться, должны быть выбр[аны] [группы] «разбитных мужичков», которых следует собирать, но не записывать в партию, приучать таким образом крестьян [партийной работе]. С одной стороны — пролетарски[е] [партийные] орга-

* Т. е. на апрельской Московской областной партийной конференции 1917 г.

** В другом варианте подлинника протоколов зафиксировано: «Список, предложени[ый] Максимов[ским], принимается единогласно при одном воздержавшемся: 1. Ломов, 2. Стуков, 3. Максимовский, 4. Кизильштейн, 5. Манцев, 6. Янышев, 7. Сафонов, 8. Альперович, 9. Балашов, 10. Оводов, 11. Беленький, 12. Зимин, 13. Соловьев, 14. Сапронов» (143 лист подлинника протоколов).

низации, с другой — сеть крестьянских организаций для подготовки будущих членов партии [из крестьян]. [Необходимо] собрание сходов, вколачивание до поту [в сознание крестьян целей и задач партии]. Практические приемы [организации крестьян]: деревенские большевистские комитеты, клуб или вообще [культурно-просветительный] комитет из нескольких лиц. [Такому] комитету [необходимо] предлаг[ать] выделить представителя для связи с парт[ийным] комитетом. Волостные комит[еты] должны объединя[ться] в губ[ернские] и уездн[ые] комитеты, параллельно с организацией советов. [Докладчиком делается] ссылка на практику в Моск[овской] губ. [Должны быть организованы] крест[ьянские] секции при партийном комитете. Таким образом советы могут оказаться в руках большевиков.

[Докладчик] читает схему образования парт[ийной] организ[ации] [среди крестьян].

Кизильштейн. [Оратор отмечает] приговоры, присылаемые [крестьянами] в ОБ. Невозможно избежать определенно партийных [деревенских] организаций в связи с демобилизацией, когда в деревню вернутся вполне полноправн[ые] члены партии. Тенденция [со стороны крестьянства] к большевизму также следует удовлетв[орить]. По схеме т. Соловьева советы не сделаются большев[истскими], а, наоборот, создадут раскол.

Наряду со строго парт[ийными] организ[ациями] придет[ся] устроить организа[ции] сочувствующих, как и после корниловск[ой] истории (клубы для просеивания членов). [Необходимо организовать] деревенские клубы. Следует использовать аппарат избират[ельных] комиссий, [принимать] участие в съездах с[оветов] к[рестьянских] д[епутатов] в форме делегации от С. Р. и С. Д. (докла[ды]). [Необходимы] профессиональные организации бедноты, фракции [большевиков] в земствах, организации красной гвардии, как реальная гарантия завоеваний деревни.

[Вносятся]: предлож[ение] о прекращ[ении] прений, предл[ожение] прекрат[ить] запись ораторов, предл[ожение], ввиду присутст[вия] Ногина, перенести прения [на время] после обсужд[ения] вопро[са] о Ногине и Рыкове. [Голосовало] 22 за [первое предложение и] 5—за [третье].

Соловьев. [Докладчик говорит] о словах Кизильшт[ейна] насчет чисто парт[ийных] организаций [в деревне], чему Солов[ьев] не противоречит. Несогласие [у него с Кизильштейном] по вопросу об организации красной гвардии [в деревне], к чему нужно относиться весьма осторожно. Невозможно рекомендов[ать] всеобщее вооружение.

[Оглашается] резолюция Соловьева *.

Кизильшт[ейн] предлаг[ает] не вносить резолюции, а сдать материал в пленум ОБ для разработки плана [организационной работы в деревне]. [Предложение] прини[мается].

Предлагается вынести пожелание... ** Отвергается.

* Проекта резолюции т. Соловьева в подлиннике протоколов конференции не имеется.

** Пропуск в подлиннике протоколов.

Манцев предлаг[ает] передать [вопрос об организации крестьян на разработку] в ОБ. Приним[ается].

Максимовский [берет слово] по поводу выхода [правых большевиков] из ЦК партии и [Совнаркома]. Ногин должен подробно ознакомить с этим вопро[сом] конференцию. ОБ на [своем] пленуме постановило исключить этих товарищей из партии за нарушение партийной дисциплины. Дело не в формальных основаниях. Поступок их явл[яется] неслых[анным] в истории партии. [Нанесен] удар по партии. [Это] — факт огромного исторического значения. [Здесь] связь с саботажем [служащих]. Недопустимость такого действия. Московская гор[одская] организ[ация] вынесла пориц[ание], окружная — осуждение.

Ногин. [Доклад о выходе из ЦК партии и СНК]. Т[ов.] Максим[овский] указывает на наруш[ение] [партийной] дисциплины, отстаивая мнение, кот[орое] шло в разрез с мнением ЦК [партии], что неверно, так как они [ушедшие из ЦК и СНК] отстаивали точку зрения нескольких парт[ийных] организаций. Не было пост[ановления] ЦК о том, чтобы они выходили из СНК. О неслыханности поступка; это неверно, так как были прецеденты: Ленин о выходе из ЦК ³⁴. Намек на саботаж [со стороны Максимовского]. Если это так, то нас нельзя допускать на конфер[енцию]. Но на самом деле этого нет. Каменев и Милют[ин] назнач[ены] на ответств[енные] должности. Мы все время работали. Странно, если бы не понимали большого значения нашего шага. Мы предв[идели], что будет порицание и вражд[ебное] отнош[ение]. Интересы парт[ии], рев[олюции] и пролет[арского] класса толкали нас на этот поступок. Враги, принадл[ежащие] к другим партиям, могли обрадов[аться] этому. Тов[арищи], кот[орые] обр[ащают] вним[ание] на [их] слова, обыв[атели].

Причина [нашего] поступка — глубокое убеждение в том, что нужны не слова, а дела. Пролетар[ият] поймет, что мы должны были это сделать, что определ[ится], когда пройдет страстность. Из-за чего [мы вышли из ЦК и СНК]? При данном соотнош[ении] сил в стране чисто больш[евистское] прав[ительство] долж[но] пойти по пути террора. Созд[анное] правит[ельство] для защиты завоеваний революции легче осуществило бы программу. Вхожд[ение] [в правительство] крест[ьянских] комис[саров], [представителей] профсоюз[ов], викжеля [необходимо; они] должны войти и иметь влияние в СНК с большев[истским] большинством. ЦК осуществил это: были введены представ[ители] левых с.-р. ЦК подчерк[нул], что он ничего не им[еет] против вхожд[ения] в со-с[тав] СНК различн[ых] организаций. Оказывается, что мы были солидарны со всей партией. Почему же [мы] все-таки вышли [из ЦК и СНК]? В ночь на [7 ноября] 25 окт[ября], когда еще ничего не было известно о[б] исх[оде] [вооруженной борьбы], пост[авлен] был вопрос о созд[ании] власти ЦК, против одного Ленина, с лев[ыми] с.-р. После этого тов[арищи] указывали на различн[ые] меры, кот[орые] должн[ы] были осуществ[иться] для соглашен[ия]. Эти меры не были приняты, т[ак] как один

Ленин был против. Влиять на измен[ение] политики можно было только, передав обсужд[ение] [вопроса] всей партии. Гибель, по мнению вышед[ших]; надо было бы указать, что в партии нет демократизма, обвин[ить] Ленина в личном режиме. Заявл[яли] о том, что мы не сделаем этого. «Захворать», уйти из правит[ельства],—но это было недостойно. Надо было сказать открыто партии. Еще причина [нашего выхода] в том, что Ленин указал, что или его линия [должна проводиться] или наша: «Или я — или вы. Если вы, то мы будем бороться против вас всеми мерами». Мы не могли пойти на это. Когда линия партии определилась, мы думаем, что наша точка зрения восторжествовала. [Слышатся] обвинения со стороны организации, [предъявляется] требование, чтобы мы вернулись в ЦК. Враги партии [трубили] о расколе, что было очень вредно; [мы сделали] заявление о том, что, счит[аясь] с тем, что разноглас[ий] нет, мы берем обратно свое заявление [о выходе], и мы возвращ[аемся] в ЦК. Просили ЦК[а] напечатать [об этом], что не было сделано до сих пор. Заявление ЦК, — формальное заявление, — было подано, но не напечат[ано].

О двух крылах [партии]; [отмечают] правое крыло и различное понимание революции. Это не совсем так: данная рев[олюция] не буржуазная — в этом отношении нет разногласий. Вопрос об отнош[ении] к Учр. собр[анию] тоже не вызыв[ает] разногласий. Учр. собр[ание] — как средство утвержд[ения] [актов советской власти]; в противном случае — резк[ие] меры [против него]. Резолюция ОБ — плод недоразумения или нетоварищеск[ое] отношение к происшедшему. Сожаление есть, потому что тов[арищи] отнеслись [к нашему выходу] не так [как следует], увлеклись травлей в бурж[уазной] прессе. Мы ожид[али], что тов[арищи] отнесутся к нам как должно, потому что мы сделали не во вред [партии].

[Оратор говорит] о Малиновском ³⁵: никто не предлагал выгнать его из партии [за уход из Государственной думы], а Ленин защищал. Острота отнош[ения] к этому поступку. Если вы исключ[ите] нас, то я не пойду в другую партию, но многие из рабочих иначе реагируют на это, от чего я их удерживаю.

Вопрос: ходили ли [мы] на Обух[овский] завод для агитации: я не был [там], о других не знаю, не высказывался в не н[аших] орган[ах]. Верно ли, что [мы] собир[ались] открыв[ать] [свою] газету. Собирались на основании устава партии. На последн[ем] собр[ании] в Лонд[оне] ЦК [партии] разреш[ил] Богданову издавать газету ³⁶. [Какие] мотивы [нашего выхода], несмотря на то, что мы были в большинстве? 1) иначе, как делами, а не словами, [нельзя было обратить внимание партии на положение дел в ЦК]; 2) убеждение в том, что только так мы буд[ем] способствов[ать] пополнен[ию] СНК лев[ыми] с.-р. Мы достигли этого. Достигли своего.

Можете исключать.

Внутри — глубокое сознание того, что мы поступили честно и открыто. После того, как обнаруж[илась] бедность в рабочих, мне было нелегко видеть, что я не работаю в тех учрежд[ениях], [в] кот[орых] мы

должны были исполнять [волю партии]. Мы ни на минуту не переставали работать и сознавать всю тяжесть [своего] поступка.

[У нас сложилось] убеждение в том, что большинство ЦК не может поступать по-своему.

На вопрос, чем объясн[ить] превосходство] Ленина над большинством, не буду рассказывать об интимн[ых] причинах. Более основ[ательны] соображ[ения]: Ленин вождь, его имя им[еет] громадное значение, и он должен пользоваться влиянием: интимн[ые] подробн[ости] пойдут во вред партии.

Стуков. [Оратор говорит] о том, что Ногин забыл устав партии, п. 6 об издании газеты ³⁷. Надо было создавать организацию, а потом уже издавать орган. По существу поступок превзошел [своими последствиями] ожидания вышедших. Они разочаров[аны] в отношении к ним парт[ийных] организаций. [Партийный] ценз [вышедших] *. Конференции, кот[орые] порицают ушедш[их]; [ушедшие] заслужив[ают] их неодобр[ение]. Дело в понимании происходящих событий, в оппортунизме [вышедших], а не в возрастн[ом] ценз[е] (Плеханов) **. Дело [было] не так, как осв[ещает] Ногин. Нам стало известно из печати официальное заявление ушедш[их]. Дело не в интимности. Напрасно Ногин говорит о [их] согласии [с партией] во всех вопрос[ах]. [Была] агитация против восстан[ия] Каменева и Зиновьева ³⁸. Они изложили основательно свои взгляды, и мы знаем о правых большевиках. [Их] характеристика революции; они дум[али], что [слова] насчет [ее] социалистич[еского] [характера] — беллетрист[ика]. Затягивание революции ^{***}, как сказал Рыков. [Это] позиция меньшев[иков]. [Необходимо] расширение базы [советской власти]. [Но] важно, на каких условиях [заключать] соглашение с с.-р. Правые предлаг[али] сдел[ать] значит[ельные] уступки. Ногин не говорит о том, чт[о] гов[орит] Рыков.

[Достигнута] победа над с.-р., а не соглашат[ельство] [с ними]. Правые большев[ики] поступили бы соглашательски. Выход [их] — не случайность: прав[ые] большевики были против восстания. Объективно — [это] дезертирство, в то время когда надо было твердо стоять, а не дезертировать. Некотор[ые] из единомышл[енников] Ногина все же остались на своих постах. Это — честный поступок. Почему Ногин и Рыков не поступили так? В силу оппортунизма и политич[еской] трусости. Критическое положение не выдержали, потому что они оппортунисты. Не случайно, что и партийные организ[ации] высказались отрицательно и с порицанием. Воспоминания Малиновского... Вы — товарищи, а не провокаторы, поэтому мы так и относимся к вам. Кроме принцип[иальных] несогласий [есть] побочные обстоятельства, о которых не следует гово-

* Очевидно, имеется в виду их партийный стаж.

** Очевидно, имеется в виду указание на возрастной и партийный стаж Плеханова, не охранявший последнего от оппортунизма.

*** ...до возникновения ее в З[ападной] Европе. (См. речь т. Рыкова на данной конференции.)

рить. Несоблюдение [якобы] товарищеских отношений [с вышедшими]. Они говорят о том, что Ленин говорил им в частном разговоре. В этом случае Ногин забыв[ает] о том, что не надо выносить сор из избы. У нас есть только документ ушедших. Жалобы на Ленина везде, [в том числе] и во фракции Учр. собр[ания]. Такие поступки оставляют неприятн[ый] осадок. Раздувание того, что говорится неофициально. Нечего говорить об интимностях. Они говорят, что мы считаемся с тем, «что скажет [княгиня] М[арья] Алексевна»*, но это не так. Радость с.-р. по пов[оду] возможности раскола [нашей партии]. Лев[ые] с.-р.— гири у нас на ногах; они саботируют работу СНК. Пускай тов[арищи] с мест выяснят то впечатлен[ие], кот[орое] произв[ел] их уход. [Оратор говорит] о том, что тов[арищи], подавая заявление, лицемерят, говоря, что они во всем согласны [с партией]. Это — стремление опять внести старый вопрос и, может быть, выпереть Ленина. [Оратор говорит] о том, что Ленин заявил, что едва ли можно работать с ними в одной партии. Саботаж [их уход], вредный, дезорганизу[ющий] поступок, вредно отражающийся на революции. Мало порицания [за такие действия]; или уходите, или замолчите и подчиняйтесь [партии], не занимай[те] ответс[твенных] постов. [У вас были] выступления [не] на парт[ийных] собран[иях].

Коновалов. Два течения в партии. Нельзя обвинять вышедших из ЦК и СНК в нарушении партийной дисциплины. Нам нужны работники. (Усиевич [с места возражает]: это неправильно). Луначарский — поступок его еще хуже³⁹. Соглашение с лев[ыми] с.-р. осложняет вопрос. [Оратор отмечает] слова Милютина о желании Ленина сорвать съезд. Вопрос о вышедш[их] след[ует] разреш[ить] на партийном съезде.

Невский присоединяется к словам Стукова. Следует обращать внимание на существо вопроса. Ленин прав, предлагая им уходить, потому что нельзя было в критический момент поступать так, как поступили вышедшие [из ЦК партии и СНК]. Саботаж. Уход во время вооруженной борьбы. Каковы интересы партии и революции, — Ногин не сказал. Интересы были таковы, что нельзя было уходить. Они желали вовсе не указать партии на этот поступок. Они хотели только произвести раскол в партии, но этого им не удалось [сделать]. [Соображения] о возрастном цензе — это не аргумент. Слова Ногина о чисто большев[истском] правительстве. Это — теоретический довод, а не адвокатский; он указыв[ает] на то, что Ногин стоит на противоположной точке зрения. Соглашение. [В партии] два направления: оппортунистич[еское] и левое. Или уйти, или подчиниться.

Запись ораторов закрывается.

Балашов. [Оратор говорит] не о принципиальном [отношении к выходу товарищей из ЦК и СНК], а о том, что Ногин гов[орил], что они отстаивали интересы партии. Влияние этого поступка на местах. Напряж[енное] ожид[ание] на местах, борьба, во время которой был сдел[ан]

* Фраза из комедии Грибоедова «Горе от ума».

этот поступок. Пусть они не думают теперь, что это было добром для партии. Только благодаря стойкости Ленина поступок этот не имел гибельного значения. Трусость.

Янушев *. [Оратор отмечает] слова Ногина о том, что теперь проводится их тактика. Не гордость в том, что мы достигли соглашения [с] лев[ыми] с.-р. Принципиальное расхождение [между вышедшими из ЦК и СНК и партией]. Газета [в руках вышедших] — медвежья услуга [для партии]. Не хотим выносить интриги [заявляют они] и сейчас же [начинают] говорить о них. [Заявляют] о том, что Ленин явл[яется] вождем, что он прав, а вы пошли против него. [Это] — использование момента, когда нет работников. До сих пор с вами поступали по-товарищески. Все сказано, теперь нужно дело. Вам нужен был Викжель, который втерся, куда не следует. Надо было воздействовать иначе на Викжель. Не террор, а диктатура в социалистич[еской] революции. Порицание — слишком мягкая форма [воздействовать]. Для того чтобы не создалось такое же положение, как в партии с.-р., [нужно к вышедшим отнестись] более сурово. Рано или поздно должен произойти раскол.

Соловьев. Балашов просто подход[ит] к вопросу. Это не наш метод мышлен[ия]. Заклуч[ительные] слова Стукова тоже странны о молчаливом подчинении [вышедших из ЦК и СНК]. [Оратор говорит] о словах Ногина, о том, что они взяли обратно заявление о выходе из ЦК. Не следует выгонять [их] из партии. Они не покидали работы. След[ует] быть более осторожными. [Оратор говорит] о блудных сыновьях. [Надо выразить] негодование и порицание, но не выгон[ять] [из партии].

Борисов. Фактич[еская] поправка к словам Ногина о том, что вопрос о вхождении [в правительство левых] с.-р. остался открыт[ым]. Заявл[ение] одного из член[ов] ЦК на съезде. [Надо отметить] слова Рыкова о конфликте с Украиной. Их мнение, что Сов. Н. К. зарвался. Ногин не кается, как говорил Соловьев. Они опасаются даже насчет гражданской войны.

Седов. [Оратор говорит] о моменте ухода. [Это] — интрига. Ссылка на личный режим. Выход [из ЦК и СНК] правилен, если это режим имел место. До тех пор, пока нет точных данных, мы не можем судить о поступке.

Как течение [группа вышедших] подлежит исключен[ию].

Туровский. В момент боя в Москве [питерские] командиры прячутся в кусты. Партия должна быть чиста [от трусов].

Большун. Два течения [в партии]; правое им[еет] тенд[енцию] к меньшевикам. Недопуст[имо] допускать существ[ование] такого течен[ия]. Ссылка прав[ых] большев[иков] на места на Ногина. Недопуст[имость] раскола в партии.

Необходимо точно определить, к какому течению относит[ся] Ногин.

* В подлиннике протоколов описка, следует — Янышев.

Корон. Сообщение о выходе [товарищей из ЦК и СНК пришло] в тот момент, когда мы готовились к вооруж[енному] выступлению. Масса рабочих, шедших за нами, ушли с собрания без решения. На партийном собрании решили не судить ни Ленина, ни Ногина, а обрат[ить] внимание на то, как повлияло это на действия на местах.

Ногин. Зачем назыв[ать] меня товарищ[ем]. Председ[атель] не останавлив[ивал] ораторов, когда они говорили недопустимые вещи. [Это] не полемика, а ругань. Если мы для вас товарищи, то нельзя назыв[ать] [нас] трусами и т. п. Ругань не интересна. Такие выраж[ения] я отвожу в сторон[у], как вопросы, неприличные в этом собрании.

[Оратор говорит] о [шестом] параграфе устава партии. Группа несогласных, отыскавши организацию, кот[орая] разд[еляла] нашу точку зрения, могла бы тогда издавать газету [как] «Соц.-Дем.» и «Известия»; с друг[ой] стор[оны], мы могли бы просить просто утвержд[ения] [газеты] Ц. К[омитетом]. Не воспользов[ались] [мы] этим, так как было некогда, мы были на своих местах и работали. Во многих органах наша точка зре[ния] поддерживалась.

Оппортунизм — такое течение, кот[орое] из-за ближ[айших] выгод дня забыв[ает] конечные цели. Мы не забывали цели воор[уженного] восст[ания] и необходим[ости] социалист[ического] перев[орота], мы подчерк[ивали]...* [Мы] похожи на меньшевиков, минималистов? Те, кто так говорят, не знают о том, что было раньше. Я отстаивал точку зрения [на данную революцию, как] перех[одную] рев[олюцию] к социалистич[еской]. Я и теперь отстаива[ю] эту точку зрения. Рыков [и другие]: я не слыхал о том, что они иного мнения. Разноглас[ия] [в партии; пример дает] апрельская [всероссийская] конференция [1917 г.]. Большая партия [наша], оттенки мысли [в ней имеются], но [имеется и] возможность общей работы. Говорят: молчи, не думай; это не партия. Монополия для одного или 5 думать. За 20 лет я не выступ[ал] против дисциплины. Выход [из ЦК партии и СНК] — не есть нарушение дисцип[лины], а тольк[о] заявл[ение]. На непарт[ийных] собр[аниях] я не выступал. Не было постановл[ения] о невыходе из Совета. [Говорят] о том, что во время борьбы тов[арищи] дезертировали. Я только потом узнал, что я назн[ачен] в СНК. Линия в партии и разногласия есть. Мы говорим, что нет раскола. Разногласия должны быть обсуждены на съезде [партии]. Деморализация массы; [в данном случае] я признаю, что мы переоценили несознат[ельное] отношение к нам. Партия должна все знать что творится внутри ее.

Слова о занесении [нами] ножа [в спину партии в момент вооруженного восстания]. Это означает, что в момент победы вы не понимали [совершающегося]. В ЦК [партии] было ясно, что уже есть победа, у нас в этом не было сомнения, и мы могли...*

** Пропуск в подлиннике протоколов.

Ложь и клевета о том, что мы хотели раскола, такая же, как клевета на лев. с.-р. (о том, что они саботируют). Предателей надо открыто называть таков[ыми]. С.-р. идут за нами, надо честно относиться к своим союзникам. [Оратор говорит] о жалобах на Ленина и вынесении сора из избы, о выступл[ениях] на фракцион[ных] собр[аниях]. Ленин полемизировал с нами, по существу я согласен с Лениным, по личному вопросу я должен был ответить. Борисов говорил, что я неправильно освет[ил] факт о заседании ЦК. Мы принимали одно решение в ЦК, но потом эти решения не исполнялись. Сейчас надо говорить...*

Чем больше партия, тем больше в ней течений. Если вы хотите полного согласия, то вы разгоните всю партию. По моему мнению не так: надо [установить] общность действий, но возможны оттенки [мнений]. Мелочи не могут мешать идти вместе. Надо обсужд[ать] на парт. съезде разногласия. Не медвежья услуга, а ошибка [с нашей стороны], честное убеждение в правоте своих взглядов. Мы указыв[аем], что по тому вопросу, кот[орый] вызвал разногласия, их нет теперь.

Позиция партии укрепл[ается], а не колеблется. Странно, что мы не дорожили честью партии.

Не затем я говорил, что я 20 лет работаю, чтобы аргумент[ировать]...* Связь с партией не позволяет сказать, что я уйду в другую партию. Лев[ые] тов[арищи] заявл[яли] о том, что они могут перейти к анархистам (*Стуков*: это ложь).

Максимовский. Безобразие. Как можно запутывать вопрос, ясно поставленный. Не к месту споры о тактике. Нет определ[енного] выраж[ения] прав[ого] теч[ения] [в партии].

[Изложение Ногина] неверно по сути дела. При приглаше[нии] с.-р. [в правительство] вопрос о том, должны ли мы поступаться [властью], не в нечестно[сти], а [в] неслыханности поступка [вышедших из ЦК партии и СНК], принесшего вред партии. Дезертирство не с работы, а из СНК. Саботаж. Вопрос [стоит] не о дисциплине, хотя и это было, а о политическом выступлении. [Затем оратор говорит] о левых с.-р.

[Вносится] резолюция [по вопросу [о выходе части товарищей из ЦК партии и СНК]**.

[Предлагается] поправка: оставить [в резолюции] только порицание.

[Высказываются товарищи] по мотив[ам] голосования.

Поправка принимается: [голосуют] 32 за, прот[ив] 10, возд[ержалось] 6.

Поим[енное] голосование отклоняется.

Стуков [берет слово] по личному вопросу. Я сказал в закрытом заседании фракции, когда тактика правых элем[ентов] [партии] тормозила работу, я заявил в нервном состоянии о том, что лучше перейти к анархистам. Ногин использовал это [в свой речи].

* Пропуск в подлиннике протоколов.

** Проекта резолюции в подлиннике протоколов не имеется. Текст принятой резолюции см. приложение № 9.

Кизильштейн [заявил] о неправильном голосовании [резолуции], о колебаниях при голосовании.

Стуков [высказался] о необходим[ости] послать приветств[ие] Сов. Нар. Комис[саров].

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

ДОКЛАД О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСК[ОГО] ОБЛОСТН[ОГО] БЮРО ЗА ПЕРИОД ВРЕМЕНИ МЕЖДУ ИЮЛЬСКОЙ И ДЕКАБРЬСКОЙ ОБЛАСТНЫМИ КОНФЕРЕНЦИЯМИ

Июльская и декабрьская конференции отмечают собою два совершенно различных политических момента. В связи с этим и положение дел Областной организации с организационной стороны совершенно различно, как на местах, так и в центре.

На июльской конференции во всех докладах с мест согласно отмечалась остановка в росте местных организаций. В ряде организаций имело место даже уменьшение числа членов, а некоторые организации, не успевшие еще стать на ноги, после июльских дней совсем распались. Всюду на местах приходилось работать в обстановки ¹ страшной травли. В этот период исчезли последние объединенные организации в нашей области, и, как некий анахронизм, до настоящего времени уцелела только одна объединенная организация в Моршанске.

После корниловских дней положение стало быстро и резко изменяться. В сентябре началось массовое обращение в большевизм. В тех глухих местах, в которых организации в июле распались под влиянием травли и появление большевистских агитаторов грозило им избиением, теперь достаточно было одного митинга, чтобы оказалось множество желающих вступить в партию. За сентябрь вновь восстановились все распавшиеся организации, возникли новые в пунктах, где их раньше не было, у Областного бюро завязались новые связи с неоформленными еще группами. Даже в Тамбовской и Рязанской губ., этих неприступных твердых с.-р. и меньшевиков, вдруг обнаружались большевистские группы, вошедшие в связь с Областным бюро. И еще до Октябрьской революции началось заметное увеличение связи с деревней, которое после переворота приняло прямо огромные размеры: целыми волостями голосовали на выборах в Учред[ительное] собрание за большевистские списки и целыми волостями выражают желание записаться в партию, присылают в Москву в Област[ное] бюро специальных ходоков с покрытыми многочисленными подписями приговорами с указанием размера установленного обществом вступительного взноса. Но как раньше, так и теперь Областное бюро не находит основания отступать от своего отрицательного отношения к массовой широкой записи и в таких случаях передает новые связи в ближайшие организации для проверки и выделения на месте новой партийной организации. Несомненно, что в ближайшее после конференции время очередной организационной задачей Област[ного] бюро будет постановка работы в деревне.

Тем не менее число организаций в области по сравнению с июлем очень возросло. Если в июле мы насчитывали 56 организаций с 45 000 членов, то теперь в секретариате Област[ного] бюро зарегистрировано 82 организации с числом членов около 70 000 членов. Кроме того имеется очень значительное число связей с отдельными лицами и группами.

Начиная с августа, местные организации вступили в своеобразный кризис, который с течением времени становится все острее. В связи с завоеванием большинства в Советах, с началом работы в городских и земских самоуправлениях, в которых мы в ряде мест также имеем большинство, оказался всюду на местах огромный недостаток людей. Имеющиеся партийные работники загружены свыше всякой меры, а новые вырабатываются из масс, очевидно, слишком медленно.

¹ В оригинале описка: следует писать — обстановке.

Особенно остро недостаток работников сказывается теперь, когда Советам приходится брать на себя функции местных органов управления. Судя по тем сведениям, которые имеются в Област[ном] бюро, потребность в партийной школе выдвигается с особенной остротой.

В связи с этим недостатком в людях страшно хромает общий организационный аппарат партии. Хотя на июльской конференции мы поставили своей ближайшей очередной задачей постановку правильной регистрации членов, правильных делопроизводств, счетоводства и отчетности, не только разрешить, но даже и приступить к разрешению этой задачи нам не удалось. С другой задачей, о которой мы говорили на июльской конференции, созданием районных и губернских объединений, дело было несколько удачнее. За это время удалось окончательно оформить Гусевской, Александровский и Владимирский районы. В связи с выборами в Учредит[ельное] собрание всюду состоялись губернские конференции. За исключением Тульской все они были полные и удачные. Но губернские комитеты, выбранные на этих конференциях, почти нигде не оказались жизнеспособными органами, на местах не хватает сил для обслуживания этих новых организаций. Плохо обстоит дело и с третьей организационной задачей, поставленной нами себе в июле,—установлением более тесных и живых организационных отношений между Област[ным] бюро и местными организациями: попрежнему местные организации мало пищут, не присылают ни протоколов, ни отчетов, слабо поступают отчисления, на все это, очевидно, не хватает ни времени, ни сил. Так, из протоколов многочисленных губернских конференций Област[ное] бюро получило только протокол Калужской конференции.

Что касается самого Област[ного] бюро, то оно также все время испытывает острый недостаток в людях. Если к моменту июльской конференции количество работников Област[ного] бюро было наибольшим и работа его достигла максимального размаха, то с этого времени число работников начинает быстро уменьшаться, и работа Област[ного] бюро падает. Некоторые, будучи выбраны в ЦК, переехали в Петроград, некоторые прикрепились к Москве, другие просто выбыли. В отдельные моменты Област[ному] бюро все же удавалось, пользуясь временно появившимися товарищами, вновь повышать свою деятельность, увеличивать число поездок в область, обслуживать съезды, давать лекторов и т. д. Перед октябрьским переворотом Област[ному] бюро путем колоссального напряжения сил удалось всю область приготвить к перевороту. Искл[ючительно] благодаря предварительной работе Област[ного] бюро Москва получила в дни восстания такую значительную поддержку из области. Но в ноябре уход меньшевистского секретариата Област[ного] бюро Советов оттянул последние наши силы, и в данный момент у Област[ного] бюро есть только один разъездной работник, которым оно может вполне располагать. Заседания узкого состава [бюро] в последнее время бывают так малолюдны, что не всегда налицо бывает кворум. При таких условиях обслуживать область так, как оно делало это раньше, Област[ное] бюро не может. Между тем ясно, что область, как организационная единица, может существовать только при наличии сильного центра. Надо стало быть некоторое, очень небольшое хотя бы, количество работников стянуть с мест в центр, дав в то же время местам новые кадры работников, проведя их через партийную школу. За эти четыре месяца членами и работниками Област[ного] бюро было совершено 9 маршрутных поездок по области и 25 поездок в отдельные города области. Во время этих поездок читались лекции, делались доклады на съездах Советов, проводились митинги, губернские и районные партийные конференции. Почти все губернские конференции проходили при участии работников Област[ного] бюро. Кроме того в Н.-Новгород, Кострому и Тулу Област[ное] бюро дало работников на длительный промежуток времени в несколько месяцев. В августе Област[ным] бюро была организована группа по политическим процессам интернационалистов. Ею было проведено в Москве 2 дела по освобождению двинцев и нижегородцев и сделаны две поездки в провинцию. Теперь же, она, конечно, ликвидировалась.

Пленумом Област[ного] бюро в августе было решено поставить работу агита-

ции и пропаганды среди рабочих, была избрана комиссия, которая в сентябре приступила к работе в Москве. Была создана общегородская комиссия по ведению агитации и пропаганды среди рабочих и ряд районных, был проведен общегородской женский митинг. Октябрьская революция прервала эту работу.

Была издана некоторая литература в связи с выборами в уездные земства: листовки, плакаты и юдна листовка перед выборами в Учред[ительное] собр[ание]. Пред-выборная работа Област[ного] бюро перед Учред[ительным] собр[анием] ограничилась проведением губернских конференций, изданием этой листовки и созданием нескольких землячеств: калужского, тульского, орловского, смоленского. Земляческая кампания принадлежит к числу неудачных кампаний, она разбилась о равнодушие московских рабочих и солдат. Октябрьская революция прервала работу Област[ного] бюро в связи с выборами в Учредит[ельное] собран[ие].

Деятельность Област[ного] бюро по распространению литературы за период июль—сентябрь (до 22 сентября) выразилась в следующих цифрах: брошюр—110 784, листов—26 411, портретов—4 300. По месяцам продажа распределяется следующим образом: за июль—57 827 брошюр, за август—24 515, сентябрь—28 322.

В сентябре Област[ным] бюро совместно с Московским комитетом и Московским окружным комитетом был открыт, наконец, партийный книжный магазин, над организацией которого Област[ное] бюро хлопотало с весны. Благодаря тому, что заведывание попало к опытному и энергичному товарищу, магазин со второго месяца встал на собственные ноги и теперь дает даже некоторую прибыль, которая вся остается в его распоряжении. В настоящее время магазин торгует в среднем на 1 000 руб. в день. Магазин имеет самостоятельную кассу. Тремя организациями-владельцами было вложено в магазин как наличными, так и книгами. Област[ное] бюро со своей стороны вложило наличными деньгами около 2 600 руб. На помощь магазину при его организации пришел Ковровский комитет нашей партии, давший заимообразно сумму в 2 000 рублей.

Перед Октябрьской революцией Област[ным] бюро и Московским комитетом были сделаны кое-какие шаги по созданию самостоятельного издательства. Октябрьские дни прервали эти шаги, и одной из ближайших задач Област[ного] бюро после настоящей конференции будет постановка издательства. Местные организации должны притти на помощь и изыскать средства, хотя бы заимообразно.

В сентябре Област[ным] бюро совместно с Московским комитетом и Окружным комитетом был организован секретариат при Муниципальном совете, задачи которого состояли в собирании материалов, практической и теоретической разработке вопросов городского и земского хозяйства, доставлении справок городским и земским фракциям в провинции и т. д. На первые два месяца на поддержание секретариата Муниципального совета Област[ное] бюро ассигновало по 400 руб. ежемесячно.

Бюджет Област. бюро за эти месяца выражался в след. цифрах:

Месяцы	Приход	Расход
Июль	9 482 р. 27 к.	8 137 р. — к.
Август	20 246 » 38 »	16 143 » 77 »
Сентябрь	20 204 » 80 »	17 653 » 18 »
Октябрь	15 673 » 92 »	13 576 » 38 »
Ноябрь	11 527 » 91 »	9 103 » 18 »

Падение цифр прихода и расхода за октябрь и ноябрь объясняется тем, что, в связи с открытием книжного магазина, от Област. бюро отпали все связанные с литературой операции.

Хотя каждый месяц имеет баланс благоприятный, но Област. бюро имеет, как и в июне, довольно крупные долги: конторе «Социал-демократ»—1 003 руб. 40 коп., «Заем-Жертва» 9 212 руб. 70 коп., Военной организации—878 руб. 77 коп., Московскому комитету—9 426 руб. 70 коп., всего—20 521 руб. 57 коп. Нам должны на 1

декабря: книжный магазин «Волна»—6 390 руб. 45 коп., Окружной комитет—1 378 руб. 95 коп., Калужский комитет—486 руб., Калужское землячество—100 руб., мелких долгов за тт.—561 руб. 50 коп., всего—8 916 руб. 90 коп. Следовательно, наш долг к 1 декабря выражается в сумме 11 604 руб. 67 коп. Благодаря этим долгам мы могли покрыть дефицит, который получился на 1 декабря в сумме 7 391 руб. 19 коп. По месяцам этот дефицит располагается так: в июле—129 руб. 73 коп., в августе—2 559 руб. 36 коп., в октябре—1 552 руб. 12 коп., в ноябре—4 176 руб. 01 коп., всего—8 417 руб. 22 коп. В сентябре, благодаря сравнительному увеличению поступлений отчислений и за литературу получился остаток в 1 026 руб. 03 коп. С отчислениями в кассе Област. бюро дело обстоит также плохо, как и до июльской конференции. За июль отчислений поступило 915 руб. 01 коп. Между тем организационные расходы Област. бюро, расходы по его содержанию достигли 4 016 руб. 93 коп., т. е. отчисления покрыли только 22,8% этих расходов, тогда как в апреле они покрывали 41,6%, в мае 36,3%, в июне 37,3%.

В августе отчисления составили 374 руб. 15 коп., а организационные расходы и расходы по содержанию Област. бюро—3 300 руб. 33 коп., т. е. отчисления покрыли всего лишь 10,1%. Немудрено, что в этот месяц Област. бюро должно было занять свыше 3 000 рублей.

В конце августа Област. бюро обратилось к местным организациям с циркулярным письмом по этому предмету. В сентябре отчисления дали 1 106 руб. 91 коп., а организационные расходы и расходы по содержанию Област. бюро составили 11 070 руб. 36 к., т. е. отчислениями покрыто только 9,9%. В октябре отчисления составили 1 374 р. 59 коп., а организационные расходы и расходы по содержанию Област. бюро составили 7 093 р. 12 к., т. е. отчисления покрыли 19,9% этих расходов.

В ноябре отчисления дали 538 р., а организационные расходы и расходы по содержанию Област. бюро—5 882 р. 78 к., т. е. покрыли только 9,1%. До октября Област. бюро могло существовать только потому, что имело кое-какой приход от литературы и делало долги. С октября Област. бюро в долг никто не давал еще, и если оно еще существовало, то только потому, что операция «Займа-Жертвы» дала еще некоторые суммы. В будущем оно может окончательно обанкротиться, если местные организации не обратят на эту сторону дела серьезного внимания.

«Заем-Жертва» также плохо проводился на местах. За все время Област. бюро получило только 9 212 р. 70 к. В августе—220 р., в сентябре—1 636 р. 75 коп., в октябре—3 170 р. 25 к., в ноябре 4 185 р. 70 к. Таким образом «Заем-Жертва» покрыт только в размере 3,7%. Местные организации должны приложить все усилия к более широкому распространению билетов «Займа». Это должно быть делом чести наших организаций. Несмотря на большую стесненность в средствах, Област. бюро все же считало себя обязанным оказать поддержку разгромленной Калужской организации нашей партии в размере 1 500 рублей.

За этот период времени Област. бюро проведен в области ряд политических кампаний. Сюда относится кампания в связи с августовским и сентябрьскими демократическими совещаниями. По инициативе Област. бюро в первом случае были всюду проведены митинги и демонстрации протеста под определенными лозунгами, а в некоторых местах стачки. Во втором случае Област. бюро предлагало устраивать митинги и посылать в Петроград делегации от фабрик, заводов и воинских частей; последнее в ряде мест было встречено очень сочувственно.

Но самым крупным делом Област. бюро является подготовка октябрьского выступления. Еще с сентября Област. бюро заняло определенную идейную позицию, повело в области через своих работников соответствующую идейную кампанию. Получив резолюцию ЦК от 10 октября, Област. бюро придало подготовке политический характер. Были сделаны объезды всех крупных центров области, которым поручено было объехать более мелкие пункты. Был дан ряд практических указаний, были установлены условные телеграммы, собраны сведения военно-технического характера и т. д.

Област. бюро может с полным правом сказать, что организация октябрьского выступления в области принадлежит ему.

(«Социал-демократ» № 232 от 13 (26) декабря 1917 г., стр. 3).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ 10 ОКТЯБРЯ (27 СЕНТЯБРЯ) 1917 Г. ПЛЕНУМОМ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО БЮРО РСДРП (б.)

1. Российская революция подошла к своей последней ступени и все более обнаруживает свой характер, как революции социальной, переходной к социализму. Содержание ее ближайшего этапа—повсеместная перестройка производственных отношений. Хозяйственный распад достиг огромной степени. Страна переживает постепенное разрушение целых отраслей производства, нарушение общественного обмена между ними, распадение на отдельные хозяйственные районы, появление натурального обмена. Только немедленное решительное вмешательство пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, в ход производства и обращения, связанное с завоеванием ими политической власти, может предотвратить катастрофу. Революция принимает вид движения децентрализованного, широко раскинутого по всей стране, массового, весьма обостренного («гражданской войны») и направленного столько же на разрешение экономических, сколько и политических задач. Задача революционной с.-д. заключается одновременно в углублении и расширении этого движения, вовлечении в него широчайших масс и в придании ему единого и организованного характера.

2. Классовые предпосылки для разрешения задач этого этапа революции вполне созрели. Классовое расслоение в послеоктябрьские дни достигло высшей точки. На сторону революционного пролетариата переходят все большие массы полупролетариев города и деревни. В стане буржуазии собираются все реакционные слои мелкой буржуазии, большая часть интеллигенции, зажиточное городское мещанство и кулацкие слои деревни. Классовая борьба принимает вид неприкрытого столкновения основных классов общества.

Борьба внутри страны неотделима от борьбы с международным капиталом, политика которого является главным препятствием, стоящим на пути русского революционного движения. Необходим разрыв с союзным капиталом и открытое провозглашение Республикой Советов всеобщего демократического мира и немедленного перемирия. Только тогда будут развязаны силы международной революции и только [тогда] русская революция завершит свое развитие.

3. Примиренческие течения переживают полную политическую гибель и распад. «Крепкие» мелкобуржуазные слои из их среды присоединяются к реакционному буржуазному блоку, сдавая без боя последние остатки своей демократической программы. Полупролетарские элементы примиренчества открыто примыкают к революционной с.-д. Цепляясь за центральную власть и за часть представительных учреждений (дум, земств, ЦИК), оставшихся в их руках, примиренцы пытаются наладить буржуазно-кулацкую коалицию саботажа и гражданской войны, стараются опереть ее на подтасованное дутое представительство и тем затормозить развитие классового сознания и классовое расслоение до того момента, когда развал достигнет крайнего предела или когда им удастся стянуть силы.

4. В условиях настоящего момента политическая борьба переносится из всяких представительных учреждений на улицу. Важнейшей задачей дня является борьба за власть, которая в условиях настоящего времени начинается неизбежно с борьбы на местах с продовольственной, жилищной и хозяйственной разрухой. Поэтому Обл. бюро считает, что партия пролетариата должна, идя навстречу массовому стихийному, все нарастающему движению, немедленно приступить к организации и оформлению этого движения в решительный революционный акт, направить его в русло борьбы за власть Советов во всероссийском масштабе. Для этого необходимо создание бое-

вых центров в крупных промышленных городах, тесная между ними связь и немедленный созыв Всероссийского съезда Советов, на котором партия пролетариата потребует провозглашения перехода всей власти в руки Советов, декретирования всей земли народу, немедленного заключения перемирия и предложения демократического мира всем воюющим странам.

(Резолюция публикуется впервые).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

РЕЗОЛЮЦИЯ ВЛАДИМИРСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

Заслушав доклад о текущем моменте, Владимирский губернский съезд сов. раб. и солд. депутатов постановил:

1. Объявить Временное правительство и все партии, его поддерживающие, правительством и партиями измены революции и предательства народа.

2. Считать отныне все Советы Владимирской губернии и их губернский центр (губернский исп. комитет) на положении открытой и беспощадной борьбы с Временным правительством.

На основании этого:

3. Установить как по отношению к распоряжениям самого Временного правительства, так и его агентов на местах, полную свободу действия, приступая немедленно к их регулированию политической, хозяйственной и иной жизни своей собственной властью, строго сообразуясь с интересами трудовых масс различных районов.

4. Обратиться с призывом к Советам крестьянских депутатов вступить на тот же путь активной революционной борьбы с правительством народной измены, чтобы помочь рабочим и солдатам спасти страну и революцию.

В заключение Владимирский губернский съезд сов. раб. и солд. депутатов обращается к товарищам матросам Балтийского флота с горячим приветом и заверением, что рабочие и солдаты Владимирской губернии не оставят их в героической борьбе за революцию.

Долой Временное правительство! Да здравствует революция! Да здравствует мир между трудящимися всего мира!

(«Социал-демократ» № 186, 18 (31) октября 1917 г., стр. 3)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА РСДРП

Заслушав доклад Областного бюро, конференция одобряет его действия во время Октябрьской революции и приветствует решительную революционную политику, которую всегда отстаивало Областное бюро в согласии с большинством ЦК.

Наряду с этим конференция считает необходимым предложить всем делегатам в целях финансовой поддержки Областного бюро использовать все средства, указанные в уставе партии, выработанные практикой партии.

В заключение конференция подчеркивает настоятельную нужду в создании партийной школы и предлагает принять все меры для скорейшего выполнения этой задачи.

(«Социал-демократ» № 232 от 13 (26) декабря 1917 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5.

ПРОТОКОЛ [ОТ] 9/XII 1917 Г.

Ревизионная комиссия в составе тт. Воронина, Лещинского, Белова, Сапронова и Черняк, осмотрев кассовую книгу и документы к ней, обнаружила:

По приходу за февраль недостает документов на сумму	542 р. — к.
» расходу » » » » »	180 » — »
» приходу за март » » » »	2 821 » 74 »
» расходу » » » »	822 » 55 »
» приходу за апрель » » » »	4 476 » 23 »
» расходу » » » »	1 877 » 20 »
» приходу за май » » » »	7 235 » 93 »
» расходу » » » »	5 773 » 49 »
» приходу за июнь » » » »	9 304 » 91 »
» расходу » » » »	405 » 46 »
» приходу за июль » » » »	4 098 » 12 »
» расходу » » » »	213 » 28 »
» приходу за август » » » »	10 394 » 33 »
» расходу » » » »	1 159 » 35 »
» приходу за сентябрь » » » »	10 405 » 78 »
» расходу » » » »	5 743 » 85 »
» приходу за октябрь » » » »	5 871 » 49 »
» расходу » » » »	3 995 » 95 »
» приходу за ноябрь » » » »	6 553 » 40 »
» расходу » » » »	1 » 55 »

Недостаток документов объясняется в значительной степени ненормальными условиями, при которых велась партийная работа; тем не менее ревизионная комиссия выражает пожелание, чтобы впредь на всякий приход и расход имелись бы оправдательные документы.

Остаток кассы на 9/XII оказался налицо, в сумме две тысячи шестьсот шестьдесят девять руб. 99 коп. (2 669 р. 99 к.).

Окончательный подсчет производился тремя членами ревиз. комиссии, ввиду отсутствия по неотложным делам гг. Белова и Сапронова.

Председатель рев. ком. *И. Воронин*. Секретарь *М. Черняк*. Член *З. Лешинский*.

(Резолюция публикуется впервые).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ (ОБЛАСТНОЙ) ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРОМЫШЛ[ЕННОГО] РАЙОНА РСДРП

I.

1) Октябрьско-ноябрьская революция пролетариев и полупролетариев России, направленная против диктатуры буржуазии, нанесла вместе с тем решительный удар мировой империалистической войне и открыла собою эру действительной революционной борьбы народов за всеобщий демократический мир.

2) Заключенное перемирие на Восточном фронте⁴⁰, которое должно превратиться в перемирие на всех фронтах, является одним из первых шагов в этой борьбе масс за демократический мир в международном масштабе.

3) При таких условиях конференция считает совершенно необходимым, очередной задачей и социалистическим долгом перед международным пролетариатом созыв международной Циммервальдской конференции правительством победоносной революции для выработки общего плана борьбы с капитализмом и войной в международном масштабе⁴¹.

Этим самым приблизится час заключения всеобщего демократического мира, будет ускорен процесс развязывания социалистической революции и крушение диктатуры буржуазии.

II.

1) Русская революция пролетариев и полупролетариев при господстве финансового капитала и затяжной империалистской войны не могла не принять характера величайшего социального переворота.

В этих условиях борьба классов чем дальше, тем более обострялась, превратившись в беспощадную гражданскую войну; она быстро вытравляет промежуточные мелкобуржуазные слои и образует бездонную пропасть между двумя основными силами современного общества—пролетариатом и буржуазией. Хозяйственная разруха, вызванная войной и обостряемая саботажем буржуазии, ее прислужников и политикой бесконечного затягивания империалистской бойни, еще более ускоряла образование этой социальной пропасти, причем на сторону пролетариата все решительнее переходили полупролетарские слои деревни, на сторону же буржуазии и помещиков—средняя и мелкая буржуазия, мещанство города, служащие и кулацкие верхи деревни, бесчисленными нитями связанные со всем строем буржуазного хозяйства и руководимые партиями правых с.-р. и меньшевиков.

2) Идея сотрудничества классов, наиболее ярко выразившаяся в создании коалиционных министерств, при таких условиях не могла не потерпеть полного краха и не ускорить наступления открытого вооруженного столкновения в борьбе за власть, захвата ее пролетариатом и полупролетарскими слоями и образования Советской республики с правительством Совета народных комиссаров.

3) Борьба между силами контрреволюции, группирующимися по преимуществу вокруг партии к.-д., и силами революции с пролетариатом в авангарде—не могла принять затяжного характера. Буржуазия, раздавленная в открытом бою на Севере, перебросила знамя восстания на Юг, организовала калединщину и дубовщину; она использует националистические стремления Украины, находящие опору в отсталости экономического развития и в слабости пролетарских слоев населения, в интересах восстановления диктатуры капитала и аграриев; она организует в невиданных в истории размерах промышленный саботаж, саботаж чиновников, врачей и др. прислужников капитала.

4) Глубокий экономический и финансовый кризис, вызванный затяжной империалистской бойней и осложненный объективно необходимой в условиях социалистической революции коренной ломкой капиталистических форм, буржуазия стремится использовать в целях усугубления этого кризиса для дальнейшей дезорганизации народного хозяйства и срыва революции.

5) Наибольшей остроты и упорства борьбы двух основных сил общества—буржуазии и пролетариата—достигает в политической области. Все средства политического угнетения пролетарских и народных масс («свобода» или протестирование буржуазной печати, буржуазный суд, принципы буржуазно-демократического мещанского представительства и др.) пущены в ход буржуазией. Все буржуазные политические формы используются ею в тех же целях. При социалистическом характере русской революции и при наличии упорной и беспощадной гражданской войны в стране, Учредительное собрание также является одной из таких политических форм, которые буржуазия стремится использовать в этих своих целях.

Ввиду этого, Областная конференция РСДРП полагает:

1) Что одной из главнейших задач революции является мобилизация всех ее сил для организованной массовой вооруженной борьбы с восстанием буржуазной контрреволюции (Дон, Оренбург, Украина).

Конференция считает одним из наиболее действительных средств такой борьбы немедленную организацию Красной гвардии в самых широких размерах и вооружение всех рабочих.

2) Конференция считает, что в рамках капиталистического общества—вообще всякое представительство, организованное по общенациональному принципу, не может быть «истинным выразителем воли народа», «верховным хозяином страны», что

я обнаружилось с полной ясностью в условиях настоящей революции. Обеспечить развитие и укрепление настоящей революции может лишь представительство, организованное по классовому принципу (представительство Советов).

3) При таких условиях Учредительное собрание не способно разрешить задач, поставленных перед революцией.

Партия пролетариата, всемерно отстаивая Советскую республику, должна беспощадно разбивать все иллюзии, связанные с Учредительным собранием и другими парламентскими формами; она должна добиваться недопущения в Учредительное собрание идейных руководителей буржуазного восстания (партия к.-д.), не останавливаясь ни перед какими мерами в борьбе с попытками тех или иных групп использовать Учредительное собрание в целях контрреволюции.

4) Пролетариат должен направить свои силы на радикальное уничтожение всех буржуазно-правовых и буржуазно-хозяйственных отношений, укрепление режима диктатуры пролетариата и полупролетарских слоев населения, на энергичную борьбу с саботажем буржуазии.

5) На местах вся власть должна сосредоточиваться в руках Советов, которая должна подчинить все учреждения как хозяйственные, так и административные (в частности этой властью должен быть введен немедленный контроль над банками, учреждениями, ведающими распределением сырья, фабрично-заводскими предприятиями, продовольственными комитетами, всеми административными учреждениями и т. д.).

6) Необходимо усилить создание партийных и советск[их] организаций, работу в деревне среди пролетарских и полупролетарских элементов, созвать съезд представителей волостных и деревенских земельных комитетов для обсуждения вопросов, связанных с организацией власти, с организацией землепользования и с налаживанием аппарата обмена продуктов фабрично-заводской промышленности на продукты сельского хозяйства в наиболее широком масштабе.

7) Необходимым условием разрешения задач, поставленных революцией, и победоносного завершения ее является диктатура пролетариата и полупролетарских слоев населения, нашедшей свое выражение в Советской республике, Совете народных комиссаров и в его политике.

(Социал-демократ» № 231, от 12 (25) декабря 1917 г., стр. 3)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА РСДРП

Исходя из общих наших взглядов на роль Советов в революции и из оценки особых условий работы в областной организации Советов, Московская областная конференция РСДРП предлагает местным организациям принимать деятельное участие в областном советском объединении, поручает большевистской фракции предстоящего съезда, в случае прочного большинства за сторонниками наших взглядов на этом съезде, создать областной орган власти из представителей президиума Областного исполнительного комитета и президиума Московского совета Р. и С.-Д., в случае же отсутствия такого большинства—признать временно Областной исполнительный комитет органом информационным.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

РЕЗОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП 7—9 дек. 1917 г. ОБ ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Крайнее истощение за три года войны, при хищническом хозяйничаньи буржуазии, всех запасов сырья и топлива.

2. Катастрофическое состояние транспорта в настоящем и ожидаемое в ближайшем будущем, острый недостаток транспортных средств.

3. Громадные усилия и средства, необходимые в процессе демобилизации для восстановления народно-хозяйственного организма и для поддержания, вызываемой этим процессом, армии безработных.

4. Общее понижение производительности труда во всех отраслях народного хозяйства и несоответствие количества продуктов городского и сельского хозяйства и вытекающий отсюда острый продовольственный кризис.

5. Полное расстройство менового аппарата, благодаря наводнению и беспрерывному обесцениванию бумажных денежных знаков и, наконец, глубокое потрясение всех основ современного капиталистического хозяйства,—все это создает объективную невозможность возвращения к прежним хозяйственным формам и выдвигает необходимость хозяйственной диктатуры органов советской власти. Основная задача этих органов сводится к организации производства и потребления в интересах широких народных слоев населения. Для проведения в жизнь организуется в центре Высший совет народного хозяйства, а на местах—областные, районные и подрайонные организации народного хозяйства, в состав которых входят и органы рабочего контроля.

В деле организации производства и потребления Высший совет народного хозяйства проводит следующие мероприятия:

1) объединяет и согласовывает работу районных органов (собирает статистические материалы, устанавливает права и обязанности местных экономических органов, способствует обмену продуктов между различными районами и областями и пр.); 2) вырабатывает основные положения экономической политики: а) о принудительном синдицировании отдельных отраслей промышленности, б) о национализации уже синдицированных отраслей промышленности (нефть, уголь и пр.), в) о разных формах правления предприятиями (секвестр, правительственное правление, конфискация); 3) вырабатывает форму контроля как в центре, так и на местах над банками и с постепенным распространением функций контроля над всеми операциями банка; организует как в центре, так и в промышленных районах специальные банки под непосредственным контролем органов советской власти по финансированию промышленных предприятий путем изъятия всех этих функций из частных банков; 4) проводит законы о принудительном кооперировании всех слоев населения как города, так и деревни; 5) вырабатывает основные положения и соответствующий аппарат для международного обмена.

Задачи районных органов сводятся к следующим мероприятиям:

1) учет всего наличного оборудования, сырья и топлива, рабочей силы, транспортных средств (железной дороги, водного и гужевого), производительности отдельных предприятий, готовых продуктов и потребностей населения района в предметах городского и сельского хозяйства; 2) фиксация средних цен в пределах района; 3) выполнение всех мероприятий по демобилизации каждой отрасли промышленности, считаясь с потребностями района, преимущественно деревни, и в зависимости от наличия оборудования, транспортных средств и местонахождения производства от источников сырья и топлива; 4) распределение сырья, топлива и заказов; 5) создание специальных органов для обмена между городом и деревней в пределах района.

(«Социал-демократ» № 232 от 13 (26) декабря 1917 г., стр. 3.)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9

Московская областная конференция РС-ДРП, рассмотрев вопрос о выходе нескольких товарищей из ЦК и из Совета народных комиссаров, постановила вынести им порицание.

(Резолюция публикуется впервые)

ПРИМЕЧАНИЯ

²³ Земгор—объединение Земского союза и Союза городов, поставивших своей целью организацию губернскими и уездными земствами и городскими думами обслуживания санитарных, продовольственных и прочих нужд армии на фронте и в тылу. Особенно активную работу Земгор повел после разгрома русской армии в Галиции весной 1915 г. Он получал крупные государственные субсидии, организовал большую сеть собственных учреждений и предприятий, объединил вокруг себя большое число сотрудников и, опираясь на них, пытался оказывать свое влияние на политическую жизнь страны в годы империалистической войны. В годы гражданской войны Земгор оказывал помощь белым армиям, а после нее—в организациях белой эмиграции.

²⁴ Коллегии, комиссии, отделы солдатского пайка—советские организации, ведавшие выдачей денежных пайков семьям мобилизованных солдат и солдатам—инвалидам в первый период после Октябрьского переворота. До Октября выдачей пайка ведали попечительства о бедных.

²⁵ Калужские события (1 ноября) 19 октября 1917 г. выразились в обстреле и разгроме Калужского совета рабочих и солдатских депутатов прибывшими в город (30) 17 октября казацким и драгунским полками, в аресте большевистских лидеров и в высылке на фронт большевистски настроенного Калужского гарнизона. Разгром Совета и прочие репрессии в Калуге проводились прибывшими в город войсковыми частями под руководством правительственного комиссара. Погромщики открыто угрожали такой же расправой и другим большевистски-настроенным Советам, в том числе и Московскому Совету.

²⁶ Первые дни после своего бегства из Быхова Корнилов вместе с своим отрядом двигался походом в конном строю. «26 ноября (ст.ст.) при переезде железной дороги Брянск—Гомель в районе станции Унеча и станции Гута полк был дважды обстрелян пулеметами и артиллерийским огнем пехотными командами и броневыми поездами. Полк понес потери убитыми и ранеными. Во время сильного обстрела в упор блиндированным поездом у ст. Гута полк быстро отступил в разных направлениях в ближайшие леса и деревни. Под генералом Корниловым убита лошадь» (Из VI т. «Резолюция 1917 г. (Хроника событий)», октябрь—декабрь, стр. 216). Вероятно, этот факт разгрома беглецов имел в виду оратор.

²⁷ Викжель—Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожных рабочих и служащих, избранный на всероссийском учредительном съезде железнодорожников в Москве (5 сентября) 23 августа. В составе Викжеля преобладали представители мелкобуржуазных партий, которые, боясь революционных рабочих масс железнодорожников, принуждены были в Октябрьские дни маскировать свою контрреволюционную сущность и выкинули лозунг нейтралитета железнодорожников по отношению к обоим борющимся в Октябре силам. Одновременно они выкинули лозунг прекращения гражданской войны и образования коалиционного социалистического правительства. Фактически эта позиция Викжеля облегчала положение контрреволюции в ее борьбе с восставшим пролетариатом и наткнулась на немедленное сопротивление со стороны жел.-дор. пролетариата. На чрезвычайном всероссийском съезде служащих, мастеровых и рабочих железнодорожников (с (18) 5 января по (12 февраля) 30 января 1918 г.) Викжель был заменен Викжедором, в котором огромное преобладание было на стороне революционной части железнодорожников.

Оратор в своей речи отмечает один из видов саботажа со стороны Викжеля, который ввиду производственного саботажа предпринимателей, как и все остальные профсоюзы, был привлечен к выполнению некоторых хозяйственных функций и в том числе и к организации выплаты жалованья.

²⁸ Первый Московский областной съезд Советов состоялся (10 июня) 28 мая—(13 июня) 31 мая 1917 г. Основными пунктами порядка дня съезда были вопросы о войне, о коалиционном министерстве и о международной социалистической конфе-

ренции. На съезде преобладали меньшевики и эсеры, и резолюции на нем были приняты в их духе. Соотношение сил на съезде особенно рельефно выявилось при голосовании резолюций по вопросу о войне: резолюция большевиков собрала 59 голосов; резолюция же оборонцев собрала 115 голосов при 4 воздержавшихся (см. отчетную статью «Областной съезд рабочих и солдатских депутатов» в № 72 «Социал-Демократа» от (16) 3 июня 1917 г., стр. 2—3).

²⁹ Здесь имеется в виду созыв второго Московского областного съезда советов, который состоялся (23) 10 декабря—(2 января) 20 декабря 1917 г. Состав съезда: 170 большевиков, 11 сочувствующих большевикам, 45 левых с.-р., 8 меньшевиков, 6 с.-р., 5 прочих партий и 6 беспартийных. Основные вопросы порядка дня: 1) отчет о деятельности Московского областного исполнительного комитета, 2) текущий момент, 3) продовольственный вопрос, 4) организация народного хозяйства, 5) культурно-просветительная деятельность Советов, 6) взаимоотношения между городом и деревней, 7) отношение к интеллигенции, 8) создание областных органов власти и выборы в них. По всем вопросам порядка дня были приняты подавляющим большинством голосов резолюции и предложения большевиков.

³⁰ Усевич, Г. А. (1890—1918 гг.)—член ВКП(б) с 1905 г., интеллигент. Делегат на VI съезд партии от Московской организации. Подпольную работу вел в Тамбовской организации в качестве пропагандиста. В 1907 г. член ПК. В 1909—1914 гг. в ссылке в Сибири и в эмиграции. После Февральской революции—член МК, член Московского совета рабочих депутатов. В октябрьские дни—член Военно-революционного комитета. Один из руководителей восстания в Москве. Погиб на чехословацком фронте. (Из «Протоколов съездов и конференций ВКП(б). VI съезд—август 1917 г.», изд. Истпарта ЦК ВКП(б) 1927 г., стр. 386).

³¹ Эсеровская газета «Труд» была привлечена к суду революционного трибунала постановлением президиума исп. ком. Моск. совета раб. и солд. деп. от (14) 1 декабря 1917 г. (см. № 220 «Известий Моск. совета Р. и С. Д.» от (15) 2 декабря 1917 г., стр. 3).

³² (18) 5 ноября Московским военно-революционным комитетом было принято постановление о роспуске Московской городской думы, большинство которой состояло из эсеров. Городская дума и управа этому постановлению не подчинились и первое время имели несколько полуоткрытых и тайных своих заседаний. (29) 16 ноября Совнарком утвердил роспуск Московской городской думы, но и после этого она продолжала некоторое время устраивать свои заседания и поддерживать бастующих служащих. (3 января) 21 декабря члены бывшей Московской городской управы были арестованы.

Сначала предполагалось произвести новые выборы распушенной городской думы, но затем эти выборы были отложены на неопределенный срок, и функции центральной московской городской думы в области городского самоуправления выполнял так называемый Совет московских районных дум. Это продолжалось вплоть до момента слияния районных дум с районными советами в июне 1918 г., когда все муниципальные функции вошли полностью в объем работ Московского и районных советов.

³³ До октябрьского переворота и некоторое время после него московские советы (центральный и районные) черпали средства на свои расходы исключительно из фонда специальных отчислений с заработка рабочих для нужд советов. Эти отчисления производились через фабрично-заводские комитеты. Таким же образом финансировались и другие местные советы.

³⁴ Вл. Ильич ни разу не выходил из состава членов ЦК партии. Лишь осенью 1903 г. он вышел из Совета партии и из редакции ЦО. Это произошло после, того, как Плеханов, под влиянием атак со стороны меньшинства партии, недовольного выборами на II съезде центральных органов, заколебался и выявил готовность пойти этому меньшинству на решительные уступки, вопреки категорическим постановлениям съезда.

³⁵ Малиновский Р. В. (1878—1918)—известный провокатор, рабочий-металлист, член IV. Гос. думы от рабочей курии Московской губ., товарищ председателя с.-д. фрак-

ции, а после ее раскола—председатель РС-ДР фракции. В 1906—1910 гг. работал в Московском союзе рабочих по металлу, одно время был секретарем союза, состоя сотрудником московского охранного отделения и департамента полиции. На Всероссийской конференции РСДРП в 1912 г. был избран в ЦК. Участник «февральского» и «летнего» партийных совещаний 1913 г., ближайший сотрудник «Правды». В мае 1914 г. по требованию товарища министра внутренних дел Джунковского, опасавшегося раскрытия связей М. с полицией, выехал за границу и послал заявление о сложении депутатских полномочий. В 1918 г. приехал в РСФСР, добровольно отдался в руки суда и был расстрелян по приговору Верховного трибунала. (Из XVI т. Сочинений Ленина, стр. 779—780).

³⁶ Здесь в речи Ногина кроется какое-то недоразумение, так как ЦК партии А. А. Богданову никаких разрешений на издание обособленной партийной газеты (которая не могла не быть фракционной) не давал. Было только вынесено постановление пленарного собрания ЦК РСДРП в Париже (январь 1910 г.) о регистрации литературной группы «Вперед» (в которой Богданов играл значительную роль), как партийной издательской группы. (См. 127 стр. книги «ВКП(б) в резолюциях ее съездов и конференций», издание 3-е Истпарта ЦК ВКП(б), 1927 г.).

³⁷ Здесь т. Стуков имеет в виду 6-й пункт устава, принятого на VI съезде партии, который собрался и работал в полулегальных условиях в Петрограде с (8 августа) 26 июля по (16) 3 августа 1917 г. Вот точный текст этого пункта: «Все организации автономны во внутренней своей деятельности. Всякая организация партии имеет право издавать от своего имени партийную литературу». (См. 265 стр. «Протоколов съездов и конференций ВКП(б). Шестой съезд—август 1917 г.». Издание Истпарта ЦК ВКП(б) 1927 г.).

³⁸ Здесь оратор напоминает о штрейкбрехерстве Зиновьева и Каменева, когда они, не соглашаясь с лозунгом ЦК партии о восстании, дали на страницах «Новой жизни» ясно понять о подготовке большевиков к восстанию и полемизировали с неопубликованным решением ЦК. Ленин за их изменнический поступок настаивал в своем «Письме к членам партии большевиков» и в «Письме в Центральный комитет РСДРП» на исключении Зиновьева и Каменева из партии.

³⁹ Эпизод с т. Луначарским состоял в том, что под влиянием буржуазной газетной утки и рассказов «очевидцев» о разрушении в Москве в октябрьские дни памятников древности (Успенского собора, церкви Василия Блаженного и пр.) он (15) 2 ноября 1917 г. подал заявление о своем выходе из состава Народных комиссаров. Но уже (16) 3 ноября т. Луначарский опубликовал в печати сообщение, что его отставка не принята Совнаркомом и он остается на посту Наркома просвещения.

⁴⁰ Имеется в виду подписание в Брест-Литовске договора о перемирии между Россией и державами четверного союза с 17 (4) декабря 1917 г. по 14 (1) января 1918 г.

⁴¹ См. примечание 17-е в № 10 (105) «Пролетарской революции», стр. 164.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

История ВКП(б) т. II.

*Составили: Г. Крамольников, И. Мини, Н. Никитин, О. Римский, А. Росс, Н. Эльзов.
Под общей редакцией Ем. Ярославского. Гиз. 1930 г., стр. 772. Цена 2 р. 75 к.*

Выпуском настоящего тома по истории ВКП(б) больше чем на $\frac{2}{3}$ завершается огромной важности работа, которую взялся проделать коллектив историков под руководством тов. Ем. Ярославского. История партии есть наука о стратегии, тактике и организационных принципах большевистской партии русского рабочего класса, впервые в мире приступившего строить и строящего социалистическое государство. Не отграничивая ни на один момент стратегических планов и практики партии от внутренних условий переплета классовой борьбы и взаимоотношений, истории большевики не забывают о связи истории большевистской партии с этапами борьбы международного пролетариата. История партии—это история величайшего организующего субъекта истории, ибо только наличие его определило и определяет успех победы и строительства новой общественно-экономической формации—социализма.

Являясь продуктом особенных условий переплета экономических, политических и классовых противоречий внутри и противоречий эпохи империализма вообще—наша партия, диалектически в свою очередь, стала величайшим фактором мировой истории. Вот это ее особенное положение, положение субъекта мировой истории, стоящего во

главе строительства социалистической общественно-экономической формации, делает столь важным курс истории ВКП(б) как для русского, так и для международного пролетариата. Поэтому, мысленно пробегаая по всем выпущенным томам «Истории» под ред. Ярославского, еще раз повторяем, что авторы взялись за большое дело, которое, конечно, сопряжено со многими трудностями. Следует также отметить, что по ряду вопросов, авторам впервые приходилось освещать совершенно неизученные моменты из истории нашей партии, и естественно, что подчас это ставило их в трудные условия. В силу этого те или иные положения, излагаемые авторами в томе могут вызывать возражения и споры.

Рецензируемый том охватывает весь период первой русской революции. Выражаясь более точно,—изложение начинается с анализа социально-экономических и политических предпосылок 1905 г. и кончается V Лондонским съездом. Но сказать об этих проблемных и хронологических рамках содержания тома—это еще не все сказать. Авторы строят изложение на широком материале общего исторического процесса России и материале из истории международной социал-демократии. В какой ме-

ре такую увязку удастся провести,— это вопрос другой, но сама принципиальная установка изложения под таким углом является бесспорно научной. Именно только она делает курс истории партии наукой. Ведь только на фоне анализа переплета классовых борьбы и производственных отношений внутри, а потом и вне страны и идеологической борьбы в самом рабочем классе,—будет понятна сущность и закономерность постановки стратегических, тактических и организационных проблем большевистской партии. Все 12 глав книги преподнесены читателю под углом зрения изложения и анализа именно этих проблем. В книге дается анализ характера и движущих сил революции, и проблемы перерастания буржуазно-демократической в пролетарскую; в ней дана основательная критика меньшевистской стратегии и тактики. Особенное внимание авторы уделили критике левых, троцкистско-парvusистско-троцкистской «теории» перманентной революции. Авторы подробно разбирают аграрный вопрос в постановке большевиков. Внутренняя история первой революции от января к декабрю 1905 г. и к третьемюньскому режиму показана, как уже мы сказали, в тесной связи с анализом тактики большевиков и мелкобуржуазной меньшевистской части РСДРП. Авторы вполне правильно заострили внимание на вопросе о большевизме как самостоятельно организационно, так и идейно оформившейся партии русского пролетариата в ходе нарастания первой революции. Последняя глава книги посвящена позиции II Интернационала в вопросах русской революции.

Такова общая установка книги. Освещение ряда моментов в книге безусловно интересно и политически заостряет внимание читателя на вопросах,

имеющих и в наши дни актуальный характер. Из учебника т. Ем. Ярославского читатель вполне оценит связь истории с современностью, поймет, что чем мы сильнее подкуем себя в знании ленинской диалектики на примере роста и жизни своей партии в прошлом, тем мы прочнее, решительнее будем бороться с политической метафизикой всех правых и «левых», бороться за ленинскую линию партии в настоящем. Но именно такое наше отношение к истории партии, как предмету изучения, имеющему большое политическое значение для нашего времени, заставляет нас высказать свои соображения практика-преподавателя о замеченных нами недостатках книги.

Из общих замечаний о книге прежде всего отметим чрезмерное насыщение изложения общенсторическим материалом. В некоторых местах даются такие отступления, что вместо увязки с общенсторическими фактами дается их положительное освещение, сводящее многие страницы истории партии к курсу истории народов СССР. Не в меру представлено освещение меньшевистско-троцкистской стратегии и тактики и особенно в ее нападающей части на большевизм. Причем иногда авторы в этом увлечении так далеко уходят, что получается впечатление, будто читаешь историю социал-демократии вообще, а не историю партии. Хотя освещение послесъездовского (II съезда) периода во II томе дано в более глубоком и всестороннем освещении, чем в I томе истории, все же без оговорки такое повторение одного и того же периода в обоих томах не понятно. Много лишних страниц посвящено отношениям германской с.-д. к борьбе в РСДРП за период кануна революции. Причем в этом пункте с авторами не во всем можно со-

гласиться. Ведь все мы привыкли в «левых» германской соц.-демократии видеть здоровую реакцию не только на реформизм Фольмара, Бернштейна и др., но и на оппортунизм центризма Каутского—Бебеля. Об организационном оппортунизме Р. Люксембург, конечно, писать надо и критиковать его надо, но нельзя к историческим левым в рядах II Интернационала подходить с той меркой, с какой мы подходим к «левым» современным. У автора получается забвение этого. В целях политической педагогики автору следовало бы наряду с ошибками сказать читателю и о природе левых. Правильно критикуя Р. Люксембург, автор не доучел внутреннего положения в германской с.-д., которая в это время переживала невиданные успехи в парламентской работе. Выборы 1903 г. дали ей 3 011 тыс. голосов избирателей и 81 мандат в рейхстаге. Поэтому иезуитское письмо Потресова к Р. Люксембург с ссылкой на то, чтобы она показала себя перед социал-демократическим мнением Германии не blank-листкой, падало на благоприятную почву. Кто не помнит фразы старика Энгельса о розовых щеках с.-д., когда она после отмены закона о социалистах получила около 2 млн. голосов. Поэтому автор не прав, нападая так на Р. Люксембург и допуская без комментариев обвинение «левых» в ковычках и левых без ковычек вообще в программном либерализме и т. д. У читателя партийца под влиянием такой оценки левых вообще может получиться совсем неправильное представление и оценка роли левых во всем II Интернационале.

Возвращаясь к вышесказанному об увязке истории партии, отметим, что более сжатые экскурсы в области общен исторических фактов значительно

сократили бы количество страниц тома.

Теперь относительно характера увязки изложения курса с общен историческими событиями и классовой борьбой пролетариата. Мы считаем, что авторы тома дали ее не под тем углом, под каким следует. Например, разве нельзя было показать связь выработки аграрной программы большевизма с аграрной программой германской и австрийской с.-д.? Разве не связана постановка вопроса о парламентской тактике русской с.-д. с тактикой германской с.-д.? У авторов увязка получается более через посредство цитат, чем органическая связь исторических явлений. Ведь гениальные ленинские формулировки, положения о стратегии и тактике тем и гениальны, что, базирываясь на глубоком всестороннем анализе конкретной обстановки, они правильно определяли тенденцию развития каждого социально-экономического и политического явления. Когда нашим историкам теперь приходится писать, то надо именно эту сторону проследить. Понятно, что без учета массового рабочего движения в период размаха революции мы не можем понять условий нового объединения в 1905 г. идейно и организационно уже оформившихся двух партий. Или взять годы подъема рабочего движения—борьбу Ленина с примиренцами и окончательный разрыв со всеми течениями меньшевизма. И так каждый этап в истории партии.

От этих общих замечаний перейдем к частным замечаниям. А их, признаться, немало.

В рамках содержания II тома вопрос раскола и объединения с меньшевиками после II и III съездов имеет большое значение. Освещая существо этих вопросов, мы тем самым отвечаем на во-

просы о прошлом нашей партии. Обычно считалось, что большевизм организационно оформился только с Пражской конференции 1912 г. Двадцатипятилетний юбилей II съезда и опубликованные материалы в «Ленинских сборниках» привели к пересмотру такого взгляда. Создание своей газеты, своего большевистского руководящего центра и идейные размежевки в ходе развития первой революции дают полное основание для утверждения о существовании уже с 1903—1904 гг. двух самостоятельных партий в истории русского рабочего движения. Для истории это очень важно, так как это связано с вопросом о периодизации курса и его содержания. Установка по этому вопросу в II томе несколько компромиссная. Авторы смущает так наз. объединительный период, период совместного существования большевиков и меньшевиков в одной партии. Поэтому авторы напрасно призывают вдумываться, в какой связи писалось Лениным «раскол, раскол, раскол» (стр. 425). Они подчеркивают значение IV съезда в том, что «съезд уничтожил раздельное существование фракций, дав возможность партии выступить единой перед пролетариатом и другими классами в борьбе за гегемонию пролетариата».

Получается переоценка природы объединения. Налицо ленинская непримиримость к примиренческой платформе членов ЦК до и после III съезда; налицо утверждение Ленина о том, что существуют две партии, что названия большинства и меньшинства не выгодны; налицо обращение большевистского центра после IV съезда о борьбе в рамках устава с меньшевистскими решениями съезда; налицо утверждения Ленина на партийном суде еще задолго до V съезда, что «раскол есть прекращение су-

ществования партии» и пределы борьбы с меньшевиками—это уже пределы не партийные, а уголовные¹. Все это авторам хорошо известно, и все же они делают ударение не на том, где следует.

Далее. Автор первой главы несколько путает внеэкономическое принуждение крестьянина с экономическим. На стр. 22 утверждается, что в отличие от дореформенного внеэкономического принуждения крестьянин после реформы экономически, хозяйственно стал зависеть от помещика. А на стр. 25 положение крестьянина характеризуется внеэкономическим грабежом, причем выкупные платежи отмечаются как экономическое принуждение. На самом же деле выкупные платежи есть опрокинутые или перенесенные помещичьим государством в пореформенную действительность феодально-крепостнические повинности крестьян за дореформенное право помещика на землю и труд крестьянина, за право на его личность. Разница лишь была в том, что крестьянин лично не был зависим от помещика, но был внеэкономически зависим от помещичьего государства. Ведь в исторической литературе в понятие «внеэкономическое» и «экономическое» принуждение вкладываются определенные качественно-различные содержания, имеющие целью характеризовать или оттенить два различных вида производственных отношений. Путать их нет оснований.

Когда в десятках мест автор подчеркивает основные противоречия кануна революции между развитием капитализма и крепостническими отношениями, он забывает отметить наличие и другого порядка противоречия—противоречия в развивающемся капитализме. На это

¹ См. Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 220—223.

очень важно указать, ибо с противоречием второго порядка у сельского пролетариата с сельской буржуазией, у промышленного пролетариата с промышленной буржуазией связана ленинская постановка проблемы перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

Не совсем верно, что годы бурного промышленного подъема совпали с аграрным кризисом. В наиболее бурном подъеме 1894—1899 гг. цены как раз на хлебном рынке стали расти. Далее автор I главы переоценивает процесс капитализации с.-х., а поэтому слишком выводит непосредственную причину крестьянского движения из развития капитализма в деревне (стр. 33). Утверждать это—значит допустить, что прусский путь развития уже определился как господствующий путь до революции 1905 г. А мы все знаем, что даже классическое выражение прусского пути—столыпинщина—не дает оснований для такого утверждения. Мысли этой страницы противоречат в десятках мест повторяемому автором тезису о противоречиях между капитализмом и крепостническими отношениями без дополнительных комментариев. То, что приводится ниже из XI тома сочинений Ленина о внедрении капитализма в сельское хозяйство, не дает оснований для такой переоценки. «Остатки старого крепостного порядка страшно еще велики в нашей деревне. Этот факт общезвестный. Оработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром,—все это не исключение, а правило в русской деревне, и все это является в последнем счете прямым пе-

реживанием крепостного порядка». Так характеризовал т. Ленин классовые взаимоотношения в деревне накануне первой революции. Поэтому неправ автор, когда ниже приходит к отрицанию радикализма у зажиточно-кулацкой верхушки деревни в крестьянском движении. Конечно верно, что боролся не кулак с помещиком, а все крестьянство с помещиком. Но это не исключает признать за кулацко-зажиточными слоями деревни политического и экономического радикализма. В этом тезисе ничего нет ошибочного. Ссылка автора на цифры участников движения 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях не убедительна. Ленинский стратегический лозунг—со всем крестьянством против помещика, не исключает политической активности и ведущей роли в движении крестьян в некоторых районах до осени 1906 г. этой части крестьянства. Тов. Ленин накануне революции писал, что крестьянское движение «объединяет буржуазные и пролетарские элементы крестьянства, которые действительно едины в борьбе с остатками крепостничества»¹. Конкретные факты крестьянского движения это подтверждают.

Спорным можно считать положение, будто основной слой иностранной буржуазии примыкал к позиции помещиков-крепостников (стр. 344). Накануне 1905 г. как раз характерно либерально-конституционное настроение иностранной буржуазии. Другое дело после 1905 г. Например, круги иностранной буржуазии машиноделательной промышленности Ленинградского и Центрально-промышленного районов имели такое настроение. Но когда размах борьбы рабочих шел дальше, чем ему «отво-

¹ Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 156.

дило» либерально-буржуазное маклерство, так отечественная и иностранная буржуазия были единодушны в поддержке царизма.

Как мы уже писали, меньшевизму авторы уделили очень много страниц. Конференция преподавателей истории ВКП(б), ленинизма и Коминтерна, определяя установки курса истории партии, считала, что изучение истории противников большевизма—то, что Ленин называл врагами внутри рабочего движения,—не может составлять самостоятельной задачи истории партии. У автора II и IV главы получилось как раз наоборот. Мы уже сказали, что местами дается чрезмерно пространное изложение меньшевизма. Если быть последовательным, тогда надо и эсерству уделить некоторое место, а о них авторы во всем томе ничего не сказали.

Критикуя троцкизм, автор вполне правильно показывает связь организационных и тактических суждений троцкизма с аксельродовщиной, но при этом забывается своя, характерная черта троцкизма—его «лево»-фразистая идеология. Троцкизм—это не просто разновидность меньшевизма. Это такая разновидность меньшевизма, которая пытается осуществить в наиболее ответственные переломные моменты революции служебную роль прививки оппортунизма рабочему классу под видом «левой» фразы. В этом суть его эволюции от стратегической и тактической аксельродовщины к парвусизму или мелкобуржуазному революционизму. Было бы упрощением природы троцкизма, если бы партия и в послеоктябрьский период борьбы с ним забыла эти особенности, которые «слева» подрывали диктатуру пролетариата.

Периоду борьбы Ленина за партийные решения II съезда и за партию автор

II главы уделил по количеству страниц много внимания, но почему-то не в должной мере использовал Ленинские сборники (VII и X). Отдельные письма Ленина так блестяще вскрывают вопросы борьбы с примиренцами из ЦК, что становится обидно, когда их не видишь в соответствующих местах. То же надо сказать и о периоде лета 1905 г., когда вопрос объединения вновь встал перед с.-д. и когда отдельные члены ЦК вопреки настроений Ленина лезли на объединение во что бы то ни стало. Следовательно, это свидетельствует о недостаточной глубине анализа отдельных глав. Слабовато, например, дана критика меньшевиков в части крестьянского вопроса. Никакой ссылки на то, что писалось в I главе.

Недостаточно сказано о движении в армии. Ведь помимо исторически ярких выступлений в Севастополе, Кроштадте, Свеаборге и т. д., теперь мы знаем о движении в гарнизонах крупных административных центров более широко, чем раньше. Это обстоятельство надо отмечать, дабы показать как слаб был в 1905 г. организационный охват партией этого движения. Обходить этот вопрос нет оснований, ибо и методологически и политически это было бы неверно.

При описании московского вооруженного восстания не дана оценка настроений в Федеративном комитете, как руководящем центре движения. В некоторых местах чувствуется необходимость опоры на архивный материал, а его недостает. Например, в оценке причин татаро-армянской резни в Тифлисе мы привыкли считать повинной и полицию, а в изложении авторов Воронцов-Дашков (наместник) показан в роли защитника порядка (стр. 523). Тут ошибочно, что с полиции снимается от-

ветственность за резню и упускается из виду оппортунистичность тифлисской меньшевистской с.-д., которая, как известно, получила от полиции оружие для водворения порядка, но это оружие возвратила, о чем с достоинством англомана сообщал царю Воронцов-Дашков.

Отмеченный недостаток анализа скazujeется и при оценке причин неудачи вооруженного восстания в Москве. Вместо того, чтобы подчеркнуть конкретные причины неудачи, автор ссылается на статью Ленина «Марксизм и восстание». Ведь после этой цитаты у читателя создается впечатление, что причина неуспешности восстания была в том, что: 1) восстание не опиралось на класс, 2) что оно началось не на переломном этапе революции и т. д. К чему тогда писать, что меньшевики сделали другой вывод?

Вообще надо отметить, что в томе часто встречается не совсем связанный с общим текстом метод цитирования.

Нельзя согласиться с автором по вопросу о характеристике меньшевиков как импрессионистов, бросающихся в политике из одной крайности в другую (стр. 211). Для меньшевизма в целом это совсем не характерно. За исключением «появления» меньшевизма в октябре—ноябре 1905 г. и в период разгона 1-й Думы можно утверждать о стройной системе всех их принципиальных взглядов на революцию. Ведь не кто другой, как они, обвиняли Ленина и большевиков в отсутствии точных формул политики. Вся суть вопроса заключается в том, что ленинская «гибкая» тактика была тактикой революционера-диалектика, а меньшевистская — тактикой либералов-метафизиков. Меньшевизм на всем протяжении XX века с этой стороны был верен себе и последователен. Только суть этой меньшевистской последова-

тельности заключалась в том, что она разоружала рабочий класс в борьбе с самодержавием и буржуазией.

О социальных корнях оппортунизма меньшевиков автор недостаточно четко сказал (стр. 251). Сказать о подавляющем преобладании в России мелкобуржуазной стихии значит не все сказать. В такой общей форме это более приемлемо для характеристики эсерства и его корней в рабочем классе, или о влиянии мелкобуржуазной стихии после Октября на нашу партию и уклоны в ней. Социальные корни меньшевизма больше коренятся в городской мелкой буржуазии в точном смысле этого слова и в тонкой прослойке выделившейся верхушки рабочих и ремесленников. В этой социально-политической природе городского и ремесленного мелкого буржуа и коренится источник меньшевистского оппортунизма. Качественная и количественная слабость этой социальной категории, острота и глубина социально-экономических противоречий в России — вот где причина полного банкротства меньшевистской идеологии в русском пролетариате. Притом, конечно, и в истории меньшевизма надо различать дооктябрьский и послеоктябрьский периоды. В настоящее время осколки фашизирующегося меньшевизма (выделение так наз. правой «оппозиции») пытаются передвинуть свою базу и на деревню, в корне пересматривая свои взгляды на крестьянство.

Авторы сугубо правы, нападая на некоторых историков, стремящихся показать отличной от меньшевизма природу трицкизма, но мне думается, что подчас они сами впадают в некоторое упрощенство. Излагая роль крестьянства по схеме «перманентников» (263), автор сам переоценивает роль крестьянства в революции 1848 г. Надо сказать, что при

критике меньшевизма-троцкизма важно смотреть на суть со стороны методологии. Иначе это может спутать четкость нашей большевистской установки, может затушевывать перспективу методологического анализа и объяснения явлений.

Нам понятно, что автор хочет подчеркнуть в проблеме двух путей развития сельского хозяйства (стр. 321—322), но он по поговорке «вместе с мыльной водой выплескивает и ребенка». Доказывается, что южно-российский фермер это еще не американский фермер. «Для того, чтобы он превратился в этого «настоящего» фермера, нужен был скачок, именно, нужна была демократическая революция (по отношению к России 1905 г. надо бы сказать «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». — К. С.)». «Не может быть речи, чтобы одновременно существовали два пути капиталистического развития... «Американский путь развития мог быть лишь после победы американской революции и до социалистической революции». Так пишет автор, и хочет он или не хочет, но его аргументация сводится к тому, что до этой революции есть и будет только один путь развития — прусский. Такой трактовкой вопроса автор вычеркивает объективно наметившуюся тенденцию двух (именно двух!) путей еще до демократической революции. Аргументация автора противоречит ленинской постановке, что после реформы 1861 г. наметились эти два (именно два) пути развития. В историко-партийной литературе никто до сих пор не утверждал того, с чем polemизирует автор¹. Наоборот, есть дру-

гие утверждения, что указанные Лениным тенденции двух путей после реформы имели место с XVI в., что уже является грубой ошибкой методологического порядка. Мы считаем, что аргументация автора выбивает почву у ленинской постановки вопроса о двух путях и, самое главное, в условиях революции 1905 г. снимает противоречие между помещиком и крестьянством *в целом* (экономической основой чего были две объективно наметившиеся тенденции развития сельского хозяйства). Автор правильно критикует т. Гайстера за скатывание к идеализации кулака, но сам впадает в другую крайность. Дело в том, что в России 1905 г. не было победы или преобладания прусского пути (торжеству американского, конечно, должна предшествовать победа демократической диктатуры пролетариата и крестьянства). Даже столыпинщина не дала этого (письмо Ленина к Степанову-Скворцову). Ведущим началом в отношениях крестьянина с помещиком были кабально-крепостнические пережитки. Поэтому против них боролся крестьянин. Поскольку до столыпинщины и крестьянско-зажиточное, кулацкое хозяйство работало на узкой товароспособной базе, натываясь на каждом шагу на помещичье землевладение, оно также было крестьянско-революционно настроено. Этого забывать нельзя. Да автор и сам становится на эту же точку зрения, когда, по нашему мнению, даже переоценивает роль Всероссийского крестьянского союза. Ведь конкретное знакомство с его составом и деятельностью на периферии свидетельствует о том, что там

¹ Если не считать несерьезной и ненаучной точки зрения т. Юдовского, который слабость капиталистической дифференциации крестьянства в 1905 г. хотел бы видеть в роли фактора, ускоряющего перерастание бур-

жуазно-демократической революции в социалистическую (по-народнически путая при этом ленинскую проблему двух путей и проблему перерастания).

преобладали «первые либералы». Это— первое, и второе общий тон речей и резолюций на съезде Всеросс. крестьянского союза 6—10 ноября 1905 г. не таков, чтобы переоценивать его роль.

Последнее наше замечание о национальном движении и будущих и прошлых врагах национальных компартий. Томы под редакцией тов. Ярославского имеют существенный пробел, когда не поставили ряд общих проблем истории нацкомпартий. Ведь создаваемая ими история—есть история ВКП(б), поэтому показать период становления национальных парторганизаций, показать их истоки—это дело именно данного курса. Как история народов СССР без органической увязки с историями основных нацреспублик не есть история СССР, в такой же мере это относится и к ВКП(б). Мы, конечно, не ставим знака равенства между национальным объединением и партийным, но все же обходить важнейшие проблемы в истории нацкомпартий нельзя. Почему к примеру не включить в II том главу о КП(б)У. Ведь вопрос о «двухкоренности» является важным вопросом и имеет прямое отношение к курсу ВКП(б). Следовательно, коллективу надо продумать темы о национальных компартиях и включить ряд новых авторов для написания соответствующих разделов, ну хотя бы в V томе.

Цитатам из подлинников во всех томах «Истории» отводится значительное место, что только можно одобрять, но нельзя уже оправдать повторений, а они имеют место. Утверждение о степени объективной зрелости на стр. 174 и 199 дано цитатой; на стр. 532 с

539, повторение о меньшевиках стр. 212 и др.; на стр. 496 повторение текста манифеста 17 октября, порядок дня IV объединенного съезда (стр. 599—600) стр. 157 и 443 и т. д.

О фото-иллюстрациях курса. Они очень нужны. То, что курс истории партии впервые ввел их как средство восприятия исторических фактов,—это очень хорошо. Но еще раз повторяем, что помещать их надо соответственно тексту. А то идет изложение общих стратегических и тактических вопросов большевизма и тут тебе «Октябрьская идиллия» (стр. 182) или «карательная экспедиция» (стр. 583). То же на стр. 613. Попадают также опечатки, например на стр. 635 надо сказать *ПК*, написано *ЦК*, на стр. 681 пишут о польских народовольцах, когда таких в первой думе в природе не было. Были «народовые» демократы, а это не народовольцы, а народоправцы, т. е. польские кадеты. На стр. 577 пишется в сноске о петроградском совещании, а надо видимо писать о петергофском совещании, ибо получается непонятно: совещание о проекте 1 Государственной думы, и вдруг в *Петрограде*.

Заканчивая свои замечания после прочтения II тома, мы еще раз возвращаемся к нашим исходным установкам об этой работе, проделанной научным коллективом. Наши замечания, относящиеся больше к области общей истории, чем истории партии, ставили своей задачей остановить внимание авторов на отмеченных неточностях и упущениях.

К Сидоров.

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ КИМА В КОНГРЕССАХ, под редакцией АППО КИМ. Изд-во «Пролетарий». Тираж 30000. В. Мюнценберг, «Штутгартская и Бернская конференции социалистического Интернационала молодежи», стр. 52, ц. 15 коп.; А. Нурелла, «I конгресс КИМа», стр. 64, ц. 20 коп.; А. Ацарнин, «II Конгресс КИМа», стр. 52, ц. 20 коп.; М. Горнич, «III конгресс КИМа», стр. 34, ц. 16 к.; Р. Меринг, «IV конгресс КИМа», стр. 67, ц. 20 коп.; Ф. Геминдер, «IV конгресс КИМа», стр. 39, ц. 15 коп.

Настоящая серия брошюр представляет собою самую полную историю КИМа. Ряд проблем впервые получил здесь свое освещение. Толкование вопросов юношеского коммунистического движения дано авторами брошюр на основе правильной политической линии Коминтерна. Вопрос борьбы на два фронта поставлен резко и четко, право-оппортунистические элементы юндвижения разоблачены до конца. Ценно то, что важнейшие политические вопросы освещаются ссылками на Ленина и на решения Коминтерна. Работа проникнута духом самокритики (особенно брошюра о IV конгрессе). Хотя издание доведено только до 1928 г. (окончание V конгресса, год Венского восстания), тем не менее в конце последней брошюры дается правильный прогноз дальнейших событий, подтвержденный картиной, развернувшейся на расширенном пленуме 1929 г.

Однако необходимость создания настоящей истории КИМ сейчас настолько обострилась и назрела, что приходится сосредоточить внимание не на несомненных достоинствах рецензируемого издания, а на его недостатках. Анализ этих недостатков даст методологическую базу для будущих работ по истории Интернационала молодежи.

Нельзя не возражать против самой идеи писать историю боевой политической организации, исходя только из конгрессов. Мы далеки от намерения отрицать или преуменьшать роль конгрессов, но история их еще не является историей

организации. Один из авторов данной «Истории» пишет, что «конгрессы являлись верстовыми столбами» того пути, по которому шел КИМ. Но на пути не одни только верстовые столбы. В настоящей «Истории»... нет живой жизни, нет фактов. Говорится о юношеских забастовках, но не описана ни одна из них, говорится об антимилитаристской работе, но нет ни единого примера; перед читателем не проходят наиболее выдающиеся факты юндвижения. Достаточно указать, что о проведении и истекшие годы международного юношеского дня в лучшем случае только упоминается. Прошлогодний пленум ИККИМ, вероятно, тоже не нашел бы себе места в этом издании. Даже систематический материал мог бы быть гораздо богаче, и, хорошо представленный, он мог бы сыграть большую роль. Таким образом издание правильнее было бы назвать «Историей конгрессов коммунистического Интернационала молодежи». И в этом смысле (конечно, только в этом) оно является шагом назад по сравнению с «Очерками» т. Чичерина.

В издании отсутствует единый логический стержень. Редакция не сумела создать из работы 6 авторов подлинного повествовательного единства. В книгах господствуют повторения. Каждая из брошюр говорит понемногу о частных требованиях, об организационных принципах, о военной, о деревенской работе почти то же самое. Правильнее было бы где-нибудь в одном месте проработать и осветить каждый вопрос в основном до конца, и тогда в других книжках о нем можно было бы только упоминать. Помимо единства по конгрессам, следовало дать единство по проблемам, не разбрасывая ценнейшие теоретические замечания по всей серии так, что выудить их и соединить воедино сможет разве только опытный библиограф.

Поставленные рядом брошюры создают впечатление, что КИМ из года в год повторяет одни и те же ошибки. Тут материал сыграл с авторами трюк. В той же части, в какой это явление

действительно имеет место (например, реорганизация по производственному признаку), нужно было дать анализ этого явления, не ограничиваясь одним перечислением причин. Нужно было, например, объяснить, почему «юношеская политика», программу которой Мюнценберг развернул еще на I конгрессе, не стала по-настоящему достоянием организации вплоть до периода, последовавшего за V конгрессом.

Неподготовленный читатель неминуемо станет в тупик перед вопросом: что же КИМ растет или нет? Конечно, достаточно сопоставить число организаций и делегатов, скажем, III конгресса (38 и 121) с аналогичными данными о V конгрессе (47 и 261), чтоб ответить на этот вопрос. Но даже на подобные чисто механические сопоставления авторы рецензируемых брошюр достаточно скупы. Тем более не вскрыта диалектическая связь между неуклонным ростом Интернационала и фазами поражений, падения числа членов и т. д.

Перечисленные моменты в сочетании с непопулярностью языка некоторых брошюр делают серию материалом для агитаторов, для людей, хотя бы в известных пределах посвященных в КИМ-овские дела. Совершенно нельзя себе представить это издание настольной книгой среднего заводского, а тем более сельского активиста.

Можно отметить ряд других недочетов: недостаточно освещена роль ВЛКСМ (РКСМ). Удовлетворительными в этом отношении являются лишь две первые брошюры. В брошюре о III конгрессе РКСМ уделено... 12 строк! Следовало бы развить вопрос о передачах в партии и о смене поколений в самом юндвижении. Недостаточно оттенена роль ИККИМ. V конгресс—конгресс «поворота»—выглядит гораздо бледнее IV конгресса. «Директивные» материалы недостаточно конкретны, яркие примеры изживания недостатков союзами отсутствуют. Трудно найти связные картины по важнейшим странам. (Исключением является книга о II конгрессе.) Именно поэтому невозможно найти историческое обоснование такого, например, яв-

ления, как нынешний кризис в Британском КСМ.

Мало места уделено «левому» оппортунизму. Развитие союза после пятого конгресса показывает, что сектантские тенденции сыграли более серьезную отрицательную роль, чем многие ожидали. В свете последующих событий видно также, что у авторов издания проскальзывает известная недооценка ученичества, которому посвящено очень мало места. Драматический эпизод в Иене вызывает большой интерес и заслуживает большего количества страниц. Совершенно неясно, почему к одной брошюре приложен список литературы, а к другой нет. Об одном конгрессе есть цифры, о другом никаких, резолюции одних проводятся, других нет.

Наконец, в работе т. Мюнценберга имеются совершенно неудачные формулировки. На стр. 13 внимание вождей левого крыла (ныне коммунистов) к юношескому движению объясняется тем, что «...для баррикадных боев нужны смелые, живые, самоотверженные люди, которых может дать прежде всего молодежь». Формулировка говорит сама за себя. В другом месте (стр. 14) пролетарские организации противопоставляются антимилитаристическим. Эти неудачные формулировки, разумеется, не меняют того факта, что книга Мюнценберга является по существу самой яркой из всей серии.

Впрочем, авторы могут возразить, что нельзя до бесконечности расширять число строк, уделенных каждому вопросу. И если оставить в стороне возможность некоторого сокращения за счет цитат из речей, это—серьезное возражение.

Мы вынуждены были концентрировать внимание на недочетах. Пусть авторы не принимают это как попытку очернить их полезную работу. Не легко было бы найти в данный момент лучшую историю КИМа. Такие знаменательные события, как Московское совещание, Венская конференция и Временный комитет, предшествовавшие I съезду, впервые нашли здесь свое освещение. Останавливаясь на отмеченных не-

дочетах, мы сравнивали «Историю...» не с прошлыми работами по истории КИМ, а с будущими...

М. Артуров

«ЗАПИСКИ» СЕКЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ВОЙНЫ ПРИ КОМАКАДЕМИИ.

Том II, стр. 222, ц. 2 руб.

Второй том «Записок» в отличие от первого выгодно отличается прежде всего большей планомерностью в подборе материала и рядом новых весьма ценных работ военных историков-марксистов.

Начинается этот том докладом т. Буденного «Конница в современной войне». Мы не будем останавливаться на специально военных моментах доклада. Правильно подчеркивая значение и роль конницы в современной войне и отбрасывая выпады против нашей красной конницы, т. Буденный допускает ряд неточностей и неправильных формулировок. Отметим неверное понимание им сущности превращения войны империалистической в войну гражданскую. Это превращение он понимает чисто внешне, так что никакого превращения собственно и не получается. «Мы,—говорит т. Буденный,—должны превратить всякую войну в классовую войну» (стр. 16). Это положение неверно прежде всего потому, что гражданская война между пролетариатом и буржуазией и есть классовая война и превращать ее в таковую следовательно незачем. Поэтому речь должна идти именно о превращении империалистической войны в гражданскую, а не о чем-либо ином. Дальше мысль т. Буденного углубляется следующим образом: «Несомненно,—говорит он,—что для достижения нашей основной цели, для превращения войны в классовую войну, для того, чтобы вызвать гражданскую войну в неприятельских государствах—нужно вести маневренную войну» (стр. 16). Все это говорится вне связи с революционным движением внутри воюющих против нас государств, без упоминания о том, что главная и решающая сила, превращающая империалистическую войну против СССР в войну гражданскую, это—пролетариат данной страны.

Говоря о статье Белицкого «Фрунзе о будущей войне», следует отметить, что автор, к сожалению, очень бегло остановился на таком важном вопросе, как споры т. Фрунзе с Троцким о характере и путях развития нашей армии. Троцкий, будучи верен своим меньшевистским взглядам на роль крестьянства, не веря в способность пролетариата руководить крестьянством, вел яростную борьбу против территориально-милиционного строительства Красной армии, выступая защитником небольшой кадровой армии. Тов. Фрунзе первый поставил во всю ширь вопрос о милиционной армии. Борясь с троцкистскими взглядами на крестьянство и опираясь на ленинскую политику партии, он широко развернул территориальную систему. Характерно, что в своих спорах с Троцким в 1922 г. Фрунзе говорил, что теория последнего о нейтрализации противника «есть проявление чистой воды меньшевизма». «Это то самое ликвидаторство,—сказал при этом М. В. Фрунзе,—которого я опасуюсь при требованиях оборонительной постановки вопросов политических и военных» (стр. 31—32). К сожалению, те вопросы, которые подняты были т. Фрунзе в дискуссии с Троцким, еще до сих пор мало освещены в нашей печати.

Ни одна партия Коминтерна не имеет такого огромного опыта военной борьбы, как русские большевики. Надо прямо сказать, что этот опыт обратно пропорционален тому вниманию и той исследовательской работе, которой он подвергается. Достаточно сказать, что до сих пор мы имеем всего-навсего несколько плохих книжек, посвященных опыту военной работы нашей партии в эпоху первой революции. Указание, которое сделал т. Ярославский еще на VI конгрессе Коминтерна о необходимости всерьез взяться за изучение и обобщение этого военного опыта нашей революции, до сих пор не принято во внимание. Недавно во время своего доклада о декабрьском восстании 1905 г. т. Ярославский снова подчеркнул необходимость изучения военного опыта первой революции. Но, несмотря на то, что каждому очевидно, какое огромное

теоретическое и практическое значение имеет передача этого опыта нашим братским компартиям, дело так и не движется с места.

Вот почему мы должны признать полезным начало, положенное в «Записках» — статьей т. Геронимуса «К характеристике лозунгов большевизма в военном вопросе в революции 1905 г.». Но хорошие намерения автора пока что дали малоценные результаты. Отметив, что до сих пор в этой области сделано мало, а то, что сделано, часто грешит прямой ревизией теории и тактики большевизма, — т. Геронимус ставит себе похвальную задачу «внести известную ясность» в характеристику важнейших лозунгов, которыми руководствовалась наша партия в военном вопросе в период 1905 г.» (стр. 37). Однако никакой ясности т. Геронимус своей работой не вносит. В самом деле, чего, например, стоит следующая формулировка т. Геронимуса: «Очевидно, что лозунг непосредственного действия не заменяет собой перспективного лозунга, не ставит своей задачей развить его или «углубить», а является способом *подвода* (курсив т. Геронимуса) масс и движения к перспективному лозунгу, способом борьбы за осуществление перспективного лозунга, своего рода *мостом* (курсив т. Геронимуса) к этому последнему лозунгу, который может быть отброшен, когда движение входит в новый этап, позволяющий превратить перспективный лозунг в лозунг непосредственного действия. Однако в случае обратного отлива движения отброшенный мост может понадобиться вновь» (стр. 42). Вот эту «ясную» схоластику т. Геронимус преподносит, как ленинскую тактику. Очевидно, что сам автор устыдился своей постановки вопроса. Поэтому он спешит добавить: «Эту механику (вернее диалектику) смены лозунгов партии необходимо всегда иметь в виду, в противном случае легко запутаться самому и запутать других» (стр. 42). Что верно, то верно. Той постановкой вопроса, которая имеет место у т. Геронимуса, можно действительно запутать и себя и других. Кстати, зачем понадобилась автору механика

вместо диалектики? Если «диалектика вернее», то ее и нужно применять, она-то и помогла бы нашему автору не переносить механически смену современных лозунгов на понимание развития лозунгов Ленина в революции 1905 года. Именно благодаря механическому перенесению современного понимания значения главных и подсобных лозунгов на военные лозунги 1905 г. не выполнено благое намерение внести ясность в эти вопросы.

Бесспорно, что Шмидт — автор брошюры «Марксизм — ленинизм и военный вопрос» — напутал. Напутал, когда утверждал, будто Ленин считал главным путем организации революционной армии «превращение старой реакционной армии (или ее отдельных частей) в революционную армию». Но позиция, с которой критикует его т. Геронимус, выбрана неправильно.

Верно, что Ленину как великому революционеру-диалектику было чуждо выдумывание искусственных переходов, схем и планов, но ему было также чуждо то понимание, которое вкладывает в освещение разбираемого вопроса т. Геронимус. Нельзя назвать иначе как формально-механической попытку т. Геронимуса следующим образом изложить взгляды Ленина и нашей партии: «Есть лишь одно средство устранить мнимые «противоречия» между двумя лозунгами партии в военном вопросе в 1905 г., — пишет т. Геронимус, — это признать, что лозунг всеобщего вооружения народа выдвигался тогда партией как лозунг пропагандистский или перспективный, а лозунг революционной армии фигурировал в качестве лозунга дня, лозунга непосредственного действия» («Записки», т. II, стр. 47). Как же в действительности обстояло дело с этими лозунгами? Прежде всего надо отметить, что у Ленина во всех его работах периода революции 1905 г. все военные лозунги подчинены общей задаче победы рабочих и крестьян путем вооруженного восстания, свержения царского самодержавия и установления демократической республики. Но этого сказать мало, если забыть об оценке Лениным характера нашей революции и о движущих силах

этой революции. Военные лозунги партии, как и общеполитические лозунги, исходили из этих задач. Прежде всего в нашей первой революции гегемоном являлся пролетариат, стало быть, в первую голову должны были быть вооружены пролетарии и создана рабочая гвардия. Крестьянство—союзник пролетариата, который является решающей движущей силой революции только под руководством пролетариата. Отсюда—пропаганда в войсках, политика откола от них отдельных частей и использование этих революционных частей как ядро будущей революционной армии. Только при гегемонии рабочего класса, только при революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства буржуазно-демократическая революция сможет быть доведена до конца и стать прологом революции социалистической. Отсюда у Ленина требование уничтожения постоянной армии, полной выборности чиновников и т. д., создание всенародной милиции, всеобщего вооружения.

Но тут-то и настигает нас метафизик и допрашивает: а не противоречит ли лозунг вооружения народа и уничтожения армии лозунгу создания революционной армии? Нет ли нужды «примирить» это противоречие? И в целях устранения этого противоречия один лозунг объявляется перспективным, а другой—лозунгом дня. Совершенно очевидно, что это не ленинское понимание. Создание революционной армии в боях 1905 г. было не только лозунгом дня, но целиком увязывалось с задачей уничтожения кастовой постоянной армии и превращения ее в народную революционную армию, связанную с народом. Вот почему ниоткуда не вытекает необходимость примирять лозунги вооружения народа и уничтожения казарменной армии с лозунгом создания революционной армии. Все они должны рассматриваться в неразрывном единстве, и тогда не понадобятся бесплодные попытки механически абстрактно и формально «примирять» их. Во всяком случае «ясности», которой хотел т. Геронимус, он своей статьей не внес, а лишний раз показал, насколько остро стоит пробле-

ма изучения и обобщения теоретического и практического военного опыта партии в революции 1905 г.

В настоящем томе мы имеем очень ценный доклад т. Будкевича («Операции польских армий на Висле в 1920 г.»), изучившего наши операции 1920 г. на Висле по польским источникам. Вопрос, который нас здесь интересует и который недавно был сформулирован т. Сталиным в «Ответе колхозникам», это—вопрос о том, где искать причины нашего поражения под Варшавой. Тут мы имеем различные голоса, которые оппортунистически подходят к ответу на этот вопрос. Примером оппортунистического подхода к разбору этой проблемы является хотя бы недавно раскритикованная в «Большевике» книжка Суслова. Не приходится поэтому отрицать значение тех вопросов, которые подняты докладом т. Будкевича об операциях поляков 1920 г. Но, говоря об этом докладе, пожелаем, чтобы на страницах нашей печати получили гораздо большее место, чем сейчас, вопросы политической работы в этой операции и вообще вопросы политического обеспечения всей кампании.

Из других материалов разбираемого тома много нового дает доклад т. Жбиковского о совершенно мало у нас изученном и слабо освещенном Ирландском восстании 1916 г. Следует также отметить доклад т. Соколова-Страхова о гражданской войне в Афганистане. Точно так же надо отметить доклад т. Фенделя, в котором он пытается развить положение о деятельности комиссаров при армии Конвента. Поистине прав т. Покровский, когда он сказал, что история—это политика, опрокинутая в прошлое. В этом смысле понятны будут попытки проф. Свечина (выступавшего в прениях по докладу Фенделя) обвинить французских революционеров в излишнем недоверии к армии и в негодности и никчемности института комиссаров в этой армии.

В заключение остановим внимание читателей на вопросах, поднятых статьей т. Розенцвейга «К постановке проблемы так называемой «военной психологии». За последние годы в этой области по-

явилось много литературы, искажающей марксизм и преподносящей нам в «марксистской» обработке буржуазные взгляды. Борьбе с этими искажениями и посвящена в значительной своей части статья Розенцвейга. Он показывает, как в насквозь механистической брошюрке Короля о военно-политическом воспитании Красной армии протаскивается якобы содержательная, а на деле убогая мысль т. Бухарина, что «отдельная личность, как шкурка от колбасы, набита влияниями среды». Но из этого понимания может вытекать только одно: нельзя перекладывать людей до тех пор, пока мы не переделаем среду, а среду нельзя переделать, пока не переделаны производственные отношения; стало быть, будем ждать, пока мы не переделаем базиса, а тогда автоматически переделается и надстройка. И Король совершенно логичен, когда он говорит о господстве в бою животных, биологических свойств человека и когда он поэтому проповедует отказ от политической работы в боевой обстановке. Не менее вредной, как показывает автор, является попытка эклектически соединить марксизм с фрейдизмом, имеющая место в работе т. Хаханьяна по вопросу о психологии в военном деле. К сожалению, кроме небольшой работы т. Таланкина, правильно подошедшего к разрешению этой проблемы, мы ничего марксистского почти не имеем. Эта проблема еще ждет своей разработки.

Г. П.

М. И. АХУН и В. А. ПЕТРОВ. Царская армия в годы империалистической войны. Научно-популярная библиотека. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М. 1929 г., стр. 124

Тема «Царская армия в годы империалистической войны» неоднократно затрагивалась в нашей литературе. Но затрагивалась она как-то вскользь, между прочим. Ни одной большой, серьезной работы, специально посвященной этой теме, до сего времени мы не имели. Можно было предполагать, что новая работа М. И. Ахуна и В. А. Петрова восполнит этот существенный

пробел. Авторы известны своими работами о революционном движении в армии, хорошим знакомством с архивными и литературными источниками на эту тему,—все это давало основание ожидать, что тему о царской армии в годы империалистической войны они разработают достаточно полно и глубоко.

Уже из предисловия к книжке видно, что такие ожидания оказались напрасными. Авторы, как они сами определяют, поставили себе задачей «дать главным образом документально проверенную характеристику солдатских настроений, нашедших свое выражение в разговорах, зафиксированных в документах, в подлинных солдатских письмах и, наконец, в военных восстаниях, прокатившихся широкой волной по армиям фронта в конце 1916 и в январе 1917 года». Таким образом, они чрезвычайно сузили свою задачу. Ограничить весь очерк характеристикой солдатских настроений, конечно, нельзя уже потому, что одни солдаты еще не составляют всей армии. Правда, в самом очерке авторы несколько вышли из этих узких рамок своей задачи, но общая установка их все-таки осталась неправильной.

История царской армии в годы империалистической войны—это история ее постепенного разложения. Первые признаки разложения появились вскоре же после начала войны, после Октябрьской революции армия окончательно распалась. Нарисовать картину этого постепенного разложения армии—еще не значит дать исторический очерк ее. Нужно вскрыть причины разложения, сделать анализ их. Армия в империалистическую войну перестала быть армией в точном понимании этого слова, а превратилась в вооруженный народ. Она являлась частью всего населения России, жила общими с ним настроениями и желаниями. Поэтому историю армии этого периода нельзя рассматривать отдельно от истории разложения всей царской России. Основные причины разложения были одни и те же. В историческом научно-популярном очерке это необходимо обрисовать с особенной выпуклостью. В

рецензируемой книжке это выполнено очень слабо.

Не удалось авторам дать и просто четкой картины разложения армии. Система расположения материала не способствует этому. Весь очерк состоит из четырех глав. Названий глав, объединяющих содержание каждой из них, нет. Чтобы дать представление о построении очерка, следует привести содержание его по главам: гл. I. Армия на войне. Мобилизация. Отношение к войне; гл. II. Быт фронта и тыла. Начало разложения армии. Борьба с разложением армии; гл. III. Армия и тыл. Классовое расхождение армии. Борьба за армию. Военные организации большевиков; гл. IV. Активное выступление против войны. Волнения в тыловых частях. Восстания на фронте.

При таком построении очерка не получается исторического развития событий, постепенного разложения армии. Факты расположены не в их исторической последовательности. Достаточно привести такой пример: в гл. II—«начало разложения армии»—приводятся факты, относящиеся к ноябрю 1916 г.—началу 1917 г. (стр. 30—33), следовательно не к начальному периоду; состояние тыла характеризуется, например, сначала документом от января 1917 г., а потом уже от 30 августа 1916 года (стр. 49—52) и т. п. Благодаря такой системе получается совершенно неправильное представление, будто состояние армии в продолжение всей войны было почти одним и тем же, и даты событий играют незначительную роль.

Весь очерк перегружен фактическим материалом. В предисловии авторы оговариваются, что «фактический материал, зарегистрированный в настоящей работе, ни в коей мере не претендует на какую-либо полноту, которой вряд ли удастся когда-либо достигнуть»... и т. д. Нам кажется, что это совершенно напрасная оговорка: кто же вообще может упрекнуть авторов, что они в научно-популярном очерке, в небольшой книжке в 117 страниц, не дали исчерпывающего фактического материала к такой широкой теме? Да и какая же надобность в подобной полноте? Ведь

фактический материал в подобного рода очерках должен служить только иллюстрацией к выводам и заключениям автора, сделанным на основе этого материала. В данном очерке он является главным содержанием его. Во всяком случае здесь фактического материала больше, чем авторского. Четкость очерка от этого страдает.

На одной из основных мыслей, вложенных авторами в книгу, непременно следует остановиться. Авторы стараются доказать, что революционная пропаганда не играла большой роли в разложении армии. В одном месте книги они прямо говорят: «Изложенные нами ранее факты говорят о том, что не следует слишком преувеличивать значение пропаганды». Но из этого не следует, конечно, что ее нужно сводить на-нет, как это делают авторы. Если было безусловно неправо командование армией, которое прикрывало все свои недостатки и безобразия в армии объяснением «пораженческой» пропаганды и считало эту пропаганду единственной причиной разложения войск, то, несомненно, неправы и авторы рецензируемой книги, которые недооценивают роли партийной работы в армии. У них получается так, что разложение армии шло стихийно, почти исключительно в силу бытовых и экономических условий, без всякого влияния политических партий. Поэтому-то, повидимому, в книге описанию военной работы большевиков уделено всего только 3—4 странички.

В книге говорится, что «сознательное отношение к окружающей его действительности делало солдата восприимчивым к пропаганде» (стр. 75). Здесь авторы причину подменяют следствием. На самом деле, конечно, было наоборот: революционная пропаганда делала солдата восприимчивым к окружающей его действительности.

Такая недооценка авторами очерка революционной пропаганды тем более непонятна, что в одном месте они сами говорят, что «овладение солдатской массой было задачей той партии, которая с самого начала войны совершенно четко определила свое отношение к ней» (стр. 77). Работу эту она вела и вела

вполне успешно. И авторам нельзя не бросить упрека, что они эту работу осветили только вскользь, мельком.

Недостаточно обрисована в книге и та работа, которая велась правительством в армии, как контрпропаганда (через печать, церковь и т. п.).

Всю армию авторы почему-то считают крестьянской. Они так и говорят: «В армии резко выступают два враждебных друг другу лагеря: с одной стороны, солдат-крестьянин, с другой—офицер»... (стр. 29). А где же солдат-рабочий? Ведь специальные части войск комплектовались исключительно из квалифицированных рабочих. Не проследить настрояние специальных частей, т. е. солдат-рабочих, в подобном очерке совершенно непростительно.

Мало говорится в книге и о настроении офицерства, а ведь последнее составляло часть армии и немало способствовало ее разложению.

Страницы о флоте (стр. 93—96) кажутся вставленными в книгу искусственно. Положение флота во многих отношениях существенно отличалось от армии. Более ярко выраженный классовый состав флотского офицерства, демократизация его почти совсем не коснулась во время войны, — особенности комплектования матросского состава, особенности службы и др. было причиной того, что разложение флота шло несколько иными путями. Поэтому нельзя, не касаясь совершенно флота в первых главах книги, вдруг заговорить о нем в последних. Получается такое впечатление, что авторы использовали здесь материал о флоте только потому, что он является выигрышным. Лучше уж было флота вовсе не касаться (это отдельная тема) и оговорить это в предисловии.

Заключение книги вряд ли может удовлетворить читателя: «беглая характеристика жизни армии в годы импе-

риалистической войны с совершенной очевидностью свидетельствует, что еще задолго до Февральской революции начался процесс разложения вооруженных сил царской России, со всеми характерными для него явлениями (дезертирство, братание, сдача в плен, враждебное отношение к начальникам, тяга к миру, вооруженные восстания и т. п.), которые получили дальнейшее углубление в послефевральский период нашей истории». Неужели только это хотели показать авторы в своем очерке?

Изложение доведено только до февраля 1917 года. Это следовало бы отметить или в заголовке книги или в предисловии: ведь империалистическая война продолжалась и после Февральской революции. Получается, что содержание книги уже ее названия.

Обращает на себя внимание сравнительно частое, особенно в начале книги, цитирование буржуазных авторов. Пролетарские мемуары, современные исследования использованы в значительно меньшей степени, а при характеристике солдатских настроений они, конечно, имеют большую ценность.

Непонятно, пользовались ли авторы архивами, неопубликованными источниками, и если пользовались, то какими фондами. Указаний на это нигде нет.

Еще одно мелкое замечание: как правило, авторы в тексте ссылок на источники не делают, в конце же книги помещен указатель литературы (только не известно, использованный авторами или вообще по данному вопросу). Но почему-то в начале книги, в отдельных случаях, сделаны подробные ссылки в сносках. Нет единообразия.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что данная тема заслуживает более серьезной и глубокой проработки, тем более в научно-популярной книжке.

В.

НОВЫЕ КНИГИ

История ВКП(б) и ленинизм

Ленин В. И.—Сочинения. Том XI. 1907. Издание третье. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Подготовлен к печати И. И. Минцем. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз. М.—Л. 1930. Тираж 150 000, стр. 662 + VIII, 12 илл.

Ленин В. И.—Сочинения. Том XV. 1910—1912. Издание третье. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Подготовлен к печати И. В. Волковичером. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). М.—Л. 1930. Тираж 150 000, стр. 744 + VIII, 13 илл.

Ленин В. И.—Сочинения. Том XVI. 1912—1913. Издание третье. Под редакцией В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Подготовлен к печати Арк. Ломакиным. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз. М.—Л. 1930. Тираж 150 000, стр. 824 + VIII, 15 илл.

Ленин, В. И.—Задачи комсомола. Речь на третьем всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г. Гиз. Дешевая библиотека. Тираж 2 000 000, стр. 32, ц. 3 к.

Ленин В. И.—Маркс, Энгельс, марксизм. Перевел с русского на украинский язык П. Дятлив. Госиздат Украины. Тираж 5 000, стр. 115, ц. 60 к.

Ленин В. И.—Пролетарская революция и ренегат Каутский. Издание 2-е. Дешевая библиотека. Гиз. Тираж 5 000, стр. 126, ц. 20 к., переплет 10 к.

Гришин М.—Марксизм и ленинизм. Издание третье, вновь просмотренное. Гиз. Тираж 25 000, стр. 188, ц. 45 к.

Пролетарская революция. Систематический и алфавитный указатель 1921—1929 гг. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз. Тираж 3 000, стр. 168 + VIII, ц. 2 р. 50 к.

«С поля вальки» («С поля борьбы») № 9—10. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Изд. Центриздат народов СССР. Тираж 1 500, стр. 256 + 5 илл. ц. 1 р. 50 к.

Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. Том второй. Часть первая. Изд. Комакадемии.

Тираж 15 000, стр. 422, ц. 1 р. 75 к.

Шелавин, К.—Рабочая оппозиция. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 7 100, стр. 48, ц. 20 к.

Революционное движение и классовая борьба в России

Анисимов С.—Исторический город. Изд. политекторжан. Тираж 22 000, стр. 68, ц. 25 к.

Анисимов С.—Тюрьма горит. Изд. политекторжан. Тираж 22 000, стр. 24, ц. 10 к.

Белицкий С. М.—М. В. Фрунзе. Гиз. Военное изд. Тираж 50 000, стр. 47, ц. 12 к.

Венедиктов Д.—Палач Иван Фролов и его жертвы. Несколько неопубликованных «человеческих» документов 1879—1880 гг. Изд. политекторжан. Тираж 10 000, стр. 79, ц. 25 к.

Генкин И.—Среди политекторжан. Изд. политекторжан. Тираж 5 000, стр. 229, ц. 2 р. 25 к.

Гессен Сергей.—Солдаты и матросы в восстании декабристов. Изд. политекторжан. Тираж 10 000, стр. 158, ц. 60 к.

Гессен Сергей.—Заговор декабриста Сухинова. Изд. политекторжан. Тираж 22 000, стр. 55, ц. 20 к.

Гончаров В.—Первые зарницы. Изд. политекторжан. Тираж 22 000, стр. 52, ц. 20 к.

Залежский В.—Из воспоминаний подпольщика. Изд. «Пролетарий», Харьков. Тираж 4 000, стр. 216, ц. 1 р. 10 к.

Захарин Лев.—Петлюровщина перед советским судом. (Дело освобождения Украины.) Юридическое изд. УССР, Харьков. Тираж 3 000, стр. 50, ц. 40 к.

Козьмин Б.—Харьковские заговорщики. 1856—1858. Изд. «Пролетарий», Харьков. Тираж 2 000, стр. 86, ц. 45 к.

Колбин И.—1917-й год в Кронштадте. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 10 155, стр. 80, ц. 30 к.

Колычевский И. П.—Николай Эрне-

стович Бауман. Изд. политкаторжан. Тираж 10 000, стр. 94, ц. 35 к.

Кон Феликс.—Тысяча девятьсот пятый. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 2 000, стр. 93, ц. 30 к.

Кункель А.—Андрей Афанасьевич Франжоли. Изд. политкаторжан. Тираж 15 000, стр. 23, ц. 12 к.

Левандовский, А.—Тимофей Михайлович Михайлов. Изд. политкаторжан. Тираж 15 000, стр. 39, ц. 15 к.

Левандовский А.—Макар Васильевич Тертера. Изд. политкаторжан. Тираж 15 000, стр. 35, ц. 15 к.

Лещинский Н.—Мотовилиха в 1905 году. Историческая повесть 1905 г. с иллюстрациями в тексте и предисловием А. Таняева. Гиз. Уральское областное отделение. Свердловск. Москва. Тираж 5 000, стр. 72, ц. 35 к.

Литература Московского рабочего союза.—Материалы и документы, собрания и подготовлены к печати Н. П. Милутиной и С. И. Мицкевичем. Со вступительной статьей и примечаниями С. И. Мицкевича. Истпарт МК ВКП(б). Изд. «Московский рабочий». Тираж 5 000, стр. 320, ц. 2 р.

Литература партии «Народная воля». «Народная воля». Листок «Народной воли». «Рабочая газета». Документы. Под редакцией: А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, М. И. Дрея, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова, В. В. Леоновича-Ангарского. Изд. политкаторжан. Тираж 500, стр. 336, ц. 6 р.

Любатович Ольга.—Далекое и недавнее. Под редакцией В. Невского и П. Анатольева. Изд. политкаторжан. Тираж 4 000, стр. 145, ц. 1 р. 75 к.

Максимов И.—За власть советов (Крымский комсомол к десятилетию советизации Крыма). Истпартотдел Крымобкома ВКП(б). Крымгосиздат. Тираж 3 000, стр. 43.

Маркиз-де-Кюстин. — Николаевская Россия. Вступительная статья, редакция и примечания Сергея Гессенского и Ан. Предтеченского. Перевод с французского Я. Гессена и Л. Домгера. Изд. политкаторжан. Тираж 4 000, стр. 319, ц. 2 р. 50 к., переплет 50 к.

Морозов-Кременецкий.—Из героиче-

ской эпохи. (Гражданская война в воспоминаниях участников.) Изд. «Молодая гвардия». Тираж 10 000, стр. 47, ц. 20 к.

Мучник Г.—Чем мы занимались в ссылке. Воспоминания ссыльно-поселенца. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 40, ц. 10 к.

Наумов Д. Б.—Николай Иванович Зибер. Из истории марксистской экономической мысли на Украине и в России. Изд. «Пролетарий». Харьков. Тираж 2 000, стр. 80, ц. 50 к.

Общество старых большевиков. От подпольного кружка к пролетарской диктатуре. Выпуск третий. Тысяча девятьсот пятый год. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 7 100, стр. 166, ц. 60 к.

Ольмский М. (М. Александров).—В тюрьме (1896—1898 гг.). Изд. «Молодая гвардия». Тираж 10 000, стр. 175, ц. 50 к.

Пирогова А.—Банщики. С добавлением рассказа В. И. Родионова. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 24, ц. 10 к.

Плесков В.—Зерентуйские побеги и подкопы. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 39, ц. 10 к.

Революция в Крыму. Сборник материалов и документов к десятой годовщине советизации Крыма, № 9. Истпарт. Комиссия по истории Октябрьской революции и ВКП(б) в Крыму. Крымгосиздат. Тираж 2 000, стр. 171.

Русский рабочий в революционном движении. Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 г. Сборник первый. Изд. Комакадемии. Тираж 3 000, стр. 271, ц. 2 р. 50 к.

Стачки 1881—1895 гг.—Сборник документов. Подготовлен к печати Ф. Г. Матасовой. С предисловием В. И. Невского. Центархив. Материалы по истории рабочего движения в России. Под общей редакцией А. Лозовского. Гиз. Тираж 2 000, стр. 383, ц. 3 р.

Строев В.—Жизнь и смерть Н. Э. Баумана. Гиз. Тираж 20 000, стр. 44, ц. 12 к.

Тарасов П.—Записки рядового большевика. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 5 100, стр. 159, ц. 1 р.

Товарищ Бауман. Сборник воспоминаний и документов. Истпарт МОК ВКП(б), «Московский рабочий». Тираж 10 000, стр. 104, ц. 60 к.

Ульянов В.—Записки вечника. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 64, ц. 20 к.

Чужак Н.—Кульптоход теперь и на каторге. Изд. политкаторжан. Тираж 25 000, стр. 43, ц. 25 к.

Чураев А. В.—Свершилось. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 32, ц. 10 к.

Международное революционное движение и Коминтерн

Татару А.—Пролетариат Румынии под гнетом капиталистов и бояр. Гиз. «Московский рабочий». Тираж 15 000, стр. 29, ц. 10 к.

Иозеф. Революционный подъем в Венгрии. С послесловием Бела Куна. Перевод с немецкой рукописи. Изд. «Московский рабочий». Тираж 10 000, стр. 87, ц. 35 к.

К новым боям. Резолюции и постановления V конгресса Красного интернационала профсоюзов. Изд. ВЦСПС. Гиз. Тираж 25 000, стр. 176, ц. 35 к.

В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА

О ХОДЕ РАБОТ ПО НАУЧНОЙ ОБРАБОТКЕ ЛЕНИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Институтом Ленина выпущено уже из печати 15 «Ленинских сборников». К концу января 1931 г. выйдет XVI. Сборник посвящен 25-летию юбилею первой русской революции и содержит исключительно документы по 1905 г. Таковы материалы к статьям Ленина в газетах «Вперед» и «Пролетарий», несколько документов о III съезде партии. В сборнике будет опубликован ряд статей, относительно которых не было точно установлено, что они ленинские, и которые в силу этого не вошли во 2-е издание Сочинений. Чрезвычайную ценность представляют статьи: «Новый революционный рабочий союз» и «Сердитое бессилие». В сборнике публикуется очень интересное ответное письмо Ленина на письмо Каутского, в котором последний под предлогом необходимости сохранения мира в партии советует Ленину не печатать резолюций III съезда партии. Из других документов большой интерес представляет «Воззвание» 1907 г. по поводу выступления Столыпина с декларацией в Государственной думе.

Подготовлен и сдан в печать XVII «Лен. сборник». В этом сборнике продолжена начатая XIV сборником публикация серии документов по международному рабочему движению эпохи мировой войны. Основным содержанием этого сборника послужили чрезвычайно интересные материалы (тезисы, статьи, выписки Ленина), рисующие позицию швейцарской с.-д. во время империалистической войны, ее отношение к левым. В сборник войдут рефераты Ленина по национальному вопросу. Это ряд докладов, прочитанных им в период 1913—1916 гг. в Швейцарии и Кракове и запись прений по этим докладам. В них Ленин полемизирует с польскими и ук-

раинскими с.-д. по вопросу о самоопределении наций. Сюда же войдет переписка Ленина с редакцией органа Троцкого «Наше слово» и ряд других документов, касающихся того же периода.

В 1931 г. сектор лениноведения намечает издать около 8 новых «Ленинских сборников». Уже начата подготовка аграрных сборников. Один из них выйдет в 1931 г. В этот сборник войдут такие документы, как ценнейшие материалы по проработке Лениным работ Каутского, Давида, Герца, по подготовке его собственных трудов по аграрному вопросу. Помещены будут несколько лекций, прочитанных Лениным в 1903 г. в «Высшей» школе в Париже, записанных неизвестным лицом и отредактированных Лениным, а также планов к этим лекциям. Большой интерес будет иметь план-конспект реферата Ленина на тему: «Аграрная программа русской с.-д.» и запись прений, продолжавшихся 3 дня по этому докладу. В них отражена борьба Ленина с народниками и группой «Борьба». Такой материал, как всякого рода выписки, вычисления, раскрывающие перед нами лабораторию научной работы Ленина, войдут во 2-й аграрный сборник. Выход в свет этого сборника даст огромный материал и облегчит работу в области теоретической разработки современных проблем социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Ведется подготовка двух «Ленинских сборников» по 1918 г. Оба сборника намечены к выпуску в 1931 г. Сборники представляют исключительный интерес. В них войдут документы и материалы, показывающие всю напряженность борьбы Ленина за укрепление диктатуры пролетариата, за организацию власти,

борьбы с внутренней контрреволюцией. В 1-й сборник войдет такой документ, как «Основные положения Ленина к майскому декрету о «продовольственной диктатуре»; материалы к вопросу о комитетах бедноты и их значение для союза с середняком. Острейшим вопросом, вопросом жизни и смерти тогда еще не укрепившейся советской власти была борьба за хлеб. Об этом свидетельствует целый ряд документов и материалов, публикуемых в 1-м сборнике; таковы: августовские «Продовольственные тезисы» Ленина, легшие в основу ряда декретов того времени; «Тезисы по текущему моменту», в которых Ленин призывает рабочий класс и беднейшее крестьянство «пойти армией и завоевать хлеб»; обращение к рабочим с разъяснением о продовольственном положении; проект телеграммы о союзе крестьян и рабочих, где Ленин ставит вопрос о соглашении со средним крестьянством, материалы по организации подавления кулацкого восстания в Пензенской губ. В первый Ленинский сборник по 1918 году войдут также материалы по вопросу о кооперации, в которых дана история переговоров с буржуазными кооператорами о соглашении с ними.

Второй Ленинский сборник по 1918 г. охватит круг таких вопросов, как организация власти, промышленности, финансовая политика и т. д.

Готовятся и будут изданы в предстоящем году два Лен. сборника по 1921 г. Материалы этих сборников представляют огромный интерес, ибо в них затронут ряд вопросов, продолжающих быть сугубо актуальными, злободневными. Таковы вопросы изпа, а также вопросы внутрипартийной борьбы. В 1-й сборник по 1921 г. войдут материалы, относящиеся к X съезду партии: конспекты всех речей Ленина, запись прений, проекты резолюций. Затем идут документы по вопросам восстановления промышленности, о концессиях, наказ СТО, о работе местных Экосо, о советском строительстве и об отношении к специалистам. В свете раскрытого заговора контрреволюционных вредительских организаций указания Ленина

об отношении к буржуазным специалистам приобретают исключительное значение. Группа документов этого сборника охватывает вопросы партийного строительства. Сюда относятся материалы майской конференции 1921 г.; письма к Лутовинову в связи с рабочей оппозицией.

Во 2-й сборник по 1921 г. войдут материалы по вопросам Коминтерна (о конгрессах КИ), материалы о внешней торговле и др. Крупное значение будут иметь намеченные к выпуску в 1931 г. два военных Лен. сборника. Серия документов (телеграммы, обращения, переписка, распоряжения и др.) освещает исключительную роль Ленина в организации победы над внешней и внутренней контрреволюцией в годы гражданской войны, его исключительный военно-стратегический гений, его роль организатора и вождя Красной армии.

Наконец в 1931 г. предполагается выпустить сборник по 1922 г., куда войдут все документы, относящиеся к последнему году деятельности Ленина.

В 1931 г. предполагается начать подготовку Лен. сборников по национальному вопросу, по 1919—1920 гг.

Чрезвычайный интерес представляют подготавливаемые к печати ленинские записки об империализме (около 15 тетрадей). К их обработке привлечена группа в 15 чел. слушателей экономического ИКП и Института научных исследований при Госплане СССР под общим руководством т. Таля. Работа уже начата, и есть основание утверждать, что в 1931 г. сектор Лениноведения сможет выпустить в свет не менее одного Ленинского сборника «Записок об империализме». Тетради содержат богатый материал по проработке Ленинских работ Маркса и Энгельса, Гильфердинга, Каутского, Гобсона и др. авторов и представляют подготовительную работу Ленина к его труду «Империализм как новейший этап капитализма».

Таково состояние работ с подготовкой и выпуском ленинских документов.

М. Бобрикова

РАБОТА МЕСТНЫХ ИСПАРТОВ И ОТДЕЛЕНИЙ ЕДИНОГО ПАРТАРХИВА

В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕВОМ ОТДЕЛЕНИИ ЕДИНОГО ПАРТАРХИВА

Партархив постоянного помещения пока не имеет, и все сконцентрированные материалы хранятся в двух местах—Крайкоме и Крайархбюро. Имеющиеся стеллажи заняты, и весь вновь поступающий материал останется поэтому неразобраным до перехода в новое помещение, которое будет готово к концу этого года.

Новое помещение отводится партархиву в Доме советов. В основном оно уже готово, но еще недостаточно просушено и не оборудовано. Оно будет состоять из двух больших зал, общей площадью до 700 кв. метров.

Несмотря на то, что концентрация материалов Нижегородского партархива далеко еще не закончена, все же партархивом проделана большая работа, особенно если принять во внимание, что концентрация материалов проходила в очень тяжелых условиях.

Сейчас сконцентрировано около 14 тыс. дел, на которые имеются в большинстве уже проверенные описи.

Кроме того более двенадцати тонн материалов находятся в нераспакованном виде, в ящиках. Среди сконцентрированных материалов, кроме архива нижегородских организаций, имеются архивы Чувашской области, бывших укомов, части волкомов, ячеек и комфракций. Из печатных изданий имеется более тысячи листовок и прокламаций, как подпольных (эпохи 1900—1905 гг.), так и периода гражданской войны, главным образом местных.

Собраны местные газеты, губернские и уездные, районные и заводские. За один только прошлый год собрано 124 на-

звания. Среди них следующие: «Нижегородская коммуна», «Арзамасская деревня», «Выксунский рабочий», «Красная Чувашия», «Активист» (орг. Вотского обкома), «Колхозник» (г. Яранск); фабрично-заводские: «Красная катушка», «Краснозновская искра», «Красный Сормович», «Волжский бумажник», «Голос Дзержинца»; железнодорожные: «По рельсам Ильича», «Волокник»; комсомольская—«Ленинская смена»; пионерские—«Искры костра», «Клич пионера»; газеты на национальных языках: «Виль Гурт» («Новая деревня»—вотская), «Канаш» («Совет»—чувашская), «Гудыри» («Гром»—вотская), «Кочедык», «Шешле»—сатирическая (г. Алатырь).

Насколько далека от окончания концентрация архивов в Нижегородском крае, видно из того, что до сих пор не получены еще такие большие архивы, как Вятский (по объему не менее двух вагонов), как архивы Павловского, Балахнинского и Кулебакского районов, или как архив Марийской области. Совершенно недостаточно охвачена низовая партийная сеть. Мало сдано материалов комсомольскими организациями.

На Нижегородском партархиве лежит задача добиться скорейшего перехода в новое помещение и окончания в текущем году концентрации материалов по 1925 г. включительно. Для разборки материалов и инвентаризации их необходимо привлечение партийцев в порядке партнагрузки. В этом отношении партархиву должен прийти на помощь краевой комитет.

Е. Попова

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ И КАКОВ ЕСТЬ ЖУРНАЛ «КАТОРГА И ССЫЛКА»

Редакция «Каторги и ссылки» не может пожаловаться в этом году на отсутствие внимания пролетарской общественности к журналу. Тот факт, что на протяжении всего нескольких месяцев появились две довольно пространственных рецензий—одна в журнале «Книга и революция» (№ 21—22, август 1930 г.) и другая в «Пролетарской революции» (сентябрь 1930 г.), показывает, что журнал этот привлек к себе достаточно внимания. Мы можем быть только благодарны редакциям этих журналов, указавших нам на недостатки журнала «Каторга и ссылка». Но, как это ни странно, оба упомянутые отзыва в отношении общей оценки нашего журнала почти диаметрально противоположны; и нам кажется, что происходит это от того, что рецензенты—«Историк» в «Книге и революции» и тов. А. Бур в «Пролетарской революции» подходили с *разных точек зрения*. Владимир Ильич как-то указывал на ошибку, которая происходит со спорящими, когда каждый из спорящих принимает во внимание одну какую-нибудь сторону вопроса, упуская другие. Он привел пример со стаканом, о котором люди могут долго спорить, что собой представляет стакан, оценивая его с самых различных точек зрения. Несомненно, тов. А. Бур подошел к оценке журнала так же, упустив некоторые, едва ли не самые существенные, черты вопроса. А эти существенные черты вопроса заключаются в том, что журнал «Каторга и ссылка» является историко-революционным вестником Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев. И надо было прежде всего иметь в виду, что собой представляет это общество, для чего оно основано, каков его состав,—тогда, конечно, *в зависимости от этого*, требования к историко-революционному вестнику *такого* общества надо предъявить несколько иные, чем

например к органу Института Ленина при ЦК ВКП(б), чисто партийного учреждения. А *отзыв тов. А. Бур как раз игнорирует эту существеннейшую сторону вопроса*. Ведь Общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев (*бывших* политкаторжан при *царском строе*) включает только часть коммунистов. Остальные члены общества, это—представители революционных поколений, начиная чуть ли не от петрашевцев. Общество включает в себя бывших землевольцев, народовольцев, чернопеределцев, анархистов, эсеров, меньшевиков, бундовцев, пепезовцев и т. п. Конечно, могут найтись люди, которые в состоянии оспаривать и самую необходимость существования в СССР такого общества, но это уже другой вопрос. Этот вопрос обсуждался в свое время инициатором создания этого общества Ф. Э. Дзержинским и другими бывшими политкаторжанами достаточно серьезно. И несомненно, существование такого общества в СССР—факт огромной политической важности. Несколько тысяч революционеров всех поколений имеют возможность общения в этом обществе, оказывают друг другу товарищескую помощь, которая так ценится, в особенности, людьми, годами и даже десятками лет проводившими жизнь в каторге и ссылке, дает возможность поддерживать общественный интерес к современности. Само собой разумеется, что орган, издаваемый этим обществом, должен был дать место для мемуаров участников революционной борьбы прошлого, дать на своих страницах оценку этого движения и *с точки зрения его участников*. *Исключает ли это критику неправильных оценок,—неправильных с точки зрения революционного учения марксизма-ленинизма?* Конечно, нет. Но все же надо учитывать, что журнал «Каторга и ссылка» отличается большим своеобразием и не может не

отличаться именно потому, что сотрудниками его, в отличие, скажем, от журнала «Пролетарская революция», являются не одни коммунисты. Как мы не можем требовать от народовольца, вступающего в члены Общества, чтобы он отказался от своих народовольческих взглядов, так мы не можем требовать от народовольца, который описывает деятельность «Народной воли», чтобы он давал эту оценку, какую дает ей, скажем, тов. А. Бур. А между тем тов. А. Бур, наряду с целым рядом правильных замечаний по поводу журнала, дает именно эту неверную установку, исходящую из того, что он упускает из виду своеобразие журнала «Каторга и ссылка».

Тон его статьи дает совершенно невероятное сравнение журнала «Каторга и ссылка» с «прекрасной картиной» В. М. Максимова «Все в прошлом». Это картина, изображающая старую даму, целиком ушедшую в воспоминания о прожитых ею днях молодости и равнодушную ко всему, ее окружающему. Такая дама, любовно, подолгу перебирает все сувениры ее молодых лет и нежно вспоминает малейшие эпизоды, связанные с этими сувенирами. Ведь известно, что к старости память с особой отчетливостью воскрешает мелкие детали отдаленного прошлого, тогда как значительные события последних лет не оставляют почти никаких следов, и тот, кто весь в прошлом, легко теряет историческую перспективу, он легко наряжает в героические одежды и себя и своих современников:

«Да, были люди в наше время
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы».

Так же, как и старая дама на картине Максимова, «весь в прошлом» и журнал «Каторга и ссылка»¹.

Прямо невероятно, как т. Бур, сам бывший в течение многих лет революционером, мог допустить такое сравне-

ние. «Старая дама типа пиковой дамы из какого-нибудь дворянского гнезда, проведшая жизнь, быть может, в бурных развлечении «великосветского» общества—и революционер, прошедший молодость свою в огне революционной борьбы, годы и десятилетия проведенный по каторгам и ссылкам: как можно их сравнивать? Конечно, «старая дама» Максимова вспоминает пережитые ею «страсти»; но какая же страсть вдохновляла участников каторги и ссылки? Именно про них можно сказать, что они знали

«Одной лишь думы власть,

Одну, но пламенную страсть» (Лермонтов).

И эта страсть была страстью революционной борьбы с царизмом, со всеми угнетателями народа—рабочих и крестьян. Конечно, у многих из стариков, участников борьбы 70-х и даже 60-х годов, все в прошлом. А можем ли мы предъявлять к ним иные требования, перекладывать их или отказывать в помещении их воспоминаний, в которых они действительно любовно и нежно вспоминают эпизоды, связанные с их прошлой, революционной борьбой? *Политически неправильно* это сравнение и жестоко *несправедливо* по отношению к старым революционерам. А это сравнение—лейтмотив всей статьи т. Бура. Оно дает тон, оно делает музыку всей статьи.

Мы вовсе не хотим сказать, что тов. Бур во всем неправ. Он прав, например, в том, что название «Лики отошедших» для отдела, включающего некрологи и биографии умерших уже товарищей,—неудачное, неподходящее название. Но редакция «Каторги и ссылки» сама, еще до появления статьи тов. А. Бура, исправила это; и последняя книжка журнала выходила уже с другим названием этого отдела. Верно, например, что в связи с дискуссией о «Народной воле» журнал «Каторга и ссылка» не поместил до сих пор статьи о «Черном переделе», но мы в праве были также спросить: *а какие статьи о «Черном переделе» поместили другие исторические журналы, в связи с дискуссией о «Народной воле»?* Верно указание т. Бура, что, помещая воспоминания об ин-

¹ «Пролетарская революция», № 9 (104), А. Бур.—«Каторга и ссылка», стр. 168—169.

дивидуальном терроре в оценке участников этих актов, журнал «Каторга и ссылка» должен привести и ту оценку, какую давал Ленин, какую давала наша партия террористическим актам в период революции. Верно также то, что «живительный дух самокритики» недостаточно еще проник на страницы журнала «Каторга и ссылка», как, впрочем, он недостаточно еще проник на страницы других наших исторических журналов¹. Но наряду с этими верными положениями т. А. Буря мы имеем ряд совершенно неверных, неправильных упреков по отношению к «Каторге и ссылке». Может быть это происходит от того, что он взял журнал за два года и слишком щедро обобщил отдельные факты. Более детальное изучение отдельных номеров могло бы убедить его в том, что он неправ по ряду вопросов. Возьмем, например, вопрос о мемуарной литературе. Какие упреки выдвигает т. А. Бур? В отношении биографического материала он упрекает журнал, что все эти воспоминания—«отдельные штрихи, случайные воспоминания, некрологи, полные общих мест и личных излияний...» «Дискуссионного материала в них вообще приводится мало». Тов. Бур упрекает также нас в «политической беспринципности даваемых характеристик, беспринципности не случайной, а введенной в систему». Он упрекает, нас, что в подавляющей массе воспоминаний об умерших революционерах ничего не говорится о последних годах этих революционеров после Октябрьской революции. Конечно, нужна четкость и в этом отделе; но всегда ли мы можем предъявлять к автору воспоминаний об ушедшем товарище, чтобы в этих воспоминаниях было полностью описано: а что делал такой-то товарищ в феврале

1917 года, а что он делал в октябре 1917 года, а что он делал в период гражданской войны, а как он относился к постановлениям XVI съезда партии и т. п., не было ли у него уклонов вправо и «влево» и не относился ли он примиренчески к право-«левацкому» блоку и т. п. Конечно, мы таких требований не можем предъявлять и не предъявляем *в очень многих случаях*. Другое дело, что биография того или иного революционного деятеля для исторической правдивости требует тех или иных примечаний от редакции: *это нужно делать*, ибо мы вовсе не должны руководствоваться лицемерным положением, что о мертвых можно говорить только хорошее, и что мертвым надо льстить.

Так же неправильным мы считаем упрек, что у журнала «Каторга и ссылка» «все в прошлом». Конечно, характер этого журнала таков, что воспоминания касаются событий, имевших место *до февральской революции 1917 года*. Конечно, теперь это уже прошлое, и мы можем только жалеть о том, что *наш журнал ограничен рамками этого прошлого*. Тем не менее, прямо невероятно, что т. А. Бур проглядел такие вещи, которые бросились в глаза «Историку», обозревавшему журнал для «Книги и революции». В отзыве «Историка» мы читаем:

«Положительной стороной обозреваемых номеров «Каторги и ссылки» является то, что *редакция дала значительный материал по современному революционному движению периода между 1905 и 1917 гг.* Интересны воспоминания т. Ветошкина о подпольной работе в Сибири в эпоху первой революции (№ 2—3, ст. «Странички революционного прошлого»). Написанные очень живо, просто и увлекательно, воспоминания дают богатый материал по истории революционного движения в Сибири, главным образом по истории социал-демократической организации. А это именно и интересно: в нашей историко-партийной литературе это является наименее освещенным участком.

О социал-демократической организации в Сибири, в одном из маленьких

¹ Тов. Бур, к сожалению, умерший в такие молодые годы, мог бы убедиться, во-первых, в том, что у Общества политкаторжан и журнала «Каторга и ссылка» нет таких «редакционных апартаментов», о которых он пишет и, во-вторых, что живительный дух самокритики чувствует себя еще очень сиротливо в редакциях других наших историко-революционных журналов.

городков этой последней, рассказывает Михаил Сафьянов (№ 2—3, стр. 34, ст. «Минусинская группа РСДРП»).

Другой автор—тов. Виноградов—останавливается на небольшом сравнительно эпизоде из революционного движения Томска эпохи 1905 г. Автор рассказывает, какой отклик получило в Томске известие о расстреле 9 января (№ 1, 1930 г., ст. «Дело о митинге в Томске по поводу 9 января 1905 г.»).

Революционному движению во Владивостоке периода 1905—1906 гг. посвящена статья А. Дрезена. Автор привлек некоторый архивный материал для иллюстрации своих положений.

История партии большевиков в Сибири периода 1915—1916 гг. дана в статье воспоминаний И. Бузулаева (№ 4, 1930 г., ст. «Большевики в Минусинске в 1915 и 1916 гг.»).

Тематика рецензируемых журналов разнообразнее, интереснее, а главное актуальнее, нежели мы видели в журнале за прошлый год. Это надо записать в актив редакции. Самый факт посвящения значительного числа мемуарного материала современному революционному движению надо отметить как положительное явление.

Вы видите, что «Историк» из журнала «Книга и революция» отметил, что за последний год имеется у редакции и актив, что журнал стал разнообразнее, интереснее, а главное актуальнее. Значит не так дело обстоит, что «живительный дух самокритики» не может никак проникнуть в тесные комнатунки редакции «Каторга и ссылка».

Третий упрек касается соотношения различных материалов и отсутствия исследовательских статей, дающих историю каторги и ссылки. В № 3 за 1928 г. редакция следующим образом формулировала задачи своего журнала:

«Основная задача этого журнала заключается в том, чтобы привлечь к разработке вопросов истории революционного движения в России непосредственных его участников. В соответствии с этим редакция журнала ставит своей первоочередною задачею собирание и опубликование соответствующего мемуарного и автобиографического материала.

Однако, выдвигая на первый план эту задачу, редакция, разумеется, не считает, что одного этого материала достаточно для освещения невыясненных и спорных вопросов нашего прошлого; вот почему на страницах своего журнала она дает место, наряду с мемуарами, и историко-революционным документам, и исследовательским работам. Тем не менее основной мемуарный характер придает нашему журналу черты чрезвычайного своеобразия».

Как же она выполняла эту программу?

В 1929 году из 1 167 стр., отведенных на первый отдел журнала («Из истории революционного движения»), 595 страниц было занято работами мемуарного характера, т. е. 51 проц. Если же взять 7 вышедших до сих пор номеров «Каторги и ссылки» за 1930 г., то можно констатировать, что в них из 799 стр., отведенных на первый отдел, мемуарам дано 213 стр., т. е. 28,9 проц. Слабее обстоит со вторым отделом, посвященным тюрьме, каторге и ссылке, но и здесь наблюдается прирост исследовательского материала: в 1929 г. мемуарные работы занимали 74,4 проц. (420 стр. из 565), а в 7 номерах 1930 г. 50,5 проц. (158 стр. из 313).

Эти цифры свидетельствуют, таким образом, что журнал «Каторга и ссылка» отводит все больше места именно *исследовательским работам*. Редакция стремится придать журналу больше интереса с точки зрения современности, она отводит все больше места революционному движению эпохи 1905—1917 гг., что и было отмечено, как положительное, журналом «Книга и революция». А в изображении т. А. Бура журнал «Каторга и ссылка»—слепая беспросветность. Неправильно это.

Тов. А. Бур упрекает журнал «Каторга и ссылка» в том, что до сих пор не появилось в связи с 50-летием «Народной воли» «никакого отклика со стороны непосредственных участников борьбы конца 70-х годов, которым, казалось бы, и книги в руки для выяснения вопроса о том, в ком видят они «наследников» и продолжателей начатой ими борьбы». Конечно, было бы очень

желательно поместить такие статьи, и мы можем лишь вместе с т. А. Буром жалеть, что «старики» до сих пор не дали этой оценки, но мы не можем за них выдумывать статьи.

Неверным мы считаем также упрек в том, что журнал дает только «отдельные штрихи из жизни революционеров, случайные воспоминания». Наряду с такими случайными воспоминаниями, неизбежными во всяком историческом журнале, неизбежными в таком своеобразном историко-революционном журнале, каким является «Каторга и ссылка», мы имеем ряд биографических очерков, которые представляют собою и общую характеристику революционера и подробные данные о революционной деятельности и даже о революционной обстановке пережитой эпохи. Таковы статьи Фридберга о Рогозниковой, Чернавского о Кузнецове, Альберта о П. Теплове, Булановой-Трубниковой о Л. Буланове, Мошинского о Федорченко, Пешкорова о Рудометове, Жуковского о Дурново, Прибылева о Волошенко, Сухомлина и Прибылева о Диковском, Цвилленева о Батюшковой и др. Все эти статьи напечатаны в 1929 и 1930 гг. В предыдущих же годах можно было бы отметить еще целый ряд таких же статей.

Опять-таки при оценке деятельности того или иного революционера в журнале «Каторга и ссылка» надо учитывать характер Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, — этого своеобразного объединения революционеров не только различных поколений, но и различных идеологий. И мы не можем требовать, чтобы все эти революционеры говорили марксистским языком; мы можем лишь требовать, чтобы журнал «Каторга и ссылка» давал и марксистскую оценку этому прошлому.

Помещая этот ответ, мы полемизируем не с т. Буром, к сожалению, уже умершим, а с редакцией журнала «Пролетарская революция», которая, пови-

димому, считала правильной статью тов. А. Бура, помещая ее без оговорок. Мы не считаем журнал «Каторга и ссылка» незаслуживающим упреков. Журнал имеет, действительно, много недостатков. Он преподносит материалы читателю в недостаточно систематизированном виде. У него нет, я бы сказал, плановости в работе, чтобы определенную полосу революционного движения, определенную эпоху *всесторонне* осветить на протяжении определенного периода времени. Если в центре внимания сейчас стоит 50-летний юбилей «Народной воли» — надо было *мобилизовать* все возможные для освещения вопроса материалы, мобилизовать всех работников «Каторги и ссылки», всех участников революционного движения этой эпохи для того, чтобы дать *всестороннее* яркое освещение эпохи, деятельности «Народной воли», дать правильную объективную оценку этой эпохи. Журнал недостаточно ярок, чтобы привлечь к себе внимание большего числа участников революционного движения. Журнал не привлек к себе в качестве сотрудников более молодых товарищей — историков революционного движения. Все эти и другие серьезные недостатки требуют упорной, настойчивой работы, требуют известной *перестройки* журнала, усиления редакции. Но журнал не заслуживает той оценки, которая дана ему в журнале «Пролетарская революция», — оценки, игнорирующей своеобразие Общества политкаторжан и ссыльных, оценки, исходящей из неправильного сравнения людей, над многими из которых в свое время повис меч смертного приговора, которые прошли страдания каторги и ссылки — со старой дамой Максимова из Третьяковской галереи. Ни эти люди, пережившие десятки лет революции, ни их историко-революционный вестник «Каторга и ссылка» не заслужили такого обидного и необъективного сравнения.

По поручению Президиума Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев и редакции журнала «Каторга и ссылка»

Староста О-ва Ем. Ярославский

ОТВЕТ Т. ЯРОСЛАВСКОМУ

Я редактировал статью Бура в «Пролетарской революции». После прочтения возражений тов. Ярославского опять перечел эту статью Бура и *остаюсь целиком при старом мнении, высказанном Буром*. Тов. Ярославский говорит о «подходе с разных точек зрения». Статья Бура именно подходила с нашей, *партийной* точки зрения и иначе не могла подходить.

Возражение т. Ярославского дает повод затронуть и более общий вопрос о «Всесоюзном обществе политических каторжан и ссыльно-поселенцев», которое он характеризует как «историко-революционное». Революционный — понятие относительное. То, что вчера было революционным, сегодня может получить иной смысл. То, что способствовало раньше товарищескому общению революционеров, сегодня может способствовать общению чуждых элементов для революции или противоясственному общению людей разных политических убеждений. И чем дальше развивается революция, тем более в таком «Обществе», где основной признак членства — принадлежность к ссыльным или политкаторжанам, возможно преобладание чуждых элементов. Иначе сказать, с течением времени революционность будет выдыхаться, и будет назревать необходимость размежевания.

Настало ли сейчас время такого размежевания? Судить не берусь. Но отметить признаки приближающегося размежевания будет всегда полезно для

истинно-революционной части Общества. И статья Бура отмечает эти признаки.

Замечу, между прочим, что журнал «Каторга и ссылка» далеко не всегда придерживается принципа общения только между каторжанами и ссыльно-поселенцами. В нем нередко встречаются некрологи и статьи лиц, никогда не бывавших в ссылках или на каторге. Например, — ни Никонов, ни Акимов не были ни в ссылке, ни на каторге. А между тем появляется статья Никонова, восторженно описывающего убийство Акимовым адмирала Чухнина, восторженно пропагандирующая террор, как метод политической борьбы вообще. Получается впечатление прикрытого призыва к методам терроризма. Об этом достаточно говорит Бур. А т. Ярославский обходит этот вопрос молчанием. Между тем очевидно, что, например, «общение» между деятелями советской власти и людьми, которые стали бы проповедывать у нас террор, возможно только такое, какое было между Лениным и бывшей каторжанкой Каплан, стрелявшей в Ленина. Таким образом, в изображении Бура журнал «Каторга и ссылка» — не только «сплошная беспросветность», как говорит тов. Ярославский, а с моей точки зрения и нечто худшее, несмотря на то, что там содержится ряд положительных статей наших товарищей-марксистов.

М. Ольминский

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция считает, что статья т. Бура (не касаясь отдельных частных) 1) в общем правильно вскрывает большие места работы журнала «Каторга и ссылка»; 2) что указания т. Ярославского на то, что журнал «Каторга и ссылка» является органом, группирующим вокруг себя людей, «годами и даже десятками лет проводивших жизнь в каторге и ссылке», ни в какой степени еще не решает вопроса ни о выдержанности журнала, ни тем более о правильности

статей и воспоминаний его сотрудников — членов общества; 3) что признак «бывшего революционера» — какого бы признания тот или иной отдельный революционер ни заслуживал за свою прошлую революционную борьбу с самодержавием, — еще абсолютно ничего не говорит о его современной позиции и не дает права некритически относиться к его прошлой работе и замахивать его политические взгляды; 4) что сейчас в обстановке обостренной

классовой борьбы неизбежен процесс дальнейшего размежевания среди той группы интеллигенции из числа бывших ссыльных и каторжан, которая группируется вокруг общества; 5) что редакция рассматривает и рецензию Бура и письмо т. Ольминского как попытку содействия уточнению позиции журнала

и обеспечению его выдержанного, марксистского лица, что само собой не исключает того, что и не-марксисты, члены общества, могут принимать участие в журнале путем воспоминаний и пр. регулярной литературной работы.

Редакция

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Стр.

Ф. Савинский. Парламентская тактика с.-д. в эпоху первой русской революции	3
Ф. Чучин. Империалистическая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири (1917 — 1919 гг.)	21
✓ Д. Кин. Тактика большевиков в рабочих организациях в 1917 году . .	52
С. Сеф. Бакинский Октябрь	67

ВОСПОМИНАНИЯ

И. Яхновский. Из истории революционной работы в Черноморском флоте накануне 1905 года	90
Н. Жигалин. Партизанское движение в Западной Сибири	98

МАТЕРИАЛЫ

Протоколы 3-й Московской областной конференции РСДРП (б) 1917 года. (Окончание.) Подготовлены к печати К. Касаткиным	115
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки. К. Сидоров. История ВКП (б), том II, под общей редакцией Ем. Ярославского	160
Рецензии: М. Артуров. История КИМа в конгрессах.—Г. П. Записки секции по изучению проблем войны при Комакадемии, том II.—В. М. Ахун и В. Петров. Царская армия в годы империалистической войны	169
Новые книги	177

ХРОНИКА

В Институте Ленина: М. Бобрикова. О ходе работ по научной обработке ленинских документов	180
Работа местных истпартов и отделений единого партархива: Е. Попова. В нижегородском краевом отделении единого партархива	182
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ: Е. Ярославский. Каким должен быть и каков есть журнал «Каторга и ссылка».—М. Ольминский. Ответ тов. Ярославскому — От редакции	183

ОГИЗ—КНИГОЦЕНТР

ПЕРИОДСЕКТОР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1931 год

КАЛЕНДАРЬ КОММУНИСТА

IX ГОД ИЗДАНИЯ

ДЛЯ ГОРОДА

IX ГОД ИЗДАНИЯ

Под редакцией Х. КАНТОРА, С. КУЗНЕЦОВА и В. МОЧАЛОВА

СОДЕРЖАНИЕ:

1. КАЛЕНДАРЬ. Табель-календарь (вкладка). Важнейшие события. Хроника за 13 лет. Красные дни.
2. МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО. Обзор за год СССР в капиталистическом окружении. Экономико-географические и политические сведения по важнейшим странам.
3. МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ.
4. ПАРТИЯ. Решения XVI съезда ВКП (б) и задачи партии. Партия в борьбе на два фронта. Реорганизация партияпарата и новые формы и методы партийной работы. Состав партии по областям и краям. Состав ЦК, ЦКК и его органов с краткими географическими сведениями. Партийная печать.
5. СОВЕТЫ. Важнейшие решения партии и правительства по вопросам советского строительства. Краткие экономико-географические сведения о республиках и областях СССР.
6. ПРОФСОЮЗЫ. На новом этапе. Важнейшие постановления.
7. КОМСОМЛ. Важнейшие решения партии и комсомола. Статистический справочник. Пионердвижение.
8. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО. Обзор за год. Контрольные цифры на 1931 год. Важнейшие промышленные и сельскохозяйственные строительства. Система управления промышленностью. Система управления сельским хозяйством. Процесс колхозного движения.
9. НАУКА. Изобретательство. Достижения нашей научно-исследовательских институтов. Проблема рационализации.
10. ВОПРОСЫ КАДРОВ. Кадры промышленные. Кадры сельскохозяйственные. Кадры научные.
11. ОБОРОНА СССР. Вооружение наших врагов. Вооруженная сила пролет. диктатуры. Как стать командиром РККА.
12. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. Коммунистическое просвещение. Система партпросвещения. Библиографический обзор. Борьба с неграмотностью. На литературном фронте. Кино. Театр.
13. ОРГАНИЗАЦИЯ И ГИГИЕНА УМСТВЕННОГО ТРУДА.
14. ФИЗИКУЛЬТУРА В БЫТУ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОТДЫХА.
15. САМООБРАЗОВАНИЕ.
16. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ.
17. СПРАВОЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА — 2 РУБЛЯ. По выходе из печати в розничной продаже будет стоить 2 руб. 50 коп. Заказы принимаются к исполнению при получении задатка в сумме 50 коп. (можно марками). Остальная сумма — налож. платежом ПРИ УПЛАТЕ ВСЕЙ ПОДПИСНОЙ СУММЫ ВПЕРЕД—ПЕРЕСЫЛКА БЕСПЛАТНО

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Книгоцентра ОГИЗ Москва, центр, Ильинка, 3. Ленингр.

отд. ОГИЗа — Ленинград, проспект 25 Октября, 28, в отделен., конторах и магазинах ОГИЗа, у уполномоченных, снабженных удостоверениями. По г. Москве подписку надлежит направлять в Московское областное отделение ОГИЗа — Москва, Неглинный, пр., 9.

КАЛЕНДАРЬ КОММУНИСТА НА 1931 ГОД

ДЛЯ ГОРОДА ВЫЙДЕТ из ПЕЧАТИ в декабре 1930 года в папке из английского картона и будет содержать до 800 стр., форматом 1/32 листа.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО! После 1 декабря 1930 г. исполнение подписки не гарантируется.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1931 год

ЗВЕЗДА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

12 номеров в год 12

*РЕДКОЛЛЕГИЯ: Д. Белицкий, Ф. Горохов,
Ю. Либединский, П. Чагин, В. Саянов, Н. Тихонов,
А. Стецкий.*

Ознакомление читателя с лучшими произведениями пролетарской и лево-политической художественной литературы, отображение социалистической перестройки быта, отклик на боевые общественно-политические вопросы, постановка литературно-критических вопросов и дискуссий—таковы главнейшие задачи журнала „ЗВЕЗДА“.

В 1931 г. будет расширен отдел общественно-публицистический, отдел «Культура и быт» и отдел критики.

Подписн. цена: на год—10 р., 6 м.—5 р., 3 м.—2 р. 50 к. Отд. номер—1 р. 10 к.

ОКТАБРЬ

**Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Всероссийской и Московской ассоциаций пролетарских писателей.**

12 номеров в год 12

*РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Исбах, А. Караваев, Ф. Пан-
феров, М. Светлов, А. Фадеев, М. Шолохов.*

Журнал рассчитан на партийный и комсомольский актив, переловых рабочих, а также на широкие писательские слои и литкружковцев.

Подписная цена: на год—12 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р. Отд. номер—1 р. 10 к.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ КАТАЛОГИ И ПРОСПЕКТЫ!

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ В ПЕРИОДСЕКТОРЕ КНИГОЦЕНТРА—

Москва, центр, Ильинка, 3; во всех отделениях, магазинах и киосках КНИГОЦЕНТРА; у уполномоченных, снабженных удостоверениями, и на почте. По МОСКВЕ подписку направлять в МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ОТДЕЛ ОГИЗа: Неглинный пр., 9.

ОГИЗ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

при ЦК ВКП (б)

ОГИЗ

В. И. ЛЕНИН

В 27 ТОМАХ

СОЧИНЕНИЯ

В 27 ТОМАХ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ. • Под ред. В. В. АДЗРАТСКОГО, В. М. МОЛДОЗЛА, М. А. САВЕЛЬЕВА

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ и в ближайшее время
будет рассылаться подписчикам **Том XXVII 1921—1923**Стр. VIII + 620, 21 илл. Подгот. к печати **И. П. Товстухой****Том XXVI 1920—1921** Издание третье (удлившееся), подготовлено к печати **Н. П. Извицким**.

Стр. VIII + 748, 18 иллюстр. Вышел из печати.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ**ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ:** Заказы—4 р. и при получении томов 1—25 по 1 р. 50 к. за т. и томов 26 и последующих по 1 р. 60 к. за том.**ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ:** Заказы—2 р. и при получении томов 1—25 по 75 к. за том и томов 26 и последующих по 80 коп. за том.

Пересылка за счет подписчика.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

И. И. СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ I

Под редакцией: **П. А. КРАСИКОВ**, **Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА**, **М. А. САВЕЛЬЕВА**,
В. Г. СОРИНА, **П. Г. СЕННИКОВСКОГО**. Подготовил к печати **Б. Н. ТИХОМИРОВ**.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие. **ИВАН ИВАНОВИЧ СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ. Биографический очерк.** Составлен **Б. Тихомировым** и **И. ОТ РЕВОЛЮЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ (1905—1916).** Из истории феодального класса. *Современные политические партии.* «Русские ведомости» порицают и начинают. Издалека. О «свободе конкуренции». Конфискация или выкуп? Служим бороться или уповать на либеральных буржуа? К вопросу о соглашениях. Рецензия на брошюру **Н. Ленин.** «Социал-демократия и избирательные соглашения». О новом повороте **Плеханова.** К вопросу о блоках и соглашениях. Выборы депутатов в Москве. Московские выборы в фракционном освещении. Вторая Дума. Первые заседания Государственной думы. Декларация социал-демократической фракции. Классовая основа политических партий. *Вопрос о военнопленных судах в Государственной думе.* «Анархисты», кадеты и всеобщее избирательное право. Либеральный обыватель и всеобщее избирательное право. Социал-демократическая фракция в III Государственной думе. Крестьяне и правительство. По поводу закона о выделе из общины. К юзовской катастрофе. Капитал и газеты. **Сергей Андреевич Муромцев** (сконч. 4 октября 1910 года). **Лев Николаевич Толстой** (скончался 7 ноября 1910 года). Товарищества мелкобуржуазных производителей. Экономические предпосылки, их возникновение и тенденции их развития. Империализм. Карательный протекционизм.—Эмиграция капитала.—Колониальная политика. Экономика и политика в рабочем движении. Рецензия на питетомник **М. Н. Покровского:** «Русская история с древнейших времен». Наши задачи. О единстве и «Единство». Один из крупных вопросов стачечной тактики. О парламентском блоке. **Н. Суханов** о наших направлениях. *Указатель имен.* Стр. 363 + XXXVI, 1 иллюстр. Цена 1 р. 50 к., переплет 50 к.

ОГИЗ — КНИГОЦЕНТР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОД НА ЖУРНАЛ

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

год издания 10-й.

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» посвящен изучению ленинизма, теоретической разработке вопросов партийного строительства, истории ВКП (б) и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войны и борьбе с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности зарубежных коммунистических партий и международного рабочего движения. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. Ленина и истории большевистских партийных организаций.

Отделы журнала: Статьи, трибуна, воспоминания, материалы, вопросы изучения и преподавания истории ВКП (б), ленинизма и Коминтерна, критика и библиография, хроника. К сотрудничеству в журнале привлечены лучшие партийные и научные работники.

Журнал рассчитан: на научных работников и преподавателей истории ВКП (б), ленинизма и истории Коминтерна, на пропагандистов, слушателей курсов и комвузов и на руководящий партийный актив.

Редакционная коллегия: В. В. Адоратский, Д. А. Баевский, П. О. Горин (зам. отв. ред.), М. С. Ольшанский и М. А. Савельев (отв. редактор).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год 12 р.
на 6 месяцев 6 р.
на 3 месяца 3 р.
Отдельный номер 1 р. 50 к.

СЕКТОР ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЙ